

КОРКИНА СЛОБОДА

краеведческий альманах

*Выпуск пятый
Ишим - 2003*

Краеведческий альманах "Коркина слобода" - N 5 - 2003
Электронная версия - www.ershov.ishimkultura.ru

**Образ преподобного Петра Столпника
из одноимённой церкви, возведённой при участии
Петра Павловича Ершова на его родине -
в деревне Безруковой.
2-я пол. XIX в.**

Администрация г.Ишима
Ишимский краеведческий музей
Ишимский государственный педагогический институт
им.П.П.Ершова

Коркина слобода

Краеведческий альманах

Выпуск пятый

Ишим — 2003

*Краеведческий альманах "Коркина слобода" - N 5 - 2003
Электронная версия - www.ershov.ishimkultura.ru*

ББК 63.3 (253.3)
К 66
УДК 908.571.12

Приносим искреннюю благодарность за финансовую поддержку в издании альманаха депутату Тюменской областной Думы, мэру г.Ишима Виктору Александровичу Рейну.

Печатается по решению редакционно – издательского совета Ишимского государственного педагогического института им.П.П.Ершова

Редакционная коллегия:

Т.П.Савченкова (главный редактор)
Н.П.Кузовкова
Н.Л.Проскурякова
Г.А.Крамор

Общественный редакционный совет:

В.Б.Белоусов
А.С.Тихонов
Л.М.Тиховская
Г.Е.Лукошина
Ф.М.Пашков
В.Н.Мальшев

Рецензент:

доктор исторических наук,
профессор В.Г.Истомин

К 66

Коркина слобода: Краеведческий альманах. Выпуск 5 — Ишим: Изд — во ИГПИ им. П.П.Ершова, 2003. — 128 с.

Пятый выпуск "Коркиной слободы" включает в себя статьи, очерки, мемуары, фотоматериалы, относящиеся к истории Ишима и Приишимья. Альманах адресован широкому кругу читателей.

ISBN 5—900142—44—2

© ИГПИ им.П.П.Ершова, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ	На первой стр. обложки: Ветряные мельницы Ишимского уезда. Первая пол. XX века. Фото из архива Н.П.Хрулева.		Зах В.А. Древние поселки на озере Мергенъ
		5	
		9	Щеглова Т.К. Никольская ярмарка и всероссийский рынок во 2-й половине XIX столетия
		16	Малышев В.Н. Сладковский храм
		20	Курышев И.В. "Жизнь стала очень трудная..." Гражданская война в документах
КУЛЬТУРА КРАЯ	На второй стр. обложки: Образ преподобного Петра Стопника из храма Петра Стопника в селе Безруковском. Изображение на хоругви. Вторая пол. XIX века. Фото Г.А.Крамора.	26	Петрушин А.А. "Огненный тракторист"
		31	"Когда любовь связывала всех нас воедино..." Письма П.Ершова и Лещевых. Публикация, вступительная статья, примечания Т.П.Савченковой
		39	Сарафанникова Л.А. Уездное училище в Ишиме
		43	Савченкова Т.П. Педагогическая и исследовательская деятельность А.Г.Худякова
		47	Худяков А.Г. Этнографические сведения о жителях Ишимского округа Тобольской губернии
	На третьей стр. обложки: Художник из Ларихи Федор Севернюк.	56	Худяков А.Г. Этнографические заметки по Ишимскому округу
		58	Копылов В.Е. У истоков фотографии на юге Тобольской губернии

**ЛИКИ
ПРОШЛОГО
И НАСТОЯЩЕГО**

- 64** Крамор Г.А.
Ишим - остановка на крестном пути.
Судьбы Серафима (Звездинского)
и Афанасия (Сахарова)
- 74** Проскурякова Н.Л.
Конструктор Николай Васильевич
Никитин
- 80** Сарафанникова Л.А.
Краевед Федор Пашков
-

МУЗЕЙ

- 85** Скареднова Н.Н.
Гольшмановский краеведческий музей
-

**ЖУРНАЛЫ
И ГАЗЕТЫ ЛЕТ
МИНУВШИХ**

- 91** Страницы "Тобольских губернских
ведомостей"
- 93** Драверт П.Л.
Ишимский метеорит
-

**ПЫТЛИВЫЙ
ПОСОХ
СТРАННИКА**

- 96** Крамор Г.А.
В краю медовых лип.
Экспедиция в Викуловский район
-

**СТРАНИЦЫ
МЕМУАРОВ**

- 116** Плотников А.В.
Детские годы мои
- 122** Рыдзевский С.И.
Крылья нашей юности
-

**ВКРАТЦЕ
ОБ АВТОРАХ**

126

История и краеведение Приишимья

В.А. ЗАХ

Древние поселки на озере Мергенъ

Озеро Мергенъ — одно из самых крупных озер в лесостепной части Нижнего Приишимья, длина его составляет около 11 км, ширина иногда достигает более 2 км. Оно расположено на второй надпойменной террасе реки Ишим, вытянуто с северо-запада на юго-восток параллельно руслу реки. Берега сложены суглинками, в настоящее время сильно заболоченными. Озеро богато рыбой, а тростниковые заросли, окаймляющие берега, отличное место для гнездовой водоплавающей птицы. Обнаруженные вокруг озера остатки поселений и могильников разных эпох свидетельствуют, что с глубокой древности озеро привлекало внимание охотников и рыболовов. Из всех известных наиболее интересными являются древние стоянки и поселки, расположенные на северо-восточном берегу озера у истока реки Мергенъ.

Катенька — стоянка эпохи мезолита

Выход небольшой речки из озера и удобный для проживания мыс, где можно было промысливать рыбу во время ее миграции из реки в озеро и обратно, привлек внимание человека еще около 9000 тыс. лет назад. В это время озеро было намного полноводнее, водой была заполнена также долина реки Мергенъ и прилегающее с севера обширное займище. С концом последнего сартанского оледенения (12 тысяч лет назад) повсеместно в Западной Сибири произошло изменение климата. Сменились ландшафты тундры, и лесотундровые пространства покрылись лесами. Исчезли мамонты, им на смену пришли животные, обитающие в лесостепи и тайге до настоящего

времени. Вот тогда, на берегу обширного Мергеньского водоема, остановился коллектив охотников и рыболовов мезолитического времени. Место стоянки было выбрано на песчаной отмели, у воды, среди густого березового леса. Жилища, скорее всего, были легкого наземного типа, следы от них не сохранились. Судя по находкам кремневого инвентаря, представленного ножевидными пластинами разных размеров, скребками, остриями, резцами, жители стоянки занимались в основном ловлей рыбы и ее переработкой. Отсутствие кремневых наконечников стрел свидетельствует, возможно, о незначительной роли охоты в хозяйстве населения мезолитического времени в Нижнем Приишимье или существовании охотничьих орудий, изготовленных на основе вкладышевой техники. Основа наконечника копья или стрелы делалась из кости, в проточенные пазы вставлялись мелкие кремневые пластинки, усиливающие проникающее действие орудия. Аналогичные орудия встречены как на палеолитических, так и на неолитических памятниках Западной Сибири. Наконечник копья или нож с костяной основой и пластинками в пазах по краям изделия найден на палеолитическом поселении Черноозерье 2 в Прииртышье. Подобные изделия обнаружены в погребении у д.Пеган в Курганской области. Близкие орудия были найдены на памятнике Мергенъ 5.

Население, оставившее следы своего недлительного пребывания на стоянке Катенька, вероятнее всего, было автохтонным, продолжающим традиции обработки камня и кости позднепалеолитических охотников на мамонтов, обитающим на юге Сибири,

*Участники археологического отряда «Динозаврик»
на раскопках стоянки Мергень-6. 2002.*

однако в связи со значительными изменениями климата, ландшафта и сменой фауны, изменившим свою хозяйственную деятельность. В послеледниковое время — около 10 тыс. лет назад — это были коллективы бродячих рыболовов и охотников, останавливающихся на непродолжительное время на берегах водоемов, богатых рыбой. Не исключено, что на таких стоянках как Катенька в теплое время года ловили и заготавливали рыбу и мясо на зиму.

Мергень 3 — поселок первых мигрантов

В послеледниковое время климат и растительность на территории Северной Евразии неоднократно менялся. В конце 7 начале 6 тысячелетия до н.э. происходит изменение климата в сторону усыхания. В южных областях на смену лесостепным пространствам приходят степи и полупустыни, что приводит к сокращению продуктов охоты и рыболовства у древнего населения Приаралья и Прикаспия. Чтобы выжить в меняющихся экологических условиях, древние коллективы вынуждены были приспосабливаться к новому природному окружению или мигрировать на территории, пригодные для ведения привычного для себя хозяйства.

Поселение Мергень 3, расположенное в 1,5-2,0 км к юго-востоку от мыса, образованного рекой и озером Мергень, является одним из таких поселков выходцев

из районов Приаралья и Прикаспия. Мигранты проникали в Притоболье и Приишимье небольшими коллективами, в период еще достаточно увлажненного климата. На самых ранних, по нашему представлению, поселениях Юртобор 3 и Мергень 3 было построено по три жилища. На Мергени 3 исследованы остатки двух конструкций, от которых сохранились котлованы округлой формы, углубленные в материк более чем на 1 м. В каждом жилище имеется по два выхода, расположенных друг против друга. Внутри котлованов раскопаны хозяйственные и столбовые ямы, позволяющие представить конструкцию и этапы возведения сооружений. Вначале выкапывался котлован округлой формы, в нем по кругу вырывались столбовые ямы, в которые вставлялись опорные столбы. По форме конструкция, скорее всего, представляла собой усеченную многоугольную пирамиду или конус. На жесткую конструкцию укладывалось перекрытие, и жилище утеплялось различными материалами: шкурами, берестой, мхом и т.д.

Жизнь коллектива протекала, в основном, в жилище и на площади, занимаемой поселком. Обязанности всех членов, вероятнее всего, родовой общины, включающей от трех до шести семей, были четко распределены. Мужчины и юноши занимались охотой, рыбной ловлей, изготовлением орудий из кремня и изделий из дерева, а также охраной

территории. Женщины вели хозяйство, лепили посуду из глины, обрабатывали шкуры, шили одежду.

Керамическое производство пришельцев было уже достаточно развитым, определились традиции формирования рецептуры глиняного теста с добавками в виде старой долбленной керамики (шамот), различных органических остатков. По форме посуда была круглодонная и плоскодонная, орнаментированная в верхней трети сосуда горизонтальными и наклонными линиями, прочерченными и выполненными отступающей палочкой. Многие сосуды украшены рядами мелких неглубоких ямок, прочерченными линиями. Около четверти сосудов не орнаментированы.

Кремневый материал разнообразен, сырьем для изготовления орудий служили серый, коричневый алеврокварцит, коричневый, зеленоватый, розовый и бежевый кремнь, черный окремненный сланец, серый мелкозернистый песчаник, коричневый крупнозернистый песчаник, зеленый туфопорфирит и алевролиты.

Наиболее представительными на поселении были орудия, связанные с деревообработкой: скобели, резцы, резчики, резчики-скобели, строгальные ножи, развертка и рубящие орудия — топоры. Многочисленны скребки для обработки шкур. Скребки разных размеров использовались при различных видах работы, на определенных участках шкур.

С охотой и утилизацией добычи связаны обломок наконечника стрелы и вкладыши ножей. В качестве ножей использовались пластины-вкладыши с мелкой приострающей ретушью — своеобразной «заточкой» кремневых орудий — и без нее. Ножи могли служить для разделки как мяса, так и рыбы. Для обработки камня служило лучковое сверло и резчики.

Единичны орудия, связанные с обработкой кости. Это скобель и точильный камень. Изучение следов на кремневых орудиях поселения показало, что деревообработка на поселении играла ведущую роль. Большое место занимала обработка и выделка кожи, а также разделка охотничьей добычи.

К сожалению, остатков костей животных, по составу которых более

конкретно можно было бы говорить о хозяйстве населения, оставившего этот поселок, не сохранилось. О хозяйственной направленности неолитических коллективов Нижнего Приишимья можно судить лишь по орудиям, в том числе изготовленным из кости и остаткам костей животных поселения Мергенъ 6, сооруженного несколько позднее, скорее всего, выходцами из поселка Мергенъ 3.

Мергенъ 6 — поселок охотников и рыболовов

С течением времени климатические условия в районе оз. Мергенъ стали меняться в сторону аридизации (усыхания). Зеркало озера сократилось. Вода ушла от террасы, на которой находилось поселение Мергенъ 3, на 1,5-2 км. Жить на старом месте (поселение Мергенъ 3) стало очень неудобно, в то же время освободился из-под воды и окончательно сформировался мыс, образованный в месте истока р. Мергенъ из озера.

Скорее всего, население поселения Мергенъ 3 решило перебраться на мыс ближе к воде. Место, выбранное под поселок, оказалось идеальным. Не очень широкую речку Мергенъ в этом месте можно было перегораживать запором, после того как в озеро для нереста заходила рыба, бить острогой и вылавливать ее гимгами и рукавами*, как это практиковалось до недавнего времени у обских угров. Кроме этого рыбу добывали с помощью гарпунов и сетей, о чем свидетельствуют находки большого количества костей нырковых уток и поганок, которые могли случайно попадать в сети.

Жилища располагались вдоль края террасы, представляли собой углубленные в землю котлованы подпрямоугольной формы, с системой деревянных конструкций, скорее всего, в форме усеченной пирамиды. Внутри находились хозяйственные ямы, в которых обнаружено большое количество мелких костей, чешуи и жаберных крышек рыбы, кости птиц и крупных млекопитающих. В заполнении жилищ также встречалось большое количество рыбьих костей и чешуи. Хозяйственные ямы для отбросов выкапывались и рядом с жилищами, здесь же обнаружены и столбовые ямки,

* Приспособления для ловли рыбы в виде фитилей (корчаг).

в которые, вероятно, вкапывались столбы для различных навесов и приспособлений для сушки сетей и т.д.

При исследовании жилищ и межжилищного пространства обнаружены обломки глиняной посуды, каменные и кремневые изделия и, что особенно интересно, большое количество костяных изделий. Мергень 6 пока единственное поселение в Тоболо-Ишимье, на котором в силу его низкого геоморфологического положения относительно воды в озере и суглинистого культурного слоя хорошо сохранились костяные изделия и остеологические материалы. В основном, это костяные острья, изделия, сделанные из расщепленных ребер крупных животных, возможно, использовавшиеся как рыбачистки, костяные топоры и тесла.

Посуда, обнаруженная на поселении, плоскодонной и круглодонной формы, орнаментированная прочерченными линиями и рядами отступающей палочки и лопаточки. Вся поверхность сосудов, по сравнению с посудой поселения Мергень 3, орнаментирована. Несколько меняется оформление венчиков, увеличивается содержание узоров, нанесенных на поверхность сосудов зубчатым штампом.

Найденные орудия из камня, кремня и кости свидетельствуют о занятии населения поселка охотой и рыбной ловлей. Среди изделий встречаются ножевидные пластины с ретушью и без нее, используемые, как вкладыши в составных орудиях, возможно, ножах, скребки, с помощью которых обрабатывались шкуры и шкурки животных, а также изделия из дерева и кости. Судя по остеологическим остаткам, обнаруженным на поселении, для пополнения мясных запасов охотились на лося, медведя, северного оленя, дикую лошадь, ради шкур добывали волков, куниц, барсуков, выдр. Наличие костных останков собак, достаточно крупных размеров, свидетельствует об охоте на крупных млекопитающих. Все норовые животные были добыты, скорее всего, в теплое время года, а те животные, на которых велась охота ради меха, в конце осени или зимой. Судя по сохранившимся остаткам костей, чешуи и жаберных крышек рыбы, в озере и реке ловили карася, язя, окуня, щуку и карповые породы. В уловах преобладал карась и щука. По чешуе были восстановлены размеры выловленной рыбы; так карась, в основном, достигал длины 20-30 см,

язь — 15-25 см, окунь — 20-25 см, щука — от 30 до 45 см.

Взросшая площадь поселка и количество жилищных построек свидетельствуют о росте количества населения в поселке, расположенном у истока р.Мергень, по сравнению с поселением Мергень 3. Скорее всего, этому способствовали климатические условия и достаточно большое количество пищевых ресурсов.

Поселок первых металлургов

После того, как поселок охотников и рыболовов был оставлен и пришел в запустение, место на мысу у истока речки из озера на длительное время было покинуто. Прошло больше двух тысяч лет, прежде чем на северо-восточном берегу озера Мергень появились люди. Это были охотники и рыболовы, которые, скорее всего, только начали осваивать разведение домашних животных и азы металлургического производства.

Свой поселок они построили на месте предыдущего, приспособив еще заметные на поверхности жилищные впадины неолитических землянок под свои постройки. Их жилища были больше по площади, но менее углублены в грунт. В центре находился очаг, с внутренней и внешней стороны котлованов выкапывались столбовые и хозяйственные ямы. Жилища реконструировались, как каркасно-столбовые, в форме усеченной пирамиды. Достаточно обширные ямы были выкопаны по краю берега р.Мергень. Эти ямы, скорее всего, были своего рода холодильниками, в которых можно было хранить запасы мяса и рыбы, выловленной в озере. Как и в предшествующее время, в озере вылавливались те же породы рыбы — преимущественно карась, а также язь, окунь и щука. Размеры рыбы остаются практически теми же.

Судя по имеющимся археологическим материалам, территория северо-восточного берега озера Мергень, начиная с мезолитического времени, начала активно осваиваться человеком. Древнее население привлекало, в основном, узкий исток реки Мергень, как удобное место для ловли рыбы с помощью запоров. Привлекало обилие и разнообразие рыбных запасов озера и водоплавающей птицы, гнездящейся в его окрестностях.

Никольская ярмарка и всероссийский рынок во 2-й половине XIX столетия

Развитие рыночной экономики во второй половине XIX в. привело к увеличению объемов как внутренней, так и ввозно-вывозной торговли. Удаленность Сибири и распыленность сельскохозяйственного производства создавали проблему транспортировки товаров и доставки их на российские рынки. Для передвижения товаров с их территории была использована сложившаяся всероссийская ярмарочная система с ведущей ролью двух ярмарок - летней Нижегородской и зимней Ирбитской, расположенных по европейско-азиатской границе. График работы ведущих ярмарок позволял дважды в году пополнять российским товаром сибирско-азиатские рынки: ирбитский товар подвозился ранней весной и продавался на весенних и летних ярмарках, нижегородский товар подвозился осенью. Новым фактором экономического развития сибирской окраины в пореформенный период стало торговое освоение административно оформленных в составе западносибирского генерал-губернаторства казахстанских земель. Увеличение объемов вывозной оптовой торговли через разросшуюся ярмарочную сеть Акмолинской и Семипалатинской областей потребовало создания новых оптовых пунктов вблизи границ Степного края для предварительной группировки скотоводческих товаров и формирования системы оптовых сборно-распределительных ярмарок как промышленных центров. Первым этапным или «складочным местом» жировых товаров из Казахстана на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки стала Ишимская Никольская ярмарка, которую называли «жировой ярмаркой» с торговлей ежегодно 1 - 25 декабря до 1884 г., затем с 23 ноября по 15 декабря. Современники писали в 90-е гг., что сало на ярмарку собиралось «главным образом со скота, пригоняемого с киргизских степей на ярмарку при озере Таинчи-Куль в Акмолинской области. На этой ярмарке продается около 1/2 млн. голов мелкого скота и около 100 тыс. голов крупного»¹. Именно торговля продуктами степного скотоводства превратила ее из

западносибирского во всероссийский торг.

Ишимская ярмарка во второй половине XIX в. входила в группу ярмарок II разряда с продолжительностью торговли три недели и миллионными оборотами, которые выросли здесь по привозу с 2,4 млн.руб. в 1867 г., до 4,6 млн. руб. в 1875 г., до 5,6 млн. в 1883 г. и 6,1 млн. в 1884 г. и по сбыту с 1,9 млн. в 1867 г., до 3,6 млн. в 1875 г., 4,6 млн. в 1883 г. и 5,2 млн. в 1884 г. В последующее десятилетие объемы торговли по привозу составляли 4,5 - 5,7 млн. и сбыту 4,2 - 4,5 млн. руб. Значение Ишимской ярмарки в системе межрегиональных торгов определялось южным, приближенным к местам сельскохозяйственного производства положением. Поэтому в отличие от Нижегородской и Ирбитской ярмарок Ишимская ярмарка, которая в торговле российскими и иностранными промышленными товарами зависела от них, прежде всего имела большое значение в сборе и вывозе товаров азиатского производства. Современники писали, что приезд купцов из черноморских портов России - Таганрога и Одессы - на Ишимскую ярмарку имел целью не столько продажу, сколько скупку товаров для вывоза за границу, так же, как приезд купцов из внутренних районов Сибири и «Киргизской степи» имел целью продвижение товаров местного производства на всероссийский рынок².

Вследствие зависимости Ишимской ярмарки от всероссийских, на которых комплектовался промышленный товар, торговля им носила опосредованный характер. Обычно заказы по поставке объемных товаров повседневного спроса: мануфактуры, галантереи, готовых кожевенных и меховых товаров, хрустальных, фарфоровых и стеклянных вещей - оформляли на Ирбитской ярмарке. С наступлением навигации их вывозили более дешевым водным путем. В 1873 г. из Ирбита было доставлено 6 тыс. пуд. фабрично-заводских товаров на 450 тыс. руб. С Нижегородской ярмарки и Москвы в Ишим завозили дорогостоящие товары, среди них товары, которые имели ограниченный спрос среди определенных

категорий сибирского населения, не имеющие массового покупателя: книги, обои, предметы церковного обихода: иконы, кресты, лампы. В 1873 г. с Нижегородской ярмарки привезли 4,5 тыс. пуд. на 580 тыс. руб., из Москвы - 2,9 тыс. пуд. на 280 тыс. руб. В Нижнем также заказывали металл и изделия из него. С 70-х гг. XIX в. партии товаров в Ишим стали завозиться с Крестовской ярмарки. В 1873 г. было привезено 4,8 тыс. пуд. товаров на 221 тыс. руб³. Основу крестовских товаров составляла мануфактура, галантерея, табак, вино, т.е. те товары, которыми торговали до основных закупок на Ирбитской ярмарке. Всего в 1877 г. из 93 торговцев, опрошенных в Ишиме, - 36 предпринимателей торговали мануфактурным, бакалейным, галантерейным, скобяным товаром. Из 14 человек, торгующих мануфактурой на Ишимской ярмарке, 3 человека привезли товар из Москвы, 7 человек с Нижегородской ярмарки, остальные из Ирбита и Екатеринбурга. Бакалейный товар поступил из Нижнего Новгорода, Ирбита, Шадринска и Москвы. Посуда, книги, иконы, церковная утварь - с Нижегородской ярмарки⁴.

Значительно меньше поступало на Ишимскую ярмарку товаров путем прямых поставок от производителей, как в том же 1877 г. скобяные товары были привезены с заводов Пермской губернии, мужская и женская обувь - из Казани⁵. В 1873 г. в Нижнем Тагиле был закуплен сундучный и железный товар в количестве 8,1 тыс. пуд. на 14,2 тыс. руб., железо, чугун - на Сысортском заводе⁶. Часть товаров завозилась в Ишим круглый год, накапливалась в складах и выставлялась на продажу во время ярмарки. В 1873 г. на ярмарку с ишимских складов вывезли на продажу 100 тыс. пуд. товаров на 832 тыс. руб. С помощью прямых поставок на промышленный рынок поступали изделия сибирских кустарных промыслов: из Ишима - сукно, скатерти, из Тюмени - кожаная обувь, рукавицы, ковры, Тобольска - рыбий клей, пух, из Туринска - рогожи и циновки. В 1873 г. из Тобольска привезли 2,7 тыс. пуд. промысловых товаров на 28,5 тыс. руб., из Тюмени 2,8 тыс. пуд. на 31 тыс. руб., из Туринска 4,9 тыс. пуд. на 18,1 тыс. пуд.

Главными продавцами фабрично-заводских изделий были московские и владимирские предприниматели. Они торговали мануфактурой, хрусталем, фарфором, галантереей, москательными и аптекарскими товарами. В 1877 г. московский предприниматель Василий Каценов привез с собственной фабрики из Москвы 1 тыс. пуд. бумажного товара и продал на 2 тыс. руб., купец 1-й гильдии Я.И.Грязнов из Павловского Посада Московской губернии - 580 пуд. шерстяной и бумажной мануфактуры собственного производства. Купцы из Казани участвовали в торговле головными уборами, бакалеей. Посредничеством в продаже с Нижегородской ярмарки и Москвы таких товаров, как шляпы, шапки, картузы, игольный, галантерейный товары, часы, ювелирные изделия, польское серебро, зеркала, фарфоровая, хрустальная и стеклянная посуда, конфеты, керосин, скипидар, спички, иконы, книги, писчая бумага, письменные принадлежности и обои, занимались уральские торговцы. Ведущую роль играли екатеринбуржцы и шадринцы. В 1877 г. из Екатеринбурга торговали 12 человек (из 93), из Шадринска - 9 человек. Шадринский купец П.Н. Родников в 1877 г. закупил в Москве 1 тыс. пуд. игольного и мелочного товара на 1,5 тыс. руб., И.С. Бирюков - 500 пуд. книг, икон, медного товара на 6 тыс. руб., екатеринбургский купец В.С. Поляков привез 500 пуд. медного, золотого и серебряного на 15 тыс. руб., екатеринбургская купчиха 2-й гильдии А.И. Янина привезла 3 тыс. пуд. фарфоровой, фаянсовой и хрустальной посуды на 1,5 тыс. руб., екатеринбургский купец 2-й гильдии А.И. Черемухин привез с Нижегородской ярмарки 3 тыс. пуд. бакалейного товара, чая, сахара на 3 тыс. руб. Закупленные товары они хранили в собственных городских складах и оттуда вывозили на Ишимскую и другие пункты сибирско-азиатской ярмарочной сети. Часть уральских предпринимателей приезжала с товарами собственного производства. Так Торговый дом братьев Ушаковых (купцы 1-й гильдии) привез на ярмарку 380 пуд. суконного товара на 12 тыс. руб. Кроме того уральские купцы участвовали в доставке на Ишимскую ярмарку товаров, производимых кустарной и горной промышленностью Урала:

Никольская ярмарка на Базарной площади. Фото к. XIX в. ИФ ГАТО.

подносы, сундуки, шкатулки, кошевы, экипажи, железо, чугунные и железные изделия. Уральская железная дорога, усилив распределительное перевалочное значение уральских городов Перми, Екатеринбурга, закрепила их позиции на Ишимской ярмарке. Благодаря этому уральские купцы прочно освоили близкий к ним оптовый рынок, на котором они приобретали сырье и съестные товары для торговли на Урале.

Географическое положение Ишима делало ярмарку одинаково доступной и для азиатских торговцев из Петропавловска, Семипалатинска, Ташкента, Самарканда, Бухары. Основные партии российских фабрично-заводских товаров на Ишимской ярмарке покупались именно для торговли в степных областях. По Московскому торговому тракту из городов Восточной Сибири приезжали иркутские купцы, которые закупали вещи для рабочих золотых приисков. В частности в 1871 г. из привезенных петропавловскими купцами армяков 10 тыс. были проданы по 2 руб. 85 коп. на золотые прииски Восточной Сибири. Для китайской торговли через Кяхту купцы купили 20 тыс. пар сайгачьих рогов⁷. В отличие от Ирбитской ярмарки, мануфактурные товары, имея значительные обороты на

Ишимской, уступали по сумме привоза и сбыта жировым товарам, несмотря на то, что на протяжении рассматриваемого периода обороты мануфактурной торговли росли: с 457 тыс. руб. в 1876 г. до 650 тыс. руб. в 1894 г. Однако относительно общей суммы привоза мануфактура составляла в Ишиме в 1882 г. всего 10,7% от общего привоза, тогда как на Ирбитской ярмарке - 34,2%. В остальные годы торговля мануфактурой колебалась от 9% до 14%. Еще меньше привозилось галантереи: в отдельные годы от 200 тыс. руб. до 125 тыс. руб. Кроме мануфактуры и галантереи рынок промышленных товаров на Ишимской ярмарке в 1876 - 1894 гг. включал следующие группы товаров: железные и чугунные изделия на сумму привоза от 61 тыс. руб. до 260 тыс. руб., медных изделий от 20 тыс. до 88 тыс. руб., золота, серебра, швейных машин от 12 до 62 тыс. руб., хрустальной, фарфоровой, стеклянной посуды и зеркал от 50 тыс. до 92 тыс. руб., сахара от 70 тыс. руб. до 280 тыс. руб., галантерейного и мелочного товара от 60 тыс. до 225 тыс. руб., москательных и аптекарских от 4 тыс. до 60 тыс. руб., бумаги, письменных принадлежностей и обоев от 2 тыс. до 32 тыс. руб., керосина, скипидара, нефти от 1 тыс. до 50 тыс. руб., фосфорные спички

от 5 до 50 тыс. руб., книги и иконы от 3 тыс. до 30 тыс. руб., кубовой краски от 13,5 тыс. руб. до 48 тыс. руб.

Но всероссийское значение Ишимской ярмарки определялось торговлей продуктами скотоводства: сала, мяса, кож. Торговцев ими в 1877 г. было 23 человека из 93: 9 из Омска, по 3 из Каинского и Тарского округов, 3 с ярмарок Акмолинской области, 2 из Петропавловска и Семипалатинска и по 1 из Томска, Тюмени, Тюкалинска. К местам сбора жировых товаров относилась вся зона развитого сибирско-азиатского скотоводческого производства, включая Каинский и Барнаульский уезды Томской губернии, Акмолинскую и Семипалатинскую области, южные и центральные уезды Тобольской губернии (Ишимский, Ялуторовский, Курганский, Тарский и Туринский), а также внешние территории Китая и его провинции Монголии. Тобольский губернатор считал, что Ишимская ярмарка служила после Ирбитской главным местом сбыта таких произведений как сало, масло и кожи⁸. В значительной степени это было связано с близостью Ишима к центрам забойки скота, сосредоточенным по обе стороны границы с казахстанскими областями, которая проходила в 12 верстах от Ишима. С наступлением первых заморозков сам город превращался в громадную бойню, где сосредоточивалась забойка скота. Именно поэтому ее называли «сальной ярмаркой». Для всероссийского рынка она являлась первым этапным пунктом вывоза азиатского сырого и топленого сала.

Ишим был связан с Внутренней Азией цепочкой ярмарок Акмолинской и Семипалатинской областей: Куяндинской, Атбасарской, Кокчетавской, Чарскими, Акмолинской, Таинчинской и другими. «Начало жировой операции, - по словам ветеринарного врача В. Иванова, - надо искать за пределами Тобольской губернии, на так называемой Таинчикульской ярмарке, вблизи города Петропавловска Акмолинской области, бывающей ежегодно в июле. На ярмарку эту пригоняются киргизами десятки тысяч голов крупного рогатого скота и более полумиллиона баранов. Вся эта масса живого товара скупается приезжающими на ярмарку сибирскими купцами и до наступления осенних холодов

выпасаются на казенно-оборочных и общественных участках Тобольской губернии и Акмолинской области»⁹. Значительная часть предпринимателей Западной Сибири ориентировалась своей деятельностью на закупку скота, который они откармливали до сентября овсом. Один семигодовалый бык давал от 6 до 9 пуд. сала, 12 - 14 пуд. мяса, до 2 пуд. кожи. Эти же предприниматели в августе - сентябре скупали у местных крестьян свиней, затем в течение 3 - 4 месяцев их откармливали отрубями, рожью, пшеницей, хлебом, горохом и «мясиной» (выварками свиной туши, перетопленной на сало)¹⁰. В 1865 г. на Ишимской ярмарке курганскими, ялуторовскими и ишимскими предпринимателями было продано наличного, без учета законтрактованного для Ирбитской ярмарки, топленого и сырого сала на 207 тыс. руб., кожевенного товара на 250 тыс. руб. и сливочного масла на 450 тыс. руб¹¹. За годы с 1865 по 1894 г. привоз сала колебался в пределах от 600 тыс. руб. до 1 млн. 610 тыс. руб. в 1883 г., 1 млн. 550 тыс. в 1891, 1 млн. 125 тыс. руб. в 1894 г. Тогда как на Ирбитской ярмарке в 1882 г. было привезено и продано сала только на 645, 5 тыс. руб.

Таким образом, близость Ишимской ярмарки к местам забоя скота способствовала формированию специализации в торговле жировыми товарами. На жировом рынке Ишимской ярмарки совершались главные сделки с сырыми продуктами - салом, маслом, а на расположенном на дальнем Урале Ирбитском жировом рынке - субпродуктами скотоводства, которые были более легкие, не боялись дальних перевозок и шли в первую очередь для формирования товарных партий в дальние города России и за рубеж: кожи, конский волос, щетина. Современники писали, что из направлявшегося из Петропавловска в Европейскую Россию сырья на Ишимской ярмарке из продуктов степного скотоводческого хозяйства сбывалось главным образом сало. Прочие же продукты скотоводства: кожи, волос, овчины - отправлялись на Ирбитскую ярмарку. Поэтому торговля щетиной, конским волосом, а также пером и пухом в Ишиме имела небольшие обороты - от 12 тыс.руб. в 1878 г. до 85 тыс.руб. в 1888 г., тогда как в Ирбит одной щетины

привозилось на сумму от 200 тыс. руб. и более. Стимулировало жировую торговлю Ишимской ярмарки во второй половине XIX в. развитие обрабатывающей промышленности Западной Сибири и Урала и золотопромышленности Восточной Сибири. Значительная часть жировых товаров с Ишимской ярмарки закупалась предпринимателями Томской губернии для отправки в Енисейскую и Иркутскую губернии. Так в 1887 г. томские купцы закупили значительные партии сибирского масла для Иркутска¹². Кроме того, томские, барнаульские, бийские купцы являлись основными поставщиками семян льна, простого, чесаного льна, льняных оческов, кудели, меда, воска, восковых свечей.

Однако главными потребителями жировых товаров на Ишимской ярмарке являлись уральские регионы, территории Среднего Поволжья, большие города - Петербург, Москва, Ростов-на-Дону. Вывоз жировых товаров в Европейскую Россию и к морским портам проходил в 2 этапа с сортировкой в уральских городах. Основная часть закупленного масла и сала на сумму до 500 тыс. руб. отправлялась зимними санными дорогами в Екатеринбург или Шадринск, где сосредоточивалась главная уральская торговля ими. Масло перетапливали, очищали и отправляли уже летом по Каме в Санкт-Петербург и Ростов. Через причерноморские и балтийские порты масло отправляли за границу, преимущественно в Англию¹³. А в Москву жировой товар в виде топленого колобового масла и сала в бочках сразу следовал по зимним дорогам к месту назначения. Считалось, что все сало на Ишимской ярмарке назначалось преимущественно для вывоза в Петербургский порт. Лишь часть его следовала в Ирбит¹⁴. Самые крупные партии масла до 24 тыс., сала до 10 тыс. и кож до 12 тыс. пуд. вывозили тарские предприниматели братья Пятковы. Казанские предприниматели братья Крестовниковы в 1883 г. из общей партии, закупленной в Сибири, в 200 тыс. пуд. сала-127 тыс. приобрели в Ишиме¹⁵.

Основные «сальные» операции в Ишиме проходили между екатеринбургскими, петропавловскими, курганскими и ялуторовскими купцами. Больше всего

в 1884 г. было купцов и торгующих крестьян из Кургана - 11 человек. Они привезли 127,2 тыс. пуд. сала. Самая большая партия была у Смолина - 80 тыс. Из других курганских купцов участвовали Бронников, Березин, Корнильцев, Буров, Попов, Рылов, Шилов, Сотников, Соколов, Мякинин. Второе место занимали салоторговцы из Казахстана. Ими всего было привезено 209,7 тыс. пуд. Основную партию доставили из Петропавловска - 122 тыс., остальные из ст. Звериноголовской, Пресновской, Пресногорьковской, Новорыбинской, Новоникольской, Боголюбской, Надеждинской, Кокчетавской, Шукинской, Атбасарской, Николаевской. Ялуторовскими купцами было предложено на продажу 78,5 тыс. пуд. Самым крупным держателем сала был А.Ф. Ботов - 30 тыс. пуд., а также Е.М. и М. Скажутины, Колосов, Рыбников. Из Екатеринбурга торговали 4 человека. Основная партия была у Жилякова - 30 тыс. пуд., меньше привезли Налетов, Щербаков, Ошурковы. Всего ими было предложено к продаже 56,5 тыс. пуд. Из Челябинска торговали 5 человек: П.В. Соколов, Мезенцев, Мокеев, Бородин, Жуков. Ими было предложено 27,5 тыс. пуд. Из Омска Галкин, Винокуров, Белозеров привезли по 15 тыс. пуд. сала. Из Кунгура - Чадаев (6 тыс. пуд.)¹⁶.

Обычно «сальные» торговцы совмещали торговлю салом с торговлей маслом. Например, братья Калмаковы в 1883 г. предложили к продаже 37 тыс. пуд. сала и 10 тыс. пуд. масла, Ф.Ф. Ботов - 10 тыс. пуд. сала и 6 тыс. пуд. масла. Основными салоторговцами также были А. Ботов, А. Калмаков, Соколов (Екатеринбург), Д.Е. Пятков, Баландина, из Кургана - Успеневич, Вахутин, Бакинов, Ивин; из Тары Н.Я. Миропольский, а также известные сибирские предприниматели Осипов, Калижников, Кирьянов, Д.И. Смолин, Ф.Ф. Березин и другие. Основными поставщиками топленого сливочного масла на Ишимскую ярмарку были торговцы Тарского, Ишимского, Тюкалинского уездов Тобольской губернии, Кузнецкого уезда Томской губернии. Много масла также вывозилось из Каинского и Барнаульского уездов Томской губернии. Сумма привоза и продажи масла на Ишимскую ярмарку выросла с 600 тыс. руб. в 1876 г. до 920 тыс. в 1894 г. и превосходила Ирбитский рынок в 1,5 раза. Так сливочное масло

на Ишимской ярмарке по привозу и сбыту составило в 1883 г. 850 тыс. руб., на Ирбитской - 485 тыс. руб.

Обороты кожевенного рынка Ишимской ярмарки находились на уровне от 400 до 900 тыс. руб., к 1893 - 1894 гг. они понизились до 350 тыс. руб. Для торговли ими на ярмарочной площади в 1861 г. был построен путем подряда гостиный двор за 21,8 тыс. руб.¹⁷. Однако в сравнении с Ирбитским рынком Ишимская ярмарка в торговле кожами играла вторичную роль. Так в 1882 г. на Ишимскую ярмарку было привезено сырых кож на 500 тыс. руб., на Ирбитскую - 3 млн. 535 тыс. руб., т.е. более чем в 7 раз. Кожы привозились на ярмарку из сел Ишимского, Тюкалинского, Тарского уездов Тобольской губернии, городов Петропавловска, Омска, Каинска, Семипалатинска. Основными покупателями являлись тюменские, казанские и кунгурские заводчики. Активными посредниками являлись тюменские «бухарцы», которые перепродавали кожи в Тюмень, Пермь, Казань и Вятку. Главным покупателем была фирма Алафузова из Казани.

Всероссийское значение имела на ярмарке торговля лошадьми. Обороты конного рынка во второй половине XIX в. выросли в 5,4 раза: с 5,5 тыс. руб. в 1876 г. до 30 тыс. руб. в 1893 г. В отдельные годы поголовье проданных лошадей достигало 5 тыс. В основном торговали лошадьми из Акмолинской и Семипалатинской областей, Томской губернии и юго-западных уездов Тобольской губернии. Главными покупателями являлись жители Тобольской губернии. Часть лошадей угоняли в Восточную Сибирь, на Урал, особенно в Вятскую губернию, Поволжье (Казанскую), Европейскую Россию (Костромскую).

В отличие от жировых товаров, хлеб (рожь и пшеница) покупался главным образом для внутреннего потребления. Наибольший привоз хлеба на ярмарку был в 60-е - 80-е гг. В этот период основной житницей Западной Сибири являлись Курганский, Ишимский и Ялуторовский уезды. В 1870 г. обозначилось уменьшение оборотов хлебной торговли. Его привоз составил 80,3 тыс. руб., продажа 49,1 тыс. руб. Опубликованные В. Ивановым данные о торговле продуктами земледелия показывали, что падала также торговля

мукой: в 70 - 80-е гг. ее привозили на сумму от 30 до 60 тыс. руб.: в 1876 г. - на 40 тыс. руб., в 1877 - на 40 тыс., 1878 - 30 тыс., 1879 - 30 тыс., 1880 - 50 тыс., 1881 - 49 тыс., 1882 - 60 тыс., 1883 - 40 тыс. 1884 - 60 тыс., 1885 - 90 тыс. А в 1886 - 1889 гг. обозначилась тенденция падения: в 1890 г. - на 40 тыс. руб., в 1891 г. - на 35 тыс. руб., в 1892, 1893, 1894 гг. - на 30 тыс. руб. Члены ярмарочного комитета пытались найти этому объяснения, однако в основном обращали внимание на случайные факторы, например, «замедление обозов задержанных на пути к Ишиму неудобствами дорог, занесенных снегом и... неурожаем»¹⁸. Однако причины были глубже. В частности Е.А. Носова связывала падение оборотов хлебной торговли с истощением основных житниц - округов Курганского, Ишимского, Ялуторовского¹⁹. Но решающую роль сыграло формирование нового хлебопроизводящего района на Алтае. С созданием благоприятных условий для вывоза хлеба с юга Западной Сибири, с развитием пароходства по Оби и открытием движения по Уральской железной дороге Урал и север Западной Сибири стали снабжаться алтайским хлебом. А хлеботорговля южных округов Тобольской губернии на Ишимской ярмарке была направлена на местное потребление и для сбыта в Степь. В 90-е гг. XIX в. хлеб и мука-крупчатка по количеству сбыта в общем объеме сибирских товаров занимали одно из последних мест. Они привозились мелкими партиями из Ишимского и Туринского округов, в основном с заводов братьев Калмаковых из Ялуторовска и братьев Смолиных из Кургана, а также из соседнего Каинского уезда Томской губернии и Семипалатинской области.

Из Тарского уезда на Ишимскую ярмарку доставлялись соленая рыба и орехи. Оптом торговал на ярмарке свежей рыбой купец 1-й гильдии Афанасий Окунев (Тара). Пушной рынок Ишимской ярмарки имел небольшие обороты: в 1876 г. на 21,5 тыс. руб., в 1894 г. - 2 тыс. руб. Самая большая сумма привоза и продажи была в 1886 -89 гг. от 60 до 68 тыс. руб. (в Ирбите до 3 млн. руб.) Специально сибирские торговцы не приезжали в Ишим для торговли пушниной, а завозили меха как сопутствующий товар. В основном

поступали мелкие партии беличьих мехов и воротников. В 1877 г. их было привезено из Тобольска на 5 тыс. руб. Главными торговцами были тобольчане. В 1877 г. вес партий беличьих мехов и воротников пяти тобольских мящанок М.И. Черкашиной, У. Григорьевой, Ф.Д. Шапошниковой, Д.П. Меленковой, Ф.А. Гричиной составлял от 4 до 16 пудов стоимостью от 400 до 1,5 тыс. руб.

Всего среди опрошенных в 1877 г. 93-х торговцев (из 18 тысяч посетителей) из Москвы торговали 3 человека; Казани и Елабуги по 1 купцу; с Урала - 9 человек; из Шадринска, Екатеринбургa и Вятской губернии по 1; Тобольской губернии - 10 человек; по 7 человек из Ялуторовского и Ишимского уездов; по 5 из Тары и Тюкалинска; 4 из Омска; 3 из Тюмени; 2 из Кургана; из Томской губернии - 5; из Каинска - 2; из Томска - 2; по 1 - из Барнаула, Бийска; из Казахстана - 13 человек. Оптовый характер торговли на ярмарке показывает преобладание купцов 1-й и 2-й гильдии, соответственно 12 и 27 человек, что составляло 41,9% от всех торгующих. Оптовой деятельностью занимались 7 приказчиков оптовых купцов. С возов торговали 23 крестьянина (24,7%). Торговлю вели 17 мящан и 7 иногородцев²⁰.

К концу XIX в. большое влияние на «жировой» рынок оказали новые технологии, повлекшие снижение спроса на скотоводческое сырье. Ишимскую торговлю значительно подорвала замена салных свечей стеариновыми. Ярмарочники жаловались в 1880 г., что «в Петербурге показался в большом количестве голландский и американский стеарин, привезенный туда беспошлинно и переделанный на местных заводах в свечи, вследствие чего уменьшилась выработка русского стеарина, а вместе с тем и покупка сала в здешнем краю сократилась наполовину, если не больше». В этой ситуации сибирские торговцы, собравшись на Ишимскую ярмарку в 1880 г. по инициативе энергичного предпринимателя Ф.Ф. Ботова на его квартире, вместе с представителями двух стеариновых заводов, решили по примеру Петербургского биржевого комитета просить Министерство финансов о наложении пошлины на привозимые из-за границы стеарин и сало. Они составили телеграмму за подписью 28 человек и

послали 7 декабря в Петербург с текстом: «Сибирские скотопромышленники, торговцы салом и отправители русского сала к Петербургскому порту, прибыв на Ишимско-Никольскую ярмарку, где ежегодно производятся значительные запродажи сала, как для отправки его в Петербург, так и для русских стеариновых заводов, и где устанавливаются решительные и настоящие цены на него, поставлены в затруднительное положение при совершении торговых сделок на этот продукт». В конце телеграммы они просили наложить пошлины на привозимые из-за границы сало, стеарин. Этим, по их мнению, можно было «поддержать сибирское скотоводство и дать возможность сибирским торговцам вести правильную торговлю скотом и салом»²¹.

Доказательством необходимости поддержки ярмарочной торговли салом купцы называли сохранение за ним первого места в торговле на ярмарке. А адаптацией ярмарочного рынка к новым рыночным условиям, по их мнению, служило изменение характера торговли и переход к цивилизованным способам торговли, который представлял собой торговлю по образцам. Как сообщали купцы, уже в 80-е гг. «в наличности его бывало мало, оно покупалось на ярмарке по образцам оптовыми торговцами с последующей доставкой в Екатеринбург и другие места»²². К.Голодников в 1882 г. отмечал, что не только сало, но и сливочное масло и кожи часто стали продавать не наличностью, а заочно, с условием сдачи их в известные сроки в городах Шадринске, Екатеринбургe и других»²³.

Таким образом, развитие во второй половине XIX в. Ишимской ярмарки, как самого близкого оптового центра сибирско-азиатской системы, было обусловлено жировой торговлей, связями со скотоводческим хозяйством Акмолинской и Семипалатинской областей и созданием в пограничной полосе, где было достаточное количество лугов и пастбищ для выпаса закупленного в Степи скота, центров по его забойке (салганы, бойни). Ишимский торг специализировался на сборе тяжелых и скоропортящихся товаров: сала и сливочного масла, а также являлся крупнейшим конным рынком с продажей

степных лошадей. Ишимская Никольская ярмарка во 2-й половине XIX в. являлась единственной в группе межрегиональных сборно-распределительных ярмарок с преобладанием оборотов жировой торговли над мануфактурной (в 1882 г. на 23,5%). В результате активизации сибирско-казахской торговли (привоз товаров вырос с 1867 к 1884 г. в 2,5, сбыт в 2,7 раза) она стала местом комплектования основных партий сала и масла для вывозной торговли и деятельности ведущих скотопромышленников западносибирских, уральских, поволжских регионов, Санкт-Петербурга, Москвы.

Примечания:

1. Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1893. С.240.
2. РГИА.Ф. 1287. Оп. 7. Д. 85. Л. 7.
3. Тобольские губернские ведомости. 1873. N 26 - 28.
4. Подсчитано: Иванов В.П. Очерк зимней Никольской ярмарки в г. Ишиме, Тобольской губернии. Тобольск: Тобол. губ. тип., 1895.
5. ТФ ГАТО. Ф.417. Оп.1. Д.642.
6. Тобольские губернские ведомости. 1873. N 26 - 28.
7. Ирбитский ярмарочный листок. 1871. N 3. 6 февр.
8. РГИА.Ф.1281. Оп.7. Д.745. Л.12.
9. Иванов В. Очерк зимней Никольской ярмарки в Ишиме... С.2-3.

10. Проскурякова Н.А. Никольская ярмарка // Ишим далекий-близкий. Ишим, 1997. С.91.

11. РГИА.Ф. 1281. Оп.7. Д.75. Л.8.

12. Ирбитский ярмарочный листок. 1887. N 19. 21 февр.

13. РГИА. Ф. 1281. Оп.7. Д. 75. Л.6.

14. Волости и населенные места 1893 года. Вып. 10. Тобольская губерния. СПб, 1894.

15. Ирбитский ярмарочный листок. N 7. 8 февр. 1869; ТФ ГАТО. Ф.417. Оп.1. Д.542. ЛЛ.1-102.

16. Подсчитано: Ирбитский ярмарочный листок. 1884. N 7. 8 февр.; 1885. N 4. 5 февр.

17. РГИА. Ф. 1281. Оп.6. Д.97. Л.4.

18. РГИА. Ф. 1281. Оп.7. Д.89. Л.26.

19. Носова Е.А. Хлебная торговля Тобольской губернии (вторая половина XIX в.) // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII в. - 1920 гг.). Барнаул, 1997. С.87.

20. ТФ ГАТО. Ф.417. Оп.1. Д.642. ЛЛ.1-102; Сидорук О.Н. Предприниматели на Ишимской ярмарке во 2-й половине XIX века // К истории предпринимательства в Сибири (Материалы всероссийской научной конференции). Новосибирск, 1995. С.77-79.

21. Ирбитский ярмарочный листок. 1880. N 2. 2 февр.

22. Ирбитский ярмарочный листок. 1880. N 20.

В.Н. МАЛЫШЕВ

Сладковский храм

Исполняется 210 лет со дня основания первого православного храма в пределах Сладковского района. Озерный край к востоку от Ишима заселялся интенсивно в 1765-1782 гг. Заводились починки, возникали первые деревни, учрежден был орган управления - Сладковский земский суд. К 1793 году в ведении его находилось уже 2100 жителей, переехавших из соседних Абатских, Фирсовских, Красноярских, Ильинских деревень. Переезжая на новые места, поселяне оставляли прихожанами своих церквей, что вызывало в обиходе значительные неудобства: для посещения родных храмов приходилось совершать поездки в сотни

верст. Крещение младенцев осуществлялось иногда спустя несколько лет после рождения, погребение умерших вырастало в проблему, т.к. приходские кладбища располагались теперь в значительном удалении от нового жительства. Вот почему крестьяне Сладковской округи обратились с прошением к Тобольскому архиепископу Варлааму о разрешении иметь место для общественного богослужения. В 1793 году архипастырь Тобольский согласился с их просьбой и обратился за благословением в Святейший Синод. А пока повелел открыть особый приход для сладковских поселян при Троицкой церкви Красноярской слободы Ишимского уезда (сейчас село

Красноярка Соколовского района Северо-Казахстанской области), определил к нему священника Алексея Федотовича Караульщикова (1755-1801 гг.).

В том же 1793 году А.Ф. Караульщикова завел первую метрическую книгу, которая хранится в Омском областном архиве. В ней четыре части: первая - список всех жителей по деревням с указанием возраста их и общего числа дворов, вторая - о родившихся в 1793 году, третья - о бракосочетавшихся и четвертая - об умерших. В конце тетради подведен итог движения населения: родилось 42 мальчика и 57 девочек, умерло 37 человек. Упомянем среди родившихся дочь самого священника Дарью, восприемниками которой были крестьяне деревни Сладкой (так называлось первоначально Сладково) Лев Васильев и Анна Пуртова, а среди умерших - престарелого 92-летнего отставного солдата Федора Одинцова (деревня Катайск). А.Ф. Караульщикова переехал в Сладкую, где осуществлял богослужения и наблюдал за подготовкой к сооружению храма.

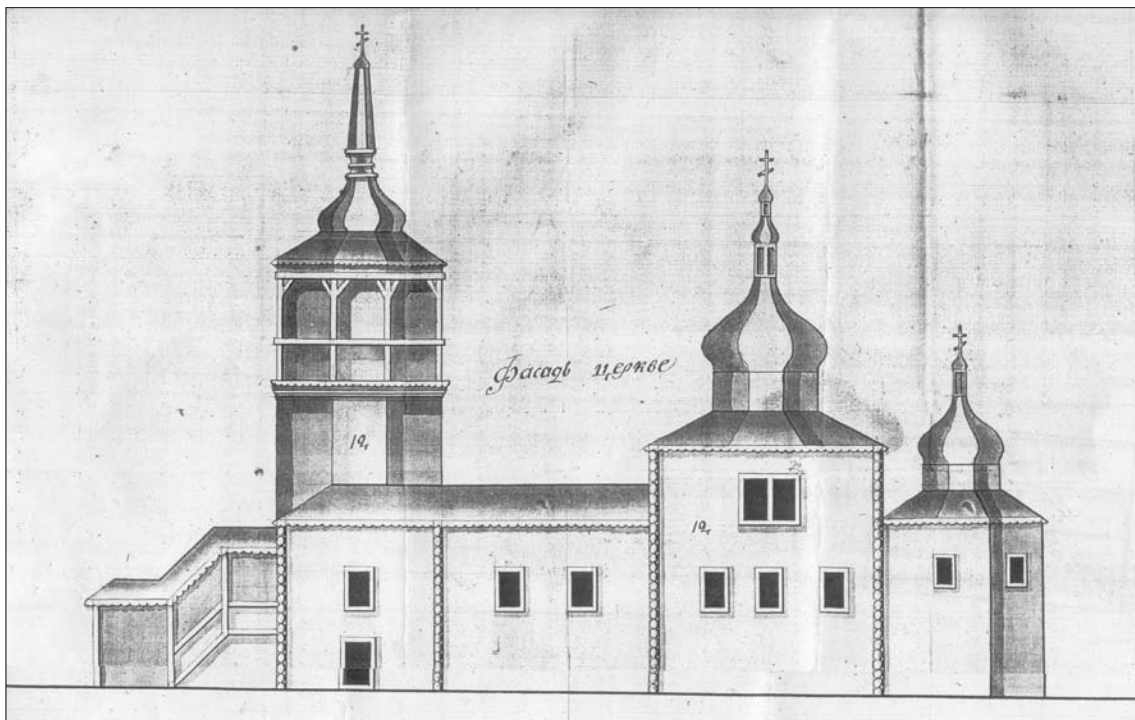
В 1796 году Святейшим Синодом дана была Благословенная грамота, и в том же году протоиереем Фроловым осуществлена закладка храма. Здание сооружалось в восточной части деревни, немного к югу от перекрестка современных улиц Ленина и Куйбышева. Церковь строилась из соснового леса, заготовленного в 1793-1794 гг. в отдаленных северных волостях уезда. В 1799 году строительство было завершено, а в 1800 году храм был освящен во имя Рождества Христова. Кир его был невелик. По сведениям 1797 года он состоял из священника А.Ф. Караульщикова (возраст 42 года), дьякона Константина Ивановича Бирюкова (30 лет), дьячка Прохора Федотовича Караульщикова (21 год) и пономаря Василия Игнатьевича Сафонова (19 лет). В семье первого пастыря было шестеро детей, у дьякона три дочери, и с ним жила сестра. В отдельном доме поселились близкие матушки Агриппины Максимовны - отставной солдат Лука Васильев Дегтярев 75 лет да жена его Марфа Даниловна 73 лет. Домов духовенства было четыре.

11 апреля 1801 года первосвященник сладковчан А.Ф. Караульщикова

скончался. Он был погребен у восточной части храма. Могила его, да и следы храма, к сожалению, не сохранились. Перед смертью он сумел выполнить еще одно предписание Ишимского окружного суда. Составлен был план расположения храма и погоста, кладбище обнесено деревянной оградой. Тобольский землемер в 1800 году отвел земли сладковскому духовенству для хлебопашества (увалы около озер Власово и Нежитьево, урочище Сафоново в окрестностях современного села Лопазного). Приход принял Константин Иванович Бирюков (1762-1848 гг.), служивший ранее дьяконом. Дьяконом рукоположен Филипп Гаврилович Петухов, вторым дьячком В.И. Сафонов, а пономарем Василий Иванович Симонов (последний был, видимо, из дер. Пелевиной и жил в доме Сафонова).

В эти годы в Сладковской и Большепесчанской волостях (они составляли тогда один приход, т.к. до 20-х гг. XIX века Б. Песчанка, Бузан, Тупицыно и некоторые другие деревни входили в Сладковскую волость) усилилось старообрядчество - поповщина. Кержаки, как их называло в обиходе население, отказывались посещать церковь, хоронить умерших на приходских кладбищах, совершать другие православные обряды. Поэтому Ишимское духовное правление предписало причту "понудить, чтобы непременно тела умерших христиан привозили в церковь для отпета и погребения, дабы в метриках не было проронки", а земский окружной суд приказывал крестьянам, чтобы "никто не смел хоронить умерших в других местах, кроме приходских кладбищ". В 1804 году в Сладковскую церковь был перемещен "запрещенный" священник Яков Яковлевич Полков (1765-1842 гг.) для обращения старообрядцев в православие, но без права приобщения Святых тайн. Им проделана большая работа "по искоренению своеверия". Как писал позднее сладковский иерей И.В. Зубов (1848 г.) "ныне же иные из старообрядцев обратились в православие, а иные - к единоверию".

Между тем население прихода увеличивалось, что потребовало открытия еще одной вакансии священника. В 1820 году рукоположен

*Проект деревянной церкви Рождества Христова в д.Сладкой
Ишимского закупа, разработанный ишимским уездным землемером
Николаем Серебрянниковым. 1789. ТФ ГАТО.*

Митрофан Серебрянников. Церковь стала двухшатной. Клир ее составляли два священнослужителя, дьякон, дьячки и два пономаря. К тому времени храм сильно обветшал, стал тесен, давно не вмещал страждущих Слова Божия. Поэтому тщанием К.И. Бирюкова с благословения святителя Тобольского Афанасия Протопопова выстроен новый более просторный, но тоже в деревянном исполнении (1838 год). Настоятелем его стал сын священнопредстоятеля Василий Константинович Бирюков, вторым служителем алтаря Иван Алексеевич Лепехин. Старцы Я.Я. Полков и К.И. Бирюков испросили себе увольнения на покой и вскоре скончались. К 1844 году произошло дальнейшее расширение причта. Третьим священнослужителем стал Иван Васильевич Зубов, известный нам первым в истории района исследованием жизни и быта сладковских крестьян, за которое он получил почетное звание члена-корреспондента Императорского Российского географического общества (Санкт-Петербург). Им заведена была и летопись села Сладковского (официальное название Сладково в XIX веке), которая пополнялась вплоть до 1918 года. Дьяконом поставлен

Платон Константинович Минеев, дьячками Василий Крылов, Никита Полков, Евгений Серебрянников, пономарями Иван Кораблев и Василий Караульщикиков - единственный сын сладковского первосвященника.

Стараниями И. Зубова, В. Бирюкова, А. Лепехина было начато строительство каменного храма в 1857 году. Он был уже трехпридельным. К церкви, освященной во имя Рождества Христова, были пристроены два придела: первый во имя святых апостолов Петра и Павла, второй - святителя Митрофана Воронежского. Новый храм строился в 300 метрах западнее на взгорке за кладбищем старой церкви. Для изготовления кирпича были оборудованы сараи, где приглашенные из Ишима и Петропавловска мастера заготавливали кирпич. Потребовалось три года, и новое здание храма украсило село. Оно состояло из двух помещений: главного (летнего) и трапезного (зимнего теплого). Их венчал глухой барабан с объемным куполом и небольшой главкой. С западной стороны к храму примыкала кирпичная колокольня со звонницей. Перед нею была паперть, а внутри первого этажа колокольни помещался притвор. Сладковская церковь была

первой каменной культовой постройкой в волости.

С 70-х гг. XIX века начинается духовная деятельность Евгения Михайловича Сафонова, окончившего Тобольскую семинарию. Впервые он упоминается в исповедной ведомости Сладковской церкви за 1872 год. Богослужение ему помогали совершать псаломщики Иван Кораблев (65 лет), Евгений Серебрянников (45 лет). Обязанности пономаря исполнял 27-летний Александр Лепехин, поставленный позднее дьяконом. Более тридцати лет отдал служению в Сладковском храме Е.М. Сафонов, пользуясь уважением и признательностью всего прихода. Даже спустя десятки лет после его кончины старики и старухи района вспоминали имя его с благоговением. За особо усердную службу неоднократно награждался знаками духовного отличия. Определением Св. Синода от 25 февраля 1885 года ему пожалована почетная награда - скуфья ("Тобольские епархиальные ведомости", 1885, N 15). Е.М. Сафонов поставлен благочинным церковью Ишимского округа, на посту которого он много сделал как в отношении храмов, так и в просвещении крестьян. Он осуществлял контроль и помощь приходским сельским училищам, подведомственным духовному управлению, изыскивал возможности снабжения их учебной литературой и книгами духовного содержания, заботился об особо отличившихся в учении, ходатайствовал о предоставлении им положенных по закону льгот ("Тобольские епархиальные ведомости" за 1888 и др. годы). Особую заботу его составляло население волости. Несмотря на постоянную занятость, отец Евгений вел Закон Божий в Сладковском сельском училище. Стремясь приучить детей к прекрасному, учредил детские певческие хоры. "При церквях моего благочиния, - отвечал он на запрос Тобольской консистории, - поют на клиросах ученики земских и церковно-приходских школ под руководством членов причта и учителей. Ученики старшего отделения Сладковского училища читают на клиросе часы, шестопсалмие и кафизмы, а возрастные грамотные из прихожан принимают участие в чтении и пении".

Можно почесть особой его заслугой создание первой в истории

района библиотеки (70-е гг. XIX в.). Поставленный благочинным священнопредстоятель распространил это начинание и на другие церковные приходы. В 1888 году при храмах его благочиния было уже 10 общественных библиотек. "Выписываются на церковную сумму книги духовно-нравственного содержания, ведомости (газеты) и духовные журналы, слова и поучения разных авторов, - сообщал он в "Тобольские епархиальные ведомости", - книги хранятся в приличных шкафах. В годичную ревизию мною взято из церковных сумм на выписку брошюр и листовок назидательного характера, которые раздаются прихожанам для чтения с возвращением обратно в библиотеку. Такие листки раздаются также безвозвратно и бесплатно. Крестьяне любят читать и часто обращаются за книжками, в которых им не отказывается".

Продолжателем подвижничества отца Евгения стал младший сотоварищ его в служении Господу Богу Алексей Федорович Баженов. Он посвящён в сан в 1906 году. К этому времени сменилось много пастырей-помощников Сафонова. Ушел в мир иной В.К. Бирюков. В 1881-1891 гг. служили непродолжительное время Петр Задорин и Николай Румянцев. В 1891 г. поставлен в сладковские иереи Федор Белкин, но в 1900 году перемещен в другой приход. Был Служителем алтаря Василий Смирнов до 1907 года, когда рукоположен в стихарь Филипп Григорьев, поставленный чуть позже священником. Церковный клир состоял из трех священнослужителей, двух дьяконов, трех псаломщиков. Отец Алексей, как и отец Евгений, отдавал много времени просвещению прихожан, неустанно учил жить по-христиански: в труде, честно, миролюбиво и чтить Господа Бога, Богоматерь и всех Святых. Он также вел уроки Закона Божия в местном училище. Но главным подвигом его стало обновление храма. Население прихода значительно росло, появилось много переселенцев, и церковь совсем не могла вместить всех желающих. С ним соглашался Благочинный Ишимских церквей Ксенофонт Дюков. Последний докладывал в 1908 году Омскому епископу Гавриилу (в 1895 году учреждена была Омская епархия,

в состав которой вошли церкви Ишимского округа): “Сладковский храм приспособлен для отправления богослужения только в летнее время, когда возможно открыть большие западные двери, а в отоплении нужды не бывает. С увеличением населения в приходе до 10 тысяч человек, помещаться в зимнем приделе стало положительно невозможно”. Об этом сокрушался еще Е. Сафонов. Он завещал отцу Алексею, причту добиваться расширения и реконструкции храма. Выполняя его волю, приход во главе с настоятелем положительно решил такую трудную проблему, и к 10 октября 1914 года храм был основательно реконструирован. Выполнены следующие работы: подняты путем накладки стены и своды светового купола, увеличена высота колокольни до 30 метров 24 сантиметров (в

современном исчислении), пристроены три каменных крыльца, сделаны новые оконные проемы. Кладка осуществлялась из кирпича, ожезженного известковым раствором. Кирпич в стенах укладывался на цементном растворе. Изготовлено было семь железных крестов с шарами на маковки, позолота которых обошлась по тем временам в немалую сумму – 510 рублей. Отлитые новые многопудовые колокола поднимались на колокольню по лежням из бревен, протянувшимся на несколько сот метров вглубь села. “Диво-дивное вознеслось тогда над Сладким”, – рассказывали автору позднее старожилы. В лучах восходящего солнца колокольня с сияющим позолотой крестом видна была во всех окрестных деревнях, а колокольный звон слышен был за десятки верст... Разрушили и уничтожили все это в 1935 году.

И.В. КУРЫШЕВ

«Жизнь стала очень трудная...»

«Жизнь стала очень трудная» – таков рефрен, которым можно определить общее состояние и восприятие текущей жизни крестьянским населением Приишимья в Гражданскую войну (1918-1919 гг.). Вниманию читателей предлагаются материалы местной периодической печати (из тобольской губернской земской газеты «Сибирская земская деревня» и «Ишимского края», издававшегося в Ишиме в 1918 г.), а также следственных дел мирового судьи 6-го участка Ишимского уезда. Отличаясь известной калейдоскопичностью, они дают как бы изнутри представление о повседневной жизни западносибирской сельской глубинки с ее насущными заботами и тяготами.

Эти документы позволяют почувствовать «пульс» того тревожного времени, свидетельствуют о нарастании социально-бытовых, морально-нравственных проблем, отклонений в поведении людей, существенном падении жизненного уровня, что являлось особенно ощутимым для бедных и средних слоев крестьянства. Сельские корреспонденты неоднократно писали о нужде и бедствиях простых крестьян, усилении вражды крестьянской бедноты по отношению к крупным земельным частновладельцам, деревенским богатым, в частности, проявившейся в аграрных

волнениях на юге Ишимского уезда летом 1918 г.

Алкоголизация общества (чуть ли не повсеместное производство и потребление самогонки), преступный произвол милиции и военных отрядов во взаимоотношениях с мирным населением, все более углубляющийся раскол между властью и народом, нарастание недоверия и неприязни по отношению к властным структурам на местах, ослабление христианской православной веры и падение авторитета церкви – все это свидетельствует о системном социальном кризисе, потрясшем российское общество до самой глубины. Достаточно кощунственный сам по себе факт разграбления и поругания церковных святынь в селе Юдино Ишимского уезда в мае 1918 г., в преддверии Гражданской войны, – одно из ярких тому свидетельств, одно из звеньев беспощадной антирелигиозной борьбы, развернувшейся в полную силу чуть позже, в конце 20-х – начале 30-х гг. XX века.

Крестьянство Приишимья, как и в целом Западной Сибири, не желало добровольно сдавать подлежащее обязательной конфискации огнестрельное оружие, нередко противилось мобилизации в действующую белую армию, весьма неприязненно относилось

к местной милиции, в частности, опасаясь необоснованных арестов. Тем более, что, как видно из документов, судебно-следственное производство в белой Сибири страдало массой серьезных погрешностей, многие следственные дела были «шиты белыми нитками», а судебное разбирательство тянулось долгими месяцами, зачастую без достаточных на то обвинительных фактов.

Разочарование и апатия, неверие в защиту властей и отчаяние, рост напряженности в обществе - все это характеризовало социальную сферу тех лет.

Ишимский уезд

Д. Лебяжья, Готопутловской волости, Ишимского уезда

Жизнь стала очень трудная, потому что все хозяйственные вещи и машины, как-то: топор или вилы железные страшно дороги. Топор стоит в продаже 25 руб., да и то редко найдешь, потому что их нет. Что касается железных вил, то их уже и на сто рублей не найдешь, потому, что война довела русскую революцию до крайней нужды и нужда сия очень велика, так что стало жить не возможно. Тяжкое иго несет из-за этого Тобольская губерния и вообще весь свободный народ, до такой степени, что уже не возможно и сказать, какие бедствия несет землепашец-крестьянин. Но это не все еще. Нужда и в косах (литовка), время, так сказать, уже подходит, на дворе сенокос, а косить нечем. Таким образом, с каждым годом падает доступное всем разведение сельскохозяйственного скота от недостатка корма, из-за отсутствия литовок и из-за отсутствия сельскохозяйственных машин и орудий, в скором времени посевная площадь и разведение скота будут падать. По получении, опишите какие меры приняты для улучшения крестьянского быта и для снабжения сельскохозяйственным инвентарем, как-то: молотилками, сеялками, жатками, плугами, топорами, литовками и проч.

Цены на продукты высокие: картофель за 1 пуд — 1 руб. 50 коп., рыба щука — 2 руб. фунт, сало — 2 руб. 50 коп. фунт. Трава очень медленно растет, деревья еще не распустили листья, роспуск на деревьях листа ожидается к 1 июня. У нас устроен сельский комитет в составе председателя и 2-х членов Совета по земледелию

и по продовольствию. Настроение спокойное. Есть ложные слухи — будто бы бывшего царя в г. Тобольске нет. Народ сомневается, а некоторые желают старого права. Говорят, что Советская власть не действительная и нет на нее закона. Прошу статистическое бюро принять строгие меры к высылке газеты и сельскохозяйственного журнала, которые пересматриваются в нашем волостном комитете, при чем некоторые приложения утаивают.

И.И. Ковалев.

С. Бутыринское, Бутыринской вол., Ишимского уезда

Сообщаю расчет, во что обходится нашему селению выгонка «самосядки» за 4 месяца.

По наведенным справкам с 1 января 1918 г. по 1-е мая включительно того же года жителями нашего села было взято 1400 фун. хмеля, считая по 8 руб. в среднем, - на сумму — 11200 руб. На каждый фунт хмеля уходит 1 пуд муки — 1400 пуд., в среднем — по 6 руб. — 8400 руб. На каждую такую заваруху нужно израсходовать 1/16 саж. дров — 87 саж. по 40 руб. за сажень — 3500 руб. Для окончательного приготовления на каждую заваруху требуется 15 часов работы, считая поденщику 6 руб. в день и рабочего времени 12 час., получится сумма — 10500 руб. Всего 33600 руб. В нашем селе имеется 340 жителей-домохозяев. На каждого домохозяина приходится 98 руб. 82 коп. в среднем. Между прочим, в селе нет школы, нет волостного здания, 6 мая 1917 года сгорели и постройка этих зданий все тянется.

Сибирская земская деревня (Тобольск). 1918. № 15-16. 18/5/ июля.

Праздные разговоры богатеев деревни

С. Песьяново, Ларихинской вол., Ишимского уезда

Где-бы не прислушаться к разговору богатых мужиков, - одно и тоже повторяется: «Эх, настало время и не управисься расплачиваться с сборщиками податей; налоги за налогами, скоро сдерут и последнюю шкуру». «Это все новое Правительство устраивает; куда оно хуже прежнего... царского».

В действительности все мы, ровнячок в деревне и бедные люди, - видим, что по

вышесказанному могут рассуждать одни только разбогатевшие, жадность которых к деньгам доходит до того, что они готовы содрать последнюю шкуру со своего соседа малоимущего, который не может себя ничем защитить: «плачет — да скачет»...

Я говорю собственно о тех наших деревенских богатеях, которые имеют ветряные мельницы и которых в одном нашем селе насчитывается до 36 человек. До войны на таковых мельницах хлеб мололи по 5 коп. с пуда, за время войны цены за помол все возвышались и возвышались; а вот в настоящее время не только дерут по рублю за помол пудовки, но даже и на этом не останавливаются наши ненасытные богачи, исходя из того рода соображений — будто теперь все на рынке стало очень дорого!..

А если спросить такого подхалиму: какие на самом деле имеет он особенные издержки на своей мельнице, — ему и оправдаться нечем. Во-первых, все мы хорошо знаем, что первоначальное устройство таковых мельниц у нас на селе стоило не более 200 руб. каждая; за ветряную-же силу ни копейки платить не приходится. Ни нефти, ни мазута тоже не требуется для наших мельниц; был-бы только деготь по одному фунту на сутки, чтобы подмазать подшипники, расход на который определяется по 50 коп. за сутки. Между тем при хорошем ветре за сутки можно намолоть до ста пудов хлеба.

Какое-же оправдание может быть у наших богатеев, наживающих со своего-же брата крестьянина, только малоимущего, за одни сутки по 100 р. и более при помоле муки; да еще при этом они-же по Иудинскому вздыхают: «ах, как теперь все дорого, и новое правительство, также и земство их только обирают»!..

В настоящее время действительно большое горе в сибирской деревне, но только тем, кто не имеет собственного хлеба и не может даже рубля за целые сутки заработать, не уходя от семьи на сторону в батраки. Таким же рысакам, как наши в погоне за одною наживою, надо положить предел, обложив их по состоянию государственным и земским налогом на общественные надобности: богодельни, лечебницы и народные школы.

*Корреспондент земской статистики.
Сибирская земская деревня. 1919.
N 12. 23/10/ июня.
Ишимский уезд*

Аграрные волнения

За последнее время южная часть Ишимского уезда является ареной довольно серьезных столкновений за обладание земельными угодьями.

Частновладельческие имения, здесь находящиеся, в свое время (в начале 1918 г. — прим. И.К.) подверглись национализации; теперь по ликвидации Советской власти, на них предъявили права их юридические владельцы. Естественно, что крестьяне, получивши землю имений в надел, ее не уступают, всеми имеющимися в их распоряжении средствами защищая свои права на землю.

В результате, будучи яблоком раздора, имения несут большой ущерб: лес вырубается, живой и мертвый инвентарь имений расхищается, не щадятся даже имения, признанные культурными хозяйствами, и по последнему разъяснению Правительства переходящие в ведение земства.

Земской управой, как известно, принимались энергичные меры к прекращению подобного рода явлений, посылались на места с разъяснениями члены управы, командировались служащие управы — специалисты по отраслям сельского хозяйства, весьма недавно были посланы чехо-словацкие отряды, начальникам коих вменено в обязанность разъяснять населению права на спорную землю ее юридических и фактических владельцев, как они определены Правительством.

«И.К.».

Сибирская земская деревня. 1918. 7 сентября (25 августа).

Слухи

За последнее время по городу ходят самые нелепые слухи, на основании которых строят предположения, догадки и выводы, кои нервируют публику и мешают правильному ходу мобилизации. В целях выяснения истины и по служебным обязанностям мне пришлось лично беседовать с уездным комиссаром, он же и председатель приемочной комиссии, и командиром полка полковником Геде, а также побывал в казармах и солдатских больницах. Из всего, что мне пришлось видеть и слышать, официально, как член информбюро, заявляю: что мобилизация идет полным ходом и до сего времени

мобилизовано до 50 волостей из 56-ти. Бывали случаи, когда приемочная комиссия освобождала призывных, но они сами изъявляли желание послужить родине. А эти случаи показательны. Новобранцы размещены в местных школах. Ясно, что придя с полевых работ, с чистого деревенского воздуха в казармы, они захватили с собою сала, кур, огурцов, масла, сметаны и других снадобий, которые успели в дороге изрядно испортиться, и вот это все елось и обильно запивалось водицею, да притом сырой, а потому немудрено, что они получили расстройство желудка, а не перенося по первости казарменного воздуха и прохладившись на сквозняке, они массой заболели инфлюенцией (гриппом — И.К.). Все взятое вместе дало в итоге до 300 больных, да при этом сразу. А здесь дошли слухи, что в уезде вспыхнула холера. Этим воспользовались смутьяны и головорезы из среды новобранцев и стали открыто призывать своих товарищей, что вы здесь-де все перемрете, берите котомки да «айда» по домам. И это смутьянство вылилось в маленький бунт.

Новобранцы стали «ругать по-русски» офицеров и вышли из повиновения, забрали котомки и действительно направились домой. Ни уговоры, ничто не могло остановить беглецов. Тогда полковой командир при содействии коменданта и милиции восстановил порядок силой. Был найден зачинщик, который по законам военного времени расстрелян.

Сейчас из 300 больных в лазарете находится человек 50-60, да и то тех, кои при зачислении помечались как лица, требующие лечения, остальные выздоровели. Новобранцы, принятые с оговоркой, по словам г. комиссара, будут переосвидетельствованы.

Мне пришлось побывать в духовном училище (сейчас 1-й корпус Ишимского педагогического института — И.К.), где размещено до 1018 человек. Порядок везде образцовый, пройдя с низу до верху, я нигде не заметил даже клочка брошенной бумаги или окурка. ...Сразу замечается, что всякий сознает свою обязанность и свои права. Кормят очень хорошо. <...> Г.г. офицеры живут вместе с солдатами и пользуются одним и тем же столом. Настроение среди солдат, по словам г. командира полка, бодрое,

и замечается сознательное отношение к делу. <...>

<Полковник Геде> выражает уверенность, что через 3,4 месяца мы будем иметь сильную дисциплину и духом армию, и что с возрождением армии возродится и разоренная Россия. В добрый путь!

Гр. Ив. Тарасов.

Ишимский край (Ишим). 1918. 6 сентября.

Бытовые картинки

(с. Песьяново — Ишимского уезда)

В нашей местности совершились крупные события: переворот с поранениями, смертью и пропавшими без вести.

21 ноября в селе престольный праздник, и мы по привычке к старому режиму заготовили почти в каждом доме порядочно «самогонки». А тут на грех к празднику прибыл из города Ишима на побывку солдатик с ружьем, шашкою и нагайкою, сын нашего местного священника; и, пригласив к себе старшину, ночью пошел по домам с обысками.

Приходят в один дом, военный человек начинает требовать от крестьянина «самогонку»: тот запирается, говоря, что ее «нету». Но солдат полез в подполье и там нашел целую четверть (1/4 часть ведра — И.К.). Самогонку взял с собою, а хозяина вызвал на двор, где и всыпал ему хороших пять плетей; так что в действительности получилось — поранение.

Эта весть, что производят обыски, тотчас-же молнией пролетела по всему селу, и произошел самый основательный переворот (кадушек), где еще не вся бражка была выпита. В одном доме живут два брата, у которых тогда ведер до десяти заторчика кисло в кадке; так они в испуге настолько засуетились, что на пороге избы споткнулись и целую кадушку с самосидкою опрокинули на себя, при чем один из братьев, кривой, даже повредил себе второй глаз: тоже получилось поранение. У других домохозяев так много было у себя на дворе вылитой хлебной бражки, что свиньи, охмелевшие до безумия, частью передохли, а другие неизвестно куда без вести пропали.

Между тем страшный солдат занимался уже другим делом. Он на дворе старшины

«творил суд и расправу» над двумя воришками полозьев и тут-же, на улице на снегу, одному из преступников всыпал по спине пять, а другому пятнадцать плетей; затем стал требовать из села еще многих других к себе на расправу, с которыми у него ранее были какие-либо личные счеты. Но, к нашему счастью, в это время приехал на село волостной председатель земской управы, который тотчас-же затребовал от правосудного солдата, по чьему распоряжению и на основании каких прав, он творит «самосуд».

А так как у солдата никаких документов не оказалось, его пришлось тотчас-же арестовать и направить по начальству.

Так закончился не особенно весело наш престольный праздник.

Корреспондент земской статистики Инвалид.

Сибирская земская деревня. 1919. 3 февраля.

Прошение И.А. Плеханова, содержащегося в Ишимской тюрьме господину мировому судье 6 участка Ишимского уезда

8 ноября 1918 г.

Я с июня с.г. содержусь в предварительном заключении по подозрению в ограблении Юдинской церкви.

Прошу Вас, господин судья, ускорить дело следствием и мне меру пресечения изменить денежным залогом. О последующем мне объявить.

Иван Плеханов.

ИФ ГАТО, ф.73, оп.1, д.4, л.2.

Постановление мирового судьи 6 участка Ишимского уезда

27 августа 1918 г.

Мировой судья 6 участка Ишимского уезда, рассмотрев дознание Начальника Милиции 6 участка Ишимского уезда за NN 229 и 230, нашел следующее: 1) 17 июня 1918 г. в лесу крестьянина Сергея Бодуля были обнаружены церковные предметы (чаши для святого Причастия, тарелка, звезда, крест, копие, ковшечек и крышка с обоями Св. Евангелия) в изрубленном виде. Эти вещи, как оказалось, похищены в ночь на 23 апреля 1918 г. из церкви села Юдино. 2) При осмотре местности, где эти предметы найдены, установлен тележный след

со стороны Ново-Березовки по левую сторону у ж.д. пути к лесу, где предметы эти обнаружены; там же в лесу найдены березовые обрубки с характерными тремя зазубринами (следами от зазубрин на лезвии топора...) <...>

ИФ ГАТО, ф.73, оп.1, д.4, л.37.

Прошение жены А. Дулянкина, содержащегося в Ишимской тюрьме, его Высочородию, господину мировому судье 6 участка Ишимского у. с. Теплодубровское Ишимского у.

Октябрь 1918 г.

Мой муж томится более 3-х месяцев в Ишимской тюрьме. Он был теплодубровским волостным писарем и не согласился выдать без письменного распоряжения бывшее в волости оружие чехословацкому офицеру и начальнику милиции. Он был с формальной стороны прав и лишь не проявил в данный момент достаточной чуткости: оружие на этот раз необходимо было выдать, не соблюдая формальностей; но мой муж, я скажу откровенно, был пьян, и это не сделал.

Событию этому враги наши пытались придать политическую окраску, но следственная комиссия на это взглянула справедливо и постановлением 5-го августа 1918 г. за N 485 не нашла в деяниях моего мужа политического проступка и передала дело о нем Вам для расследования по обвинению мужа моего в нанесении оскорбления должностному лицу.

Я вынуждена доложить Вам, что муж мой, если и докажется его проступок, на основании 286 статьи может быть подвергнут только денежному взысканию не свыше ста рублей, что он содержится не Вами в тюрьме более двух месяцев, и, что если взглянуть на дело мужа моего беспристрастно, то его можно до суда отправить на поруки, о чем я пред Вами почтительно ходатайствую.

Если угодно, я представлю Вам поручителей на сумму до 4000 рублей. Прошу о последующем мне объявить.

ИФ ГАТО, ф.73, оп.1, д.2, л. 1-1об.

Протокол N 23 общего собрания граждан села Теплодубровского

24 июня ст.ст. 1918 г.

Собрание открыл председатель Теплодубровской управы С.А. Елисеев...

На собрание явилось вполне позволяющее к открытию собрания

число граждан, и собрание приступило к обсуждению вопросов, а именно: 3/ обсуждали вопрос о секретаре Теплодубровской волостной земской управы, гражданине села Теплодубровского Александре Севастьянове Дуплянкине, которого в данное время привлекают, якобы, за участие в партии большевиков при Советской власти, офицер чехословацких войск арестовал, оставив его лишь на недолгое время на поручительстве.

По обсуждении чего голосами 40 /единогласно/ собрание находит: что Дуплянкин поведения хорошего, нравственные качества его безупречны. Большевиком он замечен не был. Дуплянкин является у нас полезным членом общества. Председатель собрания Сысолятин, секретарь Колобов.

Председатель Теплодубровской сельской управы Бобыкин

Секретарь Колосов.

ИФ ГАТО, ф.73, оп.1, д.2, л. 8-9.

Протокол начальника милиции 6-го участка Ишимского уезда Корытова, направленный в Ишимский военно-оперативный штаб

29/16 июня 1918 г.

Я, начальник милиции 6-го участка Ишимского уезда Корытов, составил настоящий протокол в том, что сего числа явился ко мне председатель Теплодубровской волостной земской управы, Яков Петрович Землянов, заявил словесную жалобу на выборную обществом охранную дружину, на неправильные ее действия во время праздника святой Троицы, а именно дружина, во время гуляния следившая за порядком в селении, производила неправильные аресты людей и сажала в каталажную камеру при управе, о чем я после этого был осведомлен, и как председатель волости признал их аресты неправильными и своей властью из-под ареста освободил. И тут же пошел обезоружил дружину, часть которой арестовал, и отобранное оружие от десяти человек сложил в архив при управе, в которой уже ранее имелись сданные военные винтовки в количестве одиннадцати штук... от красноармейцев. Поэтому прошу приехать и забрать все имеющиеся при управе винтовки и разобрать мой прошлый инцидент с охранной дружиной.

Принимая во внимание вышеизложенное, я счел долгом пойти и заявить начальнику охраны чехо-войск при станции Петухово Мильфайду, чтобы таковой приехал одновременно со мной за получением военного оружия из Теплодубровской волостной земской управы, с которым и выехали, и по приезду нашему, в вышеуказанную управу 16 июня часов около 7 вечера и в которой должностных лиц не оказалось за исключением одного посыльного. Последний был послан для розыска председателя или члена управы и секретаря, но последнему розыскать их не удалось и спустя после этого часа два времени пришлось еще послать двух верховых для розыска указанных лиц.

После чего явился один из членов Семен Семенович Тамбовцев, в полупьяном виде, заходя в канцелярию управы и повысив свой голос, заговорил, кто здесь явился и за чем, а вслед за ним зашел и председатель управы Землянов, также в полупьяном виде, и повысив свой тон, заговорил, кто здесь смел явиться не в показанное время и за чем, и сразу же потребовал от нас документы. На что я сразу же охотно согласился и явил ему свои документы, пояснил, что я приехал по Вашему заявлению для выяснения прошлого Вашего инцидента с дружиной, а г. начальник чехо-словацких войск за получением от Вас военного оружия. На что Землянов заявил, что оружие есть, но выдано быть Вам не может. В этот момент вошел секретарь управы Александр Севастьянов Дуплянкин и с ним одновременно гражданин села Теплового Денис Сергеев Заборский, которые зашли в полупьяном виде и, не сняв шапок, сразу же начали наносить мне и начальнику чехо-словацких войск Мильфайду разного рода оскорбления, как то обзывая кадетами, буржуями, и не смотря на то, что секретарь Дуплянкин знал меня, требовал настоятельно предъявления документов, а впоследствии закричал: «Нужно их обезоружить обоих и арестовать!» (выделено мною — И.К.). Подходя ко мне, взяв меня сначала за грудь рубашки и правую руку, дабы я не мог сопротивляться, а по освобождении меня от Дуплянкина, он, Дуплянкин, совместно с Денисом

Заборским, накинулись на начальника чехо-войск Мильфайда, стоявшего тут же в канцелярии волости, с криками: «А! Чехи приехали сюда распоряжаться», и прижав его к стене печного угла, стали хвататься за пашку и карман, в котором находился у него револьвер, продержав его некоторое время прижатым в углу.

Стали подходить люди, в числе которых явился член управы Николай Иванов Кононов, который спросив в чем дело и увидев всех своих сослуживцев волостной управы в нетрезвом виде, выразил свое неудовольствие по отношению насилия как надо мной, так и над начальником чехо-войск, благодаря которому мы были освобождены. В этот момент председатель управы Землянов кому-то крикнул, что бегите скорее за боевой дружиной, но для чего ему была нужна эта дружина я не знаю. И после этих выраженных слов он сразу же вытащил из своего кармана ключи и передал члену управы Тамбовцеву, который тут же отворил архив, где находились военные винтовки и начал их раздавать, но надо полагать, что Тамбовцев это производил под давлением председателя управы Якова Петровича Землянова.

Как он их раздавал, я не знаю, так как рассматривать в тот момент не пришлось, боясь вооруженной силы и ее цели, мы оба выбежали на улицу, к волости, где был наш обратный ямщик на лошади, с которым мы тотчас же уехали в село Юдино. В чем и постановил записать в настоящий протокол.

Начальник милиции 6-го участка Ишимского уезда Корытов.

ИФ ГАТО, ф.73, оп.1, д.2, л.36-37 об.

Постановление мирового судьи 6-го участка Ишимского уезда

9 августа 1918 г.

...Мировой судья 6-го участка Ишимского уезда, рассмотрев настоящее дело и принимая во внимание, что данными дознания Дуплянкин и Заборский изобличаются в преступлении, предусмотренном 271 и 285 ст.ст. Уложения о наказаниях, постановил:

Александра Севастьянова Дуплянкина и Дениса Сергеева Заборского привлечь по сему делу в качестве обвиняемых, предъявив им обвинения в том: 1) что 29 июня в селе Теплодубровском Ишимского уезда по предварительному между собою соглашению удержали начальника милиции 6-го участка Ишимского уезда Корытова и коменданта ст. Петухово Омской ж.д. Мильфайта от отобранных им имевшихся в Теплодубровской земской управе винтовок, с каковой целью схватили первого за грудь и правую руку, а второго, прижав к стене за пашку и карман, в котором находился револьвер, и приняли такое угрожающее положение, что они, опасаясь нападения и разоружения, вышли из волости и, сев на обратного ямщика, уехали обратно.

2) что там же при тех обстоятельствах нанесли начальнику милиции и коменданту ст. Петухово, находившемуся при исполнении обязанностей, оскорбление действием, т.е. в преступлении, предусмотренном 13 пп, и 272 и 285 ст. уложения о наказаниях.

ИФ ГАТО, ф.73, оп.1, д.2, л.23-23 об.

А.А.ПЕТРУШИН

«Огненный тракторист»

*«Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати...»*

Герой этой известной песни Петр Дьяков вошел во все хрестоматии о коллективизации. Попытка сжечь заживо четырнадцатилетнего комсомольца — нет более яркого доказательства кулацкого террора. В достоверности этого факта никто не сомневался до поры до времени...

В начале 90-х годов по поручению жителей Голышмановского района

Тюменской области в редакцию областной газеты написал Николай Петрович Соловьев, бывший комиссар продотряда. Письмо это переслали для ответа в ФСБ.

«Просим, снимите завесу с пресловутого героя-лжеца Петра Дьякова, так ловко оболванившего советский народ. Ввел всех в заблуждение и автор песни, поэт Иван Молчанов, прослышавший о драке молодежи в деревне Усть-Ламенка. Потасовка была не по политическим

*Тексты представленных документов публикуются впервые и воссоздаются в соответствии со стилистическими особенностями той эпохи.

мотивам. Дрались, и частенько, из-за девчонок, по хвастовству в силе или за оскорбление. Однако эти драки были не злые, как сейчас, и кончались без жертв. И Петра никто не избивал, тем более керосином не обливал и не жег. У него и на теле нет никаких шрамов — следов ожогов. Однако поэт Иван Молчанов доложил эту байку Сталину и прочитал ему свое стихотворение о Петруше-трактористе, которое потом вылилось в песню (музыку написал Илья Горин). Умный Сталин дал «добро», и мы, советская молодежь, оболваненная в очередной раз, орали ее до одури. Понятно, что эта песня плохого для Родины не принесла, а активизировала народ на выполнение сталинских пятилеток и способствовала упрочению колхозного строя. У Петра бывали ходоки — сотоварищи, предлагали ему отказаться от лжи, но колесо пропаганды уже было запущено, поэтому НКВД и КГБ крепко ухватились за Петра, взяли с него не одну подписку о неразглашении тайны. Поэтому он молчит и будет молчать. Потерять все блага, достигнутые на лжи, ему нет резона. Ох, как уместна здесь гласность».

После прочтения письма сотрудники ФСБ решили еще раз проверить все факты, связанные с расправой кулаков с Петром Дьяковым. По уголовному законодательству РСФСР, принятому В ЦИК в 1926 году, злодеям должны были вменить статью 58-8 — совершение террористического акта. Дела такой категории хранятся в архивах КГБ вечно. Достаточно знать фамилии и имена преступников, чтобы установить номер следственного дела. Но тут произошла первая осечка: выяснить интересующие меня фамилии оказалось не так-то просто.

В многочисленных заметках в газетах 1929 года о нападении кулаков на комсомольца преступники не названы. Так, в ишимской окружной газете «Серп и Молот» сообщалось: «В ночь на 2 июля в коммуне «Новый путь» Ламенского района на комсомольца П.Дьякова, работающего в поле на тракторе, тремя неизвестными лицами совершен зверский налет. Преступники Дьякова сильно избили, после чего раздели и, облив керосином, подожгли. От побоев и ожогов Дьяков потерял сознание.

Сейчас органами милиции преступников удалось задержать. Ламенская комсомольская организация вынесла постановление, в котором требует от органов юстиции применить к налетчикам высшую меру социальной защиты. Комсомольцы заявили: «Напасть на тракториста, выполняющего задание партии и власти, — преступление чисто контрреволюционное, и лица, совершившие его, должны быть расстреляны».

В «Комсомольской правде» за 3 августа этого же года Дьякова назвали «огненным трактористом», а тех, кто на него напал, — кулаками. Похоже, что анонимных авторов статьи конкретные персонажи тоже не интересовали. Тем не менее нетрудно представить, какой резонанс вызвала статья в «Комсомолке».

Гораздо позже генсек Л.И.Брежнев, вспоминая свою молодость, писал: «Однажды прочитал в газетах, что в Тюменской области кулаки совершили гнусное преступление — одно из первых, прогремевших тогда, в период массовой коллективизации, на всю страну. Мы тяжело пережили страшную смерть неизвестного нам, но сразу ставшего родным соратника и товарища. И еще решительнее, смелее повели наступление на ненавистных кулаков».

Не найдя в газетах фамилий тех, для кого всенародно требовали расстрела, обратились к воспоминаниям самого Дьякова. И вновь — неудача. Опять ни одной фамилии. Кулаки — и этим все сказано.

На встречах с молодежью Дьяков тоже уходил от прямого ответа на вопрос: кто же эти злодеи и какова их дальнейшая судьба? Обходился общими фразами: «Следствие выявило преступников. Никто не ушел от справедливого возмездия».

Но однажды в ответ на настойчивые расспросы слушателей Дьяков сказал: «Это были кулаки Герасимовы, Мельниковы, Родионовы». (Стенограмма этой встречи хранится в архиве Тюменского обкома КПСС). Эта ниточка и привела меня в архив УКГБ по Тюменской области, к делу N 6634. Его завел «1930 года, февраля 1 дня уполномоченный Ишимского окружного отдела ОГПУ Пономарев по подозрению 36 лиц кулацкого элемента Усть-Ламенского района в подготовке к вооруженному восстанию, массовой антисоветской

агитации против мероприятий Советской власти, проводимых в деревне».

И вот в показаниях одного из главных свидетелей по этому делу Григория Анисимовича Митрофанова черным по белому написано: «Дело о покушении на жизнь тракториста коммуны «Новый путь» Дьякова Петра, по которому подозревались Герасимов Петр Егорович, Герасимов Алексей Иванович, Мельников Иван Семенович, Хамов Иван Михайлович, Родионов Павел Абрамович, Мельников Федор Алексеевич, прекращено за отсутствием состава преступления, т.к. по ходу дела установлено, что Дьяков симулировал, благодаря своей неопытности при смотре керосина посредством освещения в резервуар спичкой, произошла вспышка, которая бросилась на его костюм с последствием, ожога тела. Это выявилось на суде, где Дьяков в показаниях спутался и не смог подтвердить свои подозрения».

Кстати, свидетель Григорий Анисимович Митрофанов был заведующим той самой коммуной «Новый путь».

Показания Митрофанова подтвердил Григорий Трофимович Гаврилов: «О покушении на тракториста Дьякова дело рассматривалось окрсудом г.Ишима и за недоказанностью прекращено, а подозреваемые находятся на свободе».

Так в одночасье лопнул миф об «огненном трактористе».

Возникает вопрос: зачем нужно было выводить мнимых злодеев на открытый суд? Добились бы от них признательных показаний, рассмотрели бы дело «тройкой» - и концы в воду. Ответ прост; «тройки» по внесудебному рассмотрению дел для проведения кампании по «ликвидации кулачества» были образованы позднее - постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 февраля 1930 года. Поэтому материалы дела, лопнувшего в суде, уничтожили.

А вот судьбу «зажиточных» крестьян, проходивших по делу N 6634, среди которых, по признанию Павла Дьякова, были и его обидчики, уже решила 25 апреля 1930 года во внесудебном порядке «тройка» полномочного представительства ОГПУ по Уралу; одних «кулаков» расстреляли, других заключили в лагерь.

Во всей этой грустной истории меньше всего хотелось бы винить самого Дьякова.

Люди, близко знавшие ныне покойного Петра Егоровича, знают, как тягостна была для него роль «несгораемого» комсомольца. И сейчас можно только догадываться, почему у него не хватило мужества признаться в ложном подвиге. Может, думал, что со временем все забудется само собой...

Действительно, после войны о нем на долгое время как-то и забыли. Пока не нагрел в Голышманово зять Н.Хрущева, известный журналист А.Аджубей. Во времена целинной эпопеи «Комсомольская правда» опубликовала очерк под прежним заголовком «Огненный тракторист». И началось: приглашения Петра Дьякова на праздничные слеты и торжественные вечера, комсомольские и пионерские собрания. О трудовых свершениях «огненному трактористу» рапортовали целые рабочие коллективы и школьные отряды, о нем была написана новая поэма.

После «ухода» Хрущева на пенсию песня о Петруше-трактористе исполнялась все реже. Но стоило только «дорогому Леониду Ильичу» вспомнить о ней, как она зазвучала с новой силой.

Что же делать сейчас с этой песней, которую, по словам бывшего комиссара продотряда Н.Соловьева, «оболваненная советская молодежь орала до одури»? Поэт М.Светлов в таких случаях утешал: «...не надо, ребята, о песне тужить... Новые песни придумает жизнь». Не сомневайтесь, так и будет. Только бы слова этих песен были правдивыми.

Приводимые ниже документы находятся в Архиве РУ ФСБ по Тюменской области.

Протокол допроса

26 марта 1930 г. уполномоченный отдела полномочного представительства ОГПУ по Уралу Пономарев допросил с соблюдением 128-142 ст. УПК и предупреждением об ответственности за ложные показания по ст. ст. 95-96 УК нижепоименованного гр-на в качестве свидетеля, который показал:

Гаврилов Григорий Трофимович, 1901 года рождения, уроженец с. Уст-Ламенского, беспартийный, сочувствующий Сов. власти, председатель кустарно-промысловой артели имени

Буденного, проживает в с. Усть-Ламенском в своем доме.

По существу разговора Пенегина В.В. со мной и в моей квартире свидетелей указать не могу, т.к. были наедине и притом в ночное время... В части разговора Пенегина В.В. о покушении на тракториста Дьякова, уточнить свои ранее данные показания не могу, так как Пенегин лишь сказал, что это дело сделано ихней организацией, подробностей не касался в виду пробудившейся моей жены. Если рассматривать по подозрению лиц, проходящих по делу, сопоставляя с теми, о которых упоминал Пенегин, как о членах организации, то по делу фигурирующими не значатся. Следовательно мое мнение не склонно, что это дело организации. Дело рассматривалось окр. судом гор. Ишима, которое за недоказанностью прекращено и подозреваемые находятся на свободе...

Больше добавить ничего не имею.

Правильность своих показаний удостоверяю: Гаврилов.

Основание: Архив РУ ФСБ по Тюменской области, арх. Следственное дело N 6634, т.2, л. 22, 23.

Протокол допроса

29 января 1930 г. Уполном. Окотдела ОГПУ Уралобласти Крутов с соблюдением 128-142 ст. УПК и предупреждением об ответственности за ложные показания по ст. 95-96 УК нижепоименованного гр-на в качестве подозреваемого, который показал:

Пенегин Василий Васильевич, 26 лет, уроженец с. Усть-Ламенское Ишимского окр. кандидат ВКП(б), курсант курсов дорожных мастеров, проживает в с. Усть-Ламенское.

Во время хлебозаготовок в июне м-це 1929 года я вместе с другими товарищами: Дьяковым Ефимом Ивановичем и Чистяковым Андреем Алексеевичем были назначены председателем с/с для ночного осмотра всех тайников, куда кулачество прячет свой хлеб. Эту работу мы выполнили до конца хлебозаготовок. Перед концом хлебозаготовок ко мне пришел крестьянин с. Усть-Ламенки Земляничин Александр Яковлевич, который придя ко мне в дом в мое отсутствие передал моим родителям, что меня покушаются убить. Это самое он передал и мне, но кто собирается

убить не сказал. Я предполагал лишь, что кулачество, у которых я искал хлеб. От кого узнал об этом Земляничин, он мне этого не сказал. Я по поводу этого на следующий день заявил Мясникову - председателю с/с, который вызывал Земляничина, которому давал денег, чтобы при помощи выпивки вошел в доверие этой кучки зажиточных и выяснил, что это за группировка. Я помню, что Земляничин начинал уже действовать, но я вскоре, т.е. в октябре месяце 15-го числа, уехал на курсы в г. Тюмень и какие были у него результаты после моего отъезда я не знаю. Мое подозрение базируется больше на Зайцева, т.к. у Зайцева была какая-то попытка кого-то убить, вообще что-нибудь совершить.

Вопрос: Ваш рассказ это просто фантазия. Вы скажите, в какую организацию Вы вербовали Гаврилова?

Ответ: Вот в эту организацию я вербовал Гаврилова, что мол имеются слухи, что существует какая-то организация, и вот эту организацию надо раскрыть, а для того, чтобы раскрыть надо войти к ним в доверие, в частности, рекомендовал ему не нажимать особенно на зажиточных, дабы таким образом расположить их к себе и потом узнать, чем они дышат; в отношении же нажима на бедноту, то я ему этого не предлагал.

Вопрос: Говорили ли вы Мясникову - председателю с/с о том, что вы вербовали Гаврилова?

Ответ: Да, но я не говорил, что вербовал, но просто говорил, что я мол открылся в нашей затее раскрыть существующую организацию.

Записано с моих слов правильно. Пенегин.

Основание: Архив РУ ФСБ по Тюменской области, арх. следственное дело N 6634, т.1, л. 286, 286 об.

РСФСР

Усть-Ламенский сельский совет крест. и красноарм. депутатов Усть-Ламенского района Ишимского округа Уральской области 2.01.30 г.

Справка

Гр-не Герасимовы: Михаил Иванович и Алексей Иванович, зажиточные, участники восстания 1921 г., подозреваются в избиении тракториста местной коммуны, имеют тесную связь с чуждыми элементами...

Основание: Архив РУ ФСБ по Тюменской области, арх. следственное дело N 6634, т.1, л. 41.

Протокол допроса

5 февраля 1930 г. пом. уполномоченного Ишимского окротдела ОГПУ Уралобласти Рябов допросил с соблюдением 128-142 ст. УПК нижепоименованного который показал:

Герасимов Михаил Иванович, 35 лет, уроженец с. Усть-Ламенка Ишимского окр. Уралобласти, женат, 2 чел., малограмотный, имущественное положение - 1 дом пять стен, 2 лош. 2 кор. 2 овцы. 1 свинья, 1 плуг, 1 молотилка. 2 десятины, налог 13 руб. 81 коп., занимается хлебопашеством в с. Усть-Ламенке.

... Об избиении тракториста совершенно не знаю, слышал не точно, а кто бил не знаю.

Записано с моих слов правильно, в чем и расписуюсь: Герасимов.

Основание: Архив РУ ФСБ по Тюменской области, арх. следственное дело N 6634, т.1, л. 221, 221 об.

Протокол допроса

8 февраля 1930 г. пом. уполномоченного Ишимского окротдела ОГПУ Уралобласти Рябов допросил с соблюдением 128-142 ст. УПК нижепоименованного который показал:

Герасимов Алексей Иванович, 34 лет, уроженец с. Усть-Ламенки Ишимского окр. Уралобласти, женат, 2 чел., малограмотный, имущественное положение - 1 дом пять стен. 1 лош. нерабочая, 1 кор. 1 свинья, 2 овцы, 1 жел. грабли, посев 3 1/2 десят. налог 17 р. 50 к., беспартийный, занимается с/хозяйством в с.Усть-Ламенка

В июле м-це 1929 г. по наговору Дьякова Ильи я был арестован за избиение тракториста коммуны "Новый путь". По протоколу бедняцкого собрания земельного Растегаевского общества из под-аресту был освобожден, а привлечены

были к ответственности Родионов и Герасимов, Хамов Иван, Мельников Иван.

С моих слов записано правильно, в чем и подписуюсь: Герасимов

Основание: Архив РУ ФСБ по Тюменской области, арх. следственное дело N 6634, т.1, л. 220, 220 об.

Протокол допроса

24 марта 1930 г. уполномоченный отдела полномочного представительства ОГПУ по Уралу Пономарев допросил с соблюдением 128-142 ст. УПК и предупреждением об ответственности за ложные показания по ст. ст. 95-96 УК нижепоименованного гр-на в качестве свидетеля, который показал:

Митрофанов Григорий Анисимович, 1897 года рождения, уроженец с. Уст-Ламенского, беспартийный, сочувствующий Сов. власти и партии ВКП(б), зав. коммуной "Новый путь" и член с/совета, проживает в с. Уст-Ламенском в своем доме.

... Дело о покушении на жизнь тракториста коммуны "Новый путь" Дьякова Петра, по которому подозревались Герасимов Петр Егорович, Герасимов Алексей Иванович, Мельников Иван Семенович, Хамов Иван Михайлович, Родионов Павел Абрамович, Мельников Федор Алексеевич не так давно прекращено за отсутствием состава преступления, т.к. по ходу дела установилось, что Дьяков симулировал. Благодаря своей неопытности, при смотре бензина или керосина посредством освещения в резервуар спичкой произошла вспышка, которая бросилась на его костюм с последствием ожога тела. Это выявилось на суде, где Дьяков в показаниях спутался и не смог подтвердить свои подозрения.

Правильность своих показаний удостоверяю: Митрофанов.

Основание: Архив РУ ФСБ по Тюменской области, арх. следственное дело N 6634, т.2, л. 13 об.

Культура края

“Когда любовь связала всех нас воедино...”

Письма П. Ершова и Лещевых

Ершовские письма - наиболее достоверный источник сведений о писателе и его окружении - малоизвестны любителям русской словесности. В XIX столетии значительным количеством писем Петра Павловича располагал его первый биограф и друг юности А.К. Ярославцов, создавший на этой эпистолярной основе свою книгу: “П.П. Ершов, автор сказки “Конек-Горбунок”: биографические воспоминания университетского товарища” (СПб., 1872). Книга Ярославцова уже давно стала библиографическим раритетом, а судьба писем, включенных в нее в виде фрагментов, неизвестна. Отдельные письма Ершова в оригиналах и публикациях рассредоточены по разным архивам, музеям и библиотекам страны.

Самым значительным сводом писем располагает Музей-архив Д.И. Менделеева в Санкт-Петербурге (НАМ при СПбГУ). Здесь хранится переписка Ершова и его первой жены Серафимы Александровны Лещевой-Ершовой (урожд. Протопоповой) с В.А. и М.Ф. Протопоповыми. Но главным адресатом большинства писем является Феозва Никитична Лещева, падчерица Ершова.

Феозва Никитична родилась в 1828 г. в Тобольске, училась в Московском Екатерининском институте, по окончании которого жила у дяди Владимира Александровича Протопопова и его жены Марии Федоровны в Петербурге. Протопоповы были земляками и друзьями семьи Менделеевых. Во время учебы в Главном педагогическом институте их посещал Д.И. Менделеев, за которого Феозва Никитична вышла замуж в 1862 г. У них было двое детей - Владимир и Ольга. После расторжения брака с Менделеевым в 1881 г. Феозва Никитична жила в основном в семье дочери в разных

городах и умерла в 1905 г. в Пензе. К сожалению, не сохранилось ее детских изображений, а фотографии, имеющиеся в фондах НАМ, датируются уже 60-ми и последующими годами XIX столетия.

Личные бумаги Феозвы Никитичны, включавшие и ершовские письма, были частично разобраны дочерью Дмитрия Ивановича от второго брака - Марией Дмитриевной (в замужестве Кузьминой), которая после Великой Отечественной войны была заведующей Музеем-архивом Д.И. Менделеева, а дальнейшая их систематизация продолжалась почти до конца XX века другими сотрудниками этого архива. Семь писем Петра Павловича, принадлежавших Феозве Никитичне, были впервые опубликованы замечательным исследователем творчества поэта Виктором Григорьевичем Утковым в “Сибирских огнях” (1964, N 7), остальные же остаются фактически неизвестными до сего дня.

Предлагаемые читателям “Коркиной слободы” шесть писем относятся к 1839-1846 гг. Они отправлены из Тобольска адресатам, находившимся в Санкт-Петербурге и Москве. Письма имеют большей частью коллективный характер, так как вслед за Ершовым пишут и его близкие: жена Серафима, дети Лещевы: Александр, Александра, Николай, а также тетюшки, кузины и пр. Их публикация в полном виде, без каких-либо купюр и исключения голосов людей, составлявших окружение Петра Павловича, даст возможность увидеть мир большой семьи с царящей здесь атмосферой доброты и взаимопонимания. П. Ершов предстает в них как человек “частный”: нежный муж, заботливый отец, наставник и воспитатель пасынков и падчериц. Но в то же время эти документы сугубо личного

**Феозва Никитична Менделеева
(урожд. Лещева).
1896. НАМ при СпГУ.**

характера самым непосредственным образом перекликаются с его лирикой, являя то особое состояние души, которое воплотилось в стихотворении “Перемена”, созданном незадолго до женитьбы

Проходят дни безумного волнения,
Душа зовет утраченный покой;
Задумчиво уж чашу наслаждения
Я подношу к устам моим порой.

Другая мысль в уме моем теснится,
Другое чувство движет мою грудь;
Мне вольный круг цепями
становится,

Хочу в тиши отраднее вздохнуть.

Исчез обман мечты самолюбивой,
Открылась вся дней прежних пустота,
Другую мне рисует перспективу
В дали годов спокойная мечта.

Домашний кров, один или два друга,
Поэзия - мена простых затей.
А тут любовь - прекрасная подруга,
И вокруг нее веселый круг детей.

Гармония семейных отношений, столь ошутимо проявляющаяся в письмах, не исчезнет и после смерти Серафимы Александровны, последовавшей 25

апреля 1845 года. Глубоко переживая уход жены, страдая и печалась, Петр Павлович, верующий, православный человек, утешает с “христианской покорностью Провидению” Феозву, Александра, Александру и Николая, обещая поддерживать их всю свою жизнь. Два последующих брака и появление собственных детей не помешают этому намерению и не нарушат той духовной близости со всеми Лещевыми, которая установилась с момента их первого знакомства и сохранялась до последних дней Ершова.

Все письма, за исключением первого, изданного без приписок Серафимы Александровны и других лиц В.Г. Утковым, публикуются впервые. При публикации сохранены орфографические, пунктуационные и стилистические особенности оригинала.

Выражаю глубокую благодарность сотрудникам научного архива Д.И. Менделеева и лично Нине Георгиевне Карпило за помощь в работе с документами.

*Публикация, вступительная
статья, примечания Т.П.
Савченковой.*

В.А. и М.Ф. ПРОТОПОПОВЫМ

12 сентября 1839
Тобольск

Милостивый Государь Братец Владимир Александрович и Милостивая Государыня Сестрица Марья Федоровна.

Из самого начала письма моего Вы увидите, что все уже кончено и самым счастливейшим для меня образом. 8 Сентября, после поздней обедни, была скромная наша свадьба, и я теперь живу в Вашем доме и приготавлиюсь хозяйничать. Позвольте снова принести Вам искреннюю мою благодарность за Ваше великодушное снисхождение и уверить Вас, что я чувствую его вполне. Поверьте, что Вы обязали человека, который умеет быть благодарным и который постарается по силам заслужить доброе Ваше мнение.

Вероятно, Вам любопытны будут некоторые подробности о нашей свадьбе. Серафиму Александровну благословлял Петро Дмитриевич с Натальей Ивановной;

а меня дядя Иван Васильевич¹ с Марьей Александровной. Николай Степанович² принял на себя все хлопоты, нужные при обряде. Желание Серафимы Александровны - сделать самую простую свадьбу и как можно при меньшем числе людей было исполнено по возможности. Но не смотря на тайну, с которой мы все хранили день венчания, церковь была полна. На третий день (в Воскресенье) ездили с визитами почти в 30 домов, и я сделал много новых, приятных знакомств. Не было ни стола, ни вечера; выпили только по бокалу шампанского да по чашке кофе. Этим и кончились издержки первого дня. Теперь остается жить домом. Надеюсь, или лучше уверен при тех средствах, какие я имею, содержать приличным образом свое семейство. Оба дяди - Иван Васильевич и Николай Степанович обещали помогать советами и я уже испытал это. Одно желание мое - приобрести родственное Ваше расположение и успокоить любезнейшую Серафиму Александровну. Тогда счастье мое будет совершенно. Прощайте братец Владимир Александрович и сестрица Марья Федоровна. Будьте здоровы и счастливы. Этого желает от души преданный вам навсегда

Петр Ершов.

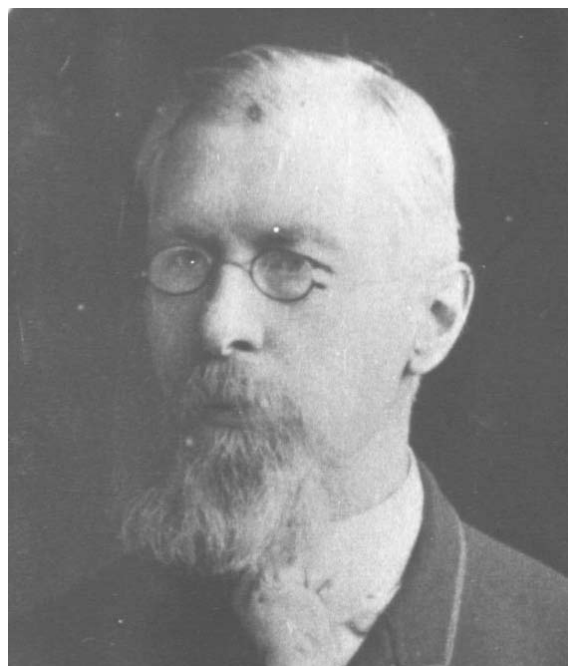
С.А. Ершова-Лещева
(продолжение письма)

Любезнейший братец Владимир Александрович и Любезная Сестрица Марья Федоровна, последнее письмо ваше решило меня и 8-го числа была наша свадьба, которую описал вам Петр Павлович и добрейшая моя матушка Марья Александровна и милые барышни. Если настоящие чувства его ко мне не переменились (в чем я не сомневаюсь), то я надеюсь быть счастлива и детей видеть счастливыми. Желала бы писать гораздо более но целое утро было отнято у меня посещениями знакомых и теперь спешу писать чтобы его отдать на почту. Следующее письмо будет побольше.

Любезнейшие мои примите от меня истинные почести и прошу вас полюбить моего Петра Павловича как вы любили меня. Остаюсь душевно любящая и почитающая вас

Сестра ваша Серафима Ершова.

С.А. Ершова-Лещева

*Николай Никитич Лещев.
Конец XIX в. НАМ при СпГУ.*

(приписка)

Физочку, Ангела моего целую и благословляю. И Папенка тоже тебя милая целует и обещает прислать тебе гостинец.

Любящая тебя Мать твоя С.Е.

П.П. Ершов
(приписка)

Оба Саши³ будут писать со следующего почтой.

Неустановленное лицо
(приписка на полях)

Милая и любящая Сестрица Марья Федоровна, Ваша добрая маменька Наталья Ивановна сделала и моею чему я весьма рада и ваши сестрицы еще более сделали для меня дороги.

2
Ф.Н. ЛЕЩЕВОЙ
18 июля 1841
Тобольск

Мы находимся в решительном недоумении насчет тебя, наша милая Физа⁴. С самой Пасхи не имеем о тебе известий ни из Москвы, ни из Петербурга. Бог знает, чего мы уже не придумали в это время, а слабенькое твое здоровье

еще более усиливает наше опасение. Прежде, если не от тебя лично, то от твоих знакомых мы знали что-нибудь о тебе, а теперь - решительно ни от кого ни слова. Ради Бога, разреши наша сомнения. Но может быть ты затрудняешься в пересылке писем: попроси добрую и милую Людмилу Владимировну переслать твою записку; мы уверены, что она не откажет тебе. Хоть две-три строки - нам более не нужно. Мы живем по прежнему, твой брат Александр пользуется теперь отдыхом по случаю каникул. Сестра Саша хотя занимается, но не много, сколько в уважение общего нашего отдыха, столько же и по причине приноса Чудотворной Иконы Абалацкой Богоматери⁵. 8 июля я с сестрой твоей ходили 6 верст для встречи Иконы; а Маменька твоя встретила ее у загородного дома с семейством Губернатора. Народу было множество. Теперь Собор⁶ полон каждый день и Маминька с сестрой Сашей не урезают подниматься на гору к обедням и всенощным⁷. Нынешний год жители Тобольска оказывают большое усердие к Богоматери. Каждый день поднимают Икону и с хором певчих сами - особенно девицы и дамы - несут Ее с горы в свои дома и обратно. Особенно поздно вечером это зрелище делает самое живое впечатление. Народу, хоть его всегда довольно, не видно за темнотою; раздаётся только торжественное: яко неборимую стену и пр. И свет свечи в фонаре, подобно звезде, блестит впереди, иногда отражаясь на золоте ризы Богоматери. Но ты сама бывала зрительницею подобных выносов, и потому тебе легко представить подобную картину.

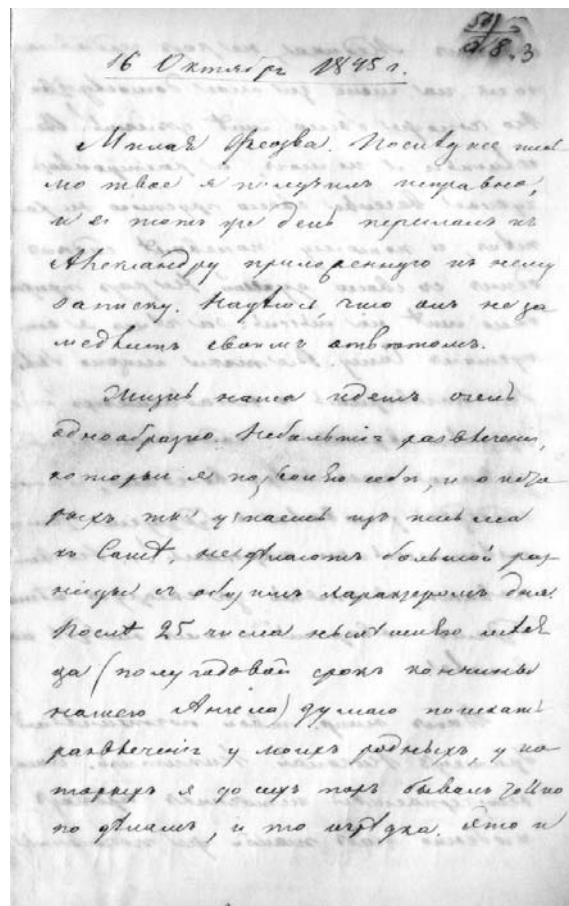
Будь здорова, наша милая, и успокой скорее письмом и Маменьку и душевно любящего тебя П. Ершова.

П.П. Ершов
(приписка)

29 июля в день Св. Мученицы Серафимы положи низкий поклон за дорогую имянинницу - твою Маменьку.

С.А. Лещева-Ершова
(приписка)

Милая дочь моя, Папенька писал к тебе о наших опасениях; я с своей стороны

Автограф П.П.Ершова.
Письмо к Феозве Лещевой
от 16 октября 1845.

повторяю тоже, что мы до тех пор не будем спокойны, пока не получим от тебя хотя коротенькой записочки. Надеюсь, что ты поспешишь утешить любящих тебя родителей и объяснишь причину столь долгого твоего молчания. Мы все, благодаря Бога, здоровы. К нашему счастью недостает только тебя, или твоих писем, если судьбе уже угодно испытать нас разлукой, я сей час из Собора и ты можешь быть уверена, что Молитва моя к Богоматери была о тебе, что я просила Ея на тебя благословения. Засвидетельствуй наше почтение уважаемой нами Вашей Начальнице, также Любезнейшей Пелагее Захаровне и Людмиле Владимировне.

Любящая и благословляющая мать твоя Сер[афима] Ершова.

А.А. Лещев
(приписка)

Любезная сестрица Физочка. Желаю чтобы ты была здорова и весела.

Брат твой А[лександр] Лещев.

С.А. Лещева-Ершова
(приписка)

Девочки Жилины⁸ уехали в Ярославское свое поместье, ежели будут в Москве, то обещали быть у тебя, а Мария Алекс [андровна] и Петр Дми [триевич] живут в своей деревне от города в 50-ти верстах.

А.Н. Лещева
(приписка)

Милая сестрица Физочка. Напиши пожалуйста к нам хоть такое же маленькое письмецо, как утиной носик, а не то я заплачу и осержусь так, что и сказать нельзя. Напиши же, душенька, об этом просит тебя сестра твоя Саша.

Ф.Н. ЛЕЩЕВОЙ
7 декабря 1841
Тобольск

Будь здорова и счастлива, милая наша Физа. Маменька не пропускает случая опять полакомить тебя Сибирскими фруктами, впрочем с двумя условиями: 1-е чтобы ты училась хорошо и была скромна, и 2-е чтобы ты поделилась с любимыми подружками. Мы хотели было послать тебе чаю и сахару, но не зная - позволено ли Вам в институте иметь свой чай, удерживаем отправкой. Впрочем мы просили почтительнейшего Андрея Ивановича Сыромятникова (который доставит тебе это письмо и посылку) узнать можно ли воспитанницам держать свой чай и если можно, то снабдить тебя подобными вещами. Вчера в Колины⁹ именины Александр сделал ему прехорошенький транспарантик и именинник пробежал до нельзя.

Засвидетельствуй от нас почтение Палагее Захаровне и Александре Николаевне и поблагодари их за ласку к тебе. Любящие тебя всею душою

П. Ершов
Мать твоя С. Ершова

А.Н. Лещева
(приписка)

Кушай наздоровье, милая Физочка, наши гостинцы я каждый раз, когда приезжаю из гостей, оставляю для тебя

Богородицкая (Богоявленская) церковь в Тобольске, в которой происходило отпевание Серафимы Александровны Лещевой. Нач. XX в. Фото Н.Прокудина-Горского.

канфеточку или урюковку и прислучае пересылаю тебе, остаюсь любящая сестра твоя А. Лещева.

П.П. Ершов
(приписка)

В мешечке послано: урюк, [нрзб], орехи, банки помады и серебра на 5 р. (5 по 87 1/2 к. и 4 по 17 1/2 к.) на плату за письма, а письма в Тобольск из Москвы стоят 87 1/2 коп.

Ф.Н. ЛЕЩЕВОЙ
12 июня 1845
Тобольск

Вчера я получил письмо твое, милая дочь моя Феозва. Снова разделял грусть твою о потере ангела-Маменьки и вместе утешался дочерними твоими чувствами и христианской покорностью Провидению. Передай душевную благодарность мою прекрасным твоим подругам: их старанья развлечь тебя, утешить будет одним из лучших воспоминаний моего сердца.

Ты хочешь знать подробности смерти и похорон Маменьки. Исполняю твое желание. Маменька сделалась больна на третий день Пасхи. Приглашены были два лучших медика, и сначала шло как нельзя лучше. Но дней через шесть болезнь неожиданно приняла несчастный перелом и тебе уже известно

чем все это кончилось. Дня за два, предчувствуя свою кончину, Маменька пожелаала приготовиться: исповедалась и причастилась. Безпрестанно вспоминала о тебе и о брате Александре и говорила, что скоро вас увидит и будет всегда с вами. 25 ч[исла] в 1-ом часу ночи Маменька подозвала меня к себе и сказала, что она теперь совершенно спокойна, благословила детей и дала мне последний прощальный поцелуй. Через четверть часа - ее уже не было на свете...

Похороны ее были на четвертый день: остановка была за каменным сводом в могиле. 28-го числа предали тело земле. Отпевали у Богородицы¹⁰: Архимандрит и 4 священника с 2 диаконами. Певчие были наши Гимназисты, которые нарочно готовили для этого дня похоронный концерт и панихиду. Народу было очень много. Гроб до церкви несли поочередно родственники наши и чиновники Гимназии. Крышку несли Гимназисты. После отпевания, гроб поставлен на траурный ход в четыре лошади и в тоже время начался перебор колоколов в церкви. Около дома Гимназии служили литию¹¹. В церквях, мимо которых несли гроб, производился медленный благовест. Когда же выносили за вал - начали новый колокольный перебор с кладбищенской церкви. Во время же опущения гроба в могилу - произведен звон. Все эти церковные почести были сделаны с разрешения Преосвященного, который любил наше семейство, и верно бы участвовал при погребении, если бы не был тяжело болен. Надобно прибавить, что Преосвященный скончался в неделю после смерти Маменьки¹².

Другие подробности: гроб был обит малиновым бархатом с серебряным позументом, скобки и ножки высеребрены. Внутренность гроба обита белой марилиной, подушка атласная. Нижний покров из буф муслина, а верхний из золотой парчи. Маменька положена в белом платье, в шелковом голубом платке на шее, чепчик с розовыми лентами.

Еще прибавлю: перед отпеванием законоучитель Гимназии сказал трогательное слово. Заказаны 4 сорокоуста¹³: в кладбищенской церкви, в Архангела, в Домовой и в Абалаке. На дому 40 дней читан Псалтирь, также в церкви Петра и Павла. 5 [-й] годового

сорокоуст будет заказан в Ивановском монастыре. Туда я назначил сшить из покрова: ризы и воздухи¹⁴. В 9-й, 20 [-й] и 40 [-й] день в церкви Иоанна Златоуста при соборе были отправлены литургии за усопшую.

В 9-й день я получил от Маменьки твоей письмо, писанное ею за день до смерти и переданное Катерине Федоровне¹⁵. Это замогильный неоценимый дар нашего Ангела. Бог даст, ты увидишь его. Я еще не получал письма от дядюшки твоего Вл[адимира] Алекс[андровича]¹⁶ и потому не знаю желание его касательно Вас. Но знаю, что Вы всегда будете дороги для моего сердца. Память о незабвенной Маменьке - пусть будет для тебя залогом искренности моих чувств.

Засвидетельствуй от меня душевное почтение милостивой Государыне Пелагее Захаровне и пожелай всех благ милым твоим подругам. Да благословит тебя Бог, моя милая, моя любимая дочь Феозва, да укрепит он тебя в горьком испытании, наложенном Его же всемогущею рукою.

Любящий тебя П. Ершов

П.П. Ершов
(приписка)

Брат твой Александр¹⁷ сидит теперь над портретом Маменьки¹⁸.

5
Ф.Н. ЛЕЩЕВОЙ
16 октября 1845
Тобольск

Милая Феозва. Последнее письмо твое я получил исправно, и в тот же день переслал к Александру приложенную к нему записку. Надеюсь, что он не замедлит своим ответом.

Жизнь наша идет очень однообразно. Небольшие развлечения, которые я позволяю себе, и о которых ты узнаешь из письма к Саше, не делают большой разницы с общим характером дня. После 25 числа нынешнего месяца (полугодовой срок кончины нашего Ангела) думаю поискать развлечений у моих родных, у которых я до сих пор бывал только по делам, и то изредка. Это и совет медика, не раз сердившегося на меня за мое домоседство. Но что же было мне делать? Веселиться я не мог, а

расстроивать чужое веселье своею грустию не хотел, и потому по неволе сидел дома со своею думой. Не раз приходила мне мысль: за чем я отпустил Сашу¹⁹. Все-таки можно было бы поговорить о незабываемых днях прежнего времени, когда любовь связывала всех нас воедино, и когда надежда рисовала в будущем такие пленительные картины!.. Но виноват, я опять за старую песню. Будем говорить о чем-нибудь повеселее. Вот напр [имер] твой почтеннейший братец Николай Никитич, это неисчерпаемый источник проказ, особенно над такой почтеннейшей особой, какова Матрена Степановна, (которая после пожара все еще живет у меня). Не проходит и часа, чтоб он не сделал какой-нибудь штуки, разумеется невинной, но которая все таки приводит любезную старушку в холерическое расположение.

Бывают случаи, что рука Матр[ены] Ст[епановны] не очень ласково гладит уши твоего брата-проказника, но это еще более воспаляет в нем жар изобретательности, так что наконец принуждает меня выйти из своего кабинета и шалуна заставить в слух твердить таблицу умножения, с которой до сих пор он никак не хочет помириться. А впрочем он добрый мальчик и домашний учитель его им очень доволен. Думал было засадить его за фортепьяно, тем более, что у него слух прекрасный и он может шутя подобрать любой мотив. Но дело еще за пальцами. К рисованию у него наследственная охота, и редкий вечер он не пачкает себя всеми возможными карандашами. Разумеется, произведения руки его еще не могут быть отправлены на академическую выставку, но он и не ждет подобной славы: он рисует для собственного удовольствия.

Видишь, как я развеселился. А этому всему причиной милая просьба такой же милой институтки, что бы я не грустил.

Да будет над тобой Божие Благословение. Душевно любящий тебя П.Е.

NB

Приложенный листок при письме прошу препроводить к Саше.

6*
Ф.Н. ЛЕЩЕВОЙ
10 января 1846
Тобольск

*Могилы П.П.Ершова и С.А.Ершовой
у стен церкви во имя Семи
Отроков Эфесских в Тобольске.
Фото Т.Савченковой. 2002.*

Вчера получил твое письмо милая Феоза. Поздравляю тебя с счастливым окончанием учебных трудов и с наступлением давно желанного (не правда ли) отдыха. Еще месяц и ты обнимешь свою сестру, дядюшку и тетюшку. А я пока мысленно поцелую розовую твою щечку.

Я удивляюсь, что ты до сих пор не получила отправленных к тебе именинам денег. Верно сестра замедлила пересылкой. Во всяком случае, еще посылаю малую - толику, и жалко очень, что настоящее состояние моих финансов не позволяет сделать более.

Сегодняшний день Коля ездил к обедне и поставил свечку за здоровье сестрицы. Обедали Мат[рена] Степ[ановна], Авд. Гер. с Физочкой и разговаривали о тебе.

*Данный документ из четырех страниц содержит два письма, обращенных к Феозве и Александре Лещевым.

На святках пансионеры Гимназии играли детские пьески. Было довольно дам. Эти пьесы замечательны тем, что в них в старое время участвовала сестра твоя Саша. Вот и все развлечение мое в нынешние святки.

Будь здорова и счастлива, милая Феоза. Засвидетельствуй от меня почтение М.Г., Пелагее Федоровне.

Душевно любящий тебя П.Е.

Н.Н. Лещев
(приписка)

Я здоров. Коля.

А.Н. ЛЕЩЕВОЙ
10 января 1846
Тобольск

При сей верной оказии, как не написать и к тебе, милая Саша. Надеюсь, что ты здорова, постоянно получаешь розовые билеты, а в свободное время считаешь дни и часы, каждую минутою приближающие свидание твое с сестрой.

С Ив[аном] Ник[олаевичем] я отправил до Москвы ваше белье и [нрзб] - столовое. Из Москвы он похлопочет переслать с транспортом чрез контору Дилижансов.

Старые знакомые твои: [нрзб], притворный больной и детские проказы²⁰ - были опять сыграны детьми, но не в зале у меня, а в Пансионе. В числе дам была супр[уга] управл[яющего] губернии и Шевелева со всеми детьми. Играли очень мило. А если ты любопытна знать что заменил тебя в ролях Мар. Ник. И Мар. Пав., так скажу тебе - сын Кат. Мих. Ты верно не пропустишь улыбнуться при этом случае.

Маскированных нынче я не принимал, кроме моих Гимназистов, и сам нигде не был.

Если письма мои нынче замедлят, то не вините меня. Генварь - время годовых отчетов, и я почти зарылся в бумагах.

Будь здорова. Любезному Братцу и Сестрице свидетельствую мое уважение.

Любящий Вас П.Е.

Н.Н. Лещев
(приписка)

Я здоров. Коля.

Примечания:

1. Иван Васильевич Пиленков, брат матери Ершова, урожденной Пиленковой.

2. Николай Степанович Пиленков (он же Пиленок) - известный тобольский купец, коммерции советник, родственник Ершова по матери.

3. Дети С.А. Лещевой Александр и Александра.

4. В 1841 г. Феозва Никитична учится в Екатерининском институте в Москве.

5. Одна из самых почитаемых икон Тобольской губернии находилась в Абалакском монастыре (тридцать километров от Тобольска). Ежегодно 8 июля (ст. стиль) икону приносили в Тобольск, где она оставалась до 23 июля. В Ишимском округе - на родине Ершова такой святыней считалась чудотворная икона Богородицы Абалакско-Боровской, которая торжественно переносилась каждый год 21 мая из села Борового в Ишим и близлежащие деревни, в том числе и Безрукову (место рождения Ершова).

6. Софийско-Успенский кафедральный собор, построенный в 1683-1686 гг.

7. Семья Ершова проживала в нижней, так называемой подгорной части Тобольска.

8. А.П. и С.П. Жилины - дочери тобольского чиновника П.Д. Жилина в июне 1841 г. выехали в Москву. Им посвящено стихотворение Ершова "На отъезд А.П. и С.П. Жилиных" от 14 июня 1841 г.

9. Николай Никитич Лещев (183?, Тобольск - 1913, С.-Петербург). Пасынок П.П. Ершова. В 1853 г. окончил Тобольскую гимназию, в 1860-1864 гг. Чиновник особых поручений при Тобольском губернаторе; в 1868 - 1894 гг. служил в департаменте земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ. Большую часть своей жизни провел в Петербурге. Много лет занимался изданием "Конька-горбунка", материально поддерживая всех детей Ершова. Был очень дружен со своей сестрой Феозвой Никитичной.

10. Богородицкая (Богоявленская) церковь. Была возведена в 1691 г. у Пряжского взвоза на нижнем посаде. Не сохранилась.

11. Лития - часть всенощного богослужения накануне православных праздников, совершается также во время похорон, поминовения усопших и крестного хода.

12. Преосвященный Владимир, епископ Тобольский и Сибирский. Умер 20 мая 1845 г.

13. Сорокоуст - поминовение умершего ежедневно в течение всех сорока дней после его смерти.

14. Воздух - покрывало с изображением

креста посредине, которым накрывают во время богослужения священные сосуды - дискос и потир.

15. Екатерина Федоровна Непряхина - тобольская знакомая Ершовых

16. Владимир Александрович Протопопов - брат Серафимы Александровны.

17. Александр Никитич Лещев (1827-1902), пасынок Ершова, брат Феозвы Никитичны. Учился в Тобольской гимназии, после ее окончания был направлен в

Казанский университет на казенный счет. Служил чиновником Тобольского губернского правления. Увлекался рисованием. В НАМ при СПбГУ имеются его рисунки братьев и сестер Д.И. Менделеева.

18. Портрет Серафимы Александровны не обнаружен, как и другие ее изображения.

19. Александра Никитична Лещева, падчерица П.Ершова.

20. Названия пьес неустановленных авторов.

А.А. САРАФАННИКОВА

Уездное училище в Ишиме

Екатерина II 6 августа 1786 года утвердила первый устав народных училищ России и одновременно повелела открыть главные народные училища в двадцати пяти губерниях¹. 11 марта 1789 года было открыто училище в Тобольске. В том же году тобольский генерал-губернатор А.А. Волков просил согласия на открытие малых народных училищ в Томске, Таре, Тюмени, Туринске, Нарыме, Енисейске. Градоначальники охотно согласились и обещали выделить средства на их устройство и содержание. А Ишим, Курган и Ялуторовск такого предложения не получили. Как молодые, лишь начавшие формироваться города, они не могли гарантировать и достаточное количество учащихся, и финансовое обеспечение народных училищ.

Действительно, в Ишиме и через четверть века население еще составляло всего чуть более полутора тысяч человек². В 1813 году город состоял из восьми кварталов. В нем жили 860 мещан, 27 купцов и 643 человека «разного звания». Казалось, вряд ли можно надеяться на помощь немногочисленных благотворителей. Однако 1 октября 1817 года училище в Ишиме было открыто.

Как сообщает исследователь Ю.А. Дворяшин³, в пользу училища к моменту его открытия граждане города собрали деньгами 610 рублей 85 копеек и на 156 рублей книг и вещей, необходимых для обучения. Купец второй гильдии Федор Еманаков пожертвовал для училища дом. Первую школу в Ишиме открывали торжественно. В Богоявленском соборе совершена была литургия, по окончании которой «несены были из церкви при звоне колоколов святые

образа в училище, где совершаемо было молебствие с водоосвящением о ниспослании свыше благодати на сие учебное заведение. ...Потом святые образа при колокольном звоне обратно сопровождаемы были в церковь духовенством, гражданами и внутреннею стражею, которая во время открытия стояла у училищного дома в параде». Завершилось празднество торжественным завтраком, организованным на средства Ф. Еманакова. Центром управления народным образованием в то время была Казань, поэтому сообщение об открытии уездного училища в городе Ишиме поместили в «Казанских известиях» (1817 г., N 103).

В первой ишимской школе было всего 36 учеников. Первым штатным смотрителем (директором) стал Александр Калмыков. До 70-х годов XIX века в Сибири не было ни одного специального педагогического учебного заведения. Учили детей выпускники уездных училищ или духовной семинарии. Контролировать преподавание в уездных училищах Тобольской губернии призван был директор Тобольских училищ. Позднее, в 1821 году, была введена должность визитатора. Проверяющие проводили испытания учащихся, на основании которых составляли ведомости и рапорты.

Уже в 1818 году в училище экзаменовал детей директор Тобольских училищ Иван Андреевич Набережнин. В этом же году штатный смотритель Калмыков стал коллежским секретарем (десятый гражданский чин в Табели о рангах). Можно предположить, что это повышение было наградой за усердие педагога и

хорошие успехи его воспитанников. Однако к сентябрю 1818 года их осталось всего пять, а через семь месяцев выбыл еще один. Училище из дома Еманакова перевели в наемную квартиру.

В национальном архиве республики Татарстан сохранился рапорт директору Тобольских училищ, составленный штатным смотрителем Калмыковым.

«По предписанию Совета Императорского Казанского университета требуется подробное объяснение о причине не успешности учащихся в Ишимском училище в 1818 году, на что имею честь Вашему Высокоблагородию донести. С открытия училища поступали дети весьма слабые, которые до половины ноября месяца обучались токмо чтению, а с сего времени они были разделены на учеников Приходского училища и на первый класс Уездного, сих последних сам я занимал. Во время бывшего в июле месяце 1818 года публичного испытания поступило из первого во второй класс восемь, а из приходского в первый тринадцать учеников. При вступлении в должность учителя Петра Булатникова в первом классе было тридцать с учениками приходского училища; но по своему худому поведению и нерадению к своей должности, расстроил училище, что в его классе осталось десять, а во втором только четверо. Причина не успешности учеников как сие расстройство, а не менее того, что родители преждевременно берут детей своих из училища, не давши им кончить курса. Мещанские и крестьянские только учатся читать и писать, выучившись несколько писать родители стараются их куда-нибудь отдать. Из духовного звания обучаются тем лишь предметам, кои нужны для продолжения семинарского учения, а воинского ведомства учатся до воззребования начальства своего и по тому то дети тем только предметам учатся, какие родители их делают. По чему не вышло ни одного ученика с похвалою из второго класса? Тому причина есть та, что Красин и Федоров очень редко ходили в класс в течение

1818 года, первый сто два раза не был, а другой сто шестнадцать раз, и они оба по способностям своим могли бы с похвалою кончить учение, если бы родители не так часто отвлекали собственными их нуждами от учения, хотя часто бывали Демин и Попов, но по посредственными дарованиями не могли хорошо кончить и потому они согласились еще на нынешний курс остаться. Соглашам был Красин училищем, чтоб он еще продолжал учение в гимназии, на что отозвался бедностью своею и для определения его в статскую ему был дан аттестат, а Федорову не дан. За то, что не был на экзаменах»⁴.

А как обстояли дела в других училищах? Из донесений директоров и смотрителей училищ был сделан вывод о «малоуспешности» учащихся. «...в некоторых училищах из большого количества учащихся токмо не многие кончили учение с похвалою, а в других училищах никто не окончил оно и вообще из 4476 учеников оказавших успехи было 219 человек». А смотритель Калмыков выявил следующие «причины малоуспешности». Это прежде всего «малые знания учеников в низших классах», а так же «нерадение и худое поведение» учителя Булатникова, в этих классах преподававшего и «от сей должности уволенного». Мешала учителям давать детям прочные знания и «самопроизвольность родителей в преждевременном отбирании детей от училища, не давши им кончить курс учения»⁵. Ученики редко ходили в классы, но одному был выдан аттестат (в Тобольском училище двум из пятидесяти трех).

В следующем учебном году дела пошли несколько лучше: во второй класс перешли восемь учеников. Библиотека, имевшая при открытии училища 10 книг, подаренных директором Тобольского уездного училища Арнгольдом, через два года насчитывала уже 26 экземпляров.

В 1820 году ишимских учащихся и их наставников проверил директор тобольских училищ Г.А. Протопопов.

* Словцов П.А. (1767, Нижне-Сусанский завод Пермской губернии — 1843, Тобольск). Просветитель, общественный деятель, историк, поэт. По окончании Главной семинарии в Петербурге преподавал в Тобольской семинарии. За чтение проповеди 10 ноября 1793 года, признанной «дерзкой и развратительной», арестован и выслан в Петербург, после следствия отправлен на год в монастырь на о.Валаам. После освобождения преподавал риторику в Александро-Невской семинарии, но по ложному обвинению отправлен на службу в Сибирь. В 1821 г. высочайшим именным указом был утвержден визитатором училищ Казанского учебного округа, включавшего сибирские училища. В 1829 г., выйдя в отставку, поселился в Тобольске. Автор книг: «Письма из Сибири 1826 года», «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году», «Историческое обозрение Сибири». О нем: Беспалова Л.Г. Сибирский просветитель. — Свердловск. Средне-Уральское книжное издательство, 1973.

В августе 1822 года то же самое сделал П.А. Словцов*. Национальный архив республики Татарстан предоставил Ишимскому краеведческому музею копию журнала визитации, в котором визитатор Словцов записал свои впечатления от проверки ишимского училища. «Сего 1822 года Августа 24 дня Господин Визитатор Сибирских училищ Статский Советник и кавалер Петр Андреевич Словцов прибыл в Ишимское уездное училище в 9 часов по полуночи и производил испытание ученикам до 12 часов в 1-м и 2-м уездном классе, где было учеников 32.

1. В Пространном Катехизисе: о Богопознании естественном и откровенном, о символе веры, таинствах и молитве Господней по второму уездному классу, где было учеников 12.

2. В Священной истории о создании мира и первом человеке, о Иосифе, о царях Израильских, о Рождестве Спасителя по второму уездному классу.

3. В Сокращенном Катехизисе по первому уездному классу, где было учеников 15.

Во втором классе ученики «хорошо отвечали по прочитанному из Катехизиса», точно так же и по Священной Истории. Как подготовлены первоклассники, непонятно из неразборчивого текста. «Того же числа пополудни с 3 часа производилось испытание до 7 часа» по чтению и арифметике. Поставлены оценки «знают» и «хорошо». А 25 августа с восьми утра в течение шести часов «производились испытания ученикам второго класса, коих было 13». Проверялось знание истории Российского государства, землеописания Российского государства, «народов, в Империи обитающих». Замечено, что по истории и географии пройдено мало потому, что ученики все учили наизусть. Показан способ, как проще и короче проходить историю и географию. По арифметике дети знали пройденное хорошо до дробей. Отмечалось так же, что хорошо усвоен учебный материал по всеобщей и математической географии. «В геометрии» хорошо знали наименования линий, фигур и тел и их свойства. Так же тринадцать учащихся преуспели в грамматическом разборе. Далее следует вывод: «Из всего открывается, что и в прошлом году учение происходило с успехом и что также и ныне пройдено довольно, несмотря на малое число

учащихся, да и те по причине домашних занятий не совсем еще принимаемых за учение». Подписали документ визитатор Петр Словцов, штатный смотритель Яков Колядин, учителя Максим Демин (2 кл.) и Александр Владимиров (1 кл.)⁶.

В июне 1826 года визитатор Сибирских училищ Словцов снова три дня «производил испытания ученикам, коих было 62 по 1 и 2 классу». В Пространном Катехизисе учащиеся первого класса оказались мало наставленными, а второклассники показали знания «изрядные». Та же оценка и по Священной Истории. А по арифметике оба класса получили оценку «очень хорошо». Знания второклассников по геометрии признаны ограниченными и поверхностными, как и в математической географии. Зато грамматику русского языка дети знали на «хорошо» и отличились на экзамене по истории Российского государства. Тридцать учеников первого и второго классов показали знания «изрядные». Так же оценены успехи девяти второклассников «в Землеописании Российского Государства, о реках, горах, водяных сообщениях, народах, в России живущих и губернии Тобольской». Визитатор выставил оценку «изрядные» за знания того и другого класса «по Всеобщей Географии о границах частей света, империях, королевствах и столичных городах», «хорошо» по арифметике первоклассникам и подготовительному классу. Однако, проверив в приготовительном умение читать, записал в журнале: «успехи медленные судя по времени вступления и небольшие». Рассмотрел прописи и рисунки в первых и вторых классах и сделал заключение: «средственные в письме и рисовании». Преобладали хорошие оценки, значит, неплохо работали учителя. В первом классе преподавал Евдоким Плотников, во втором Максим Демин, законоучителем был иерей Василий Попов. О них визитатор написал: «Смотритель и учитель Демин знающ, добропорядочен в поведении и усерден к должности. Законоучитель не совсем усерден к должности. Плотников может быть учителем 1 класса, по необходимости, поведения хорошего»⁷.

В том же архиве сохранился журнал, составленный директором тобольских училищ коллежским асессором Иваном Павловичем Менделеевым* после

Вид Ишима с колокольни Богоявленского собора. Справа - здание уездного училища. 1890-е. Из фондов ИКМ.

проверки училища 27-30 мая 1828 года. Двадцать восемь учащихся «по утру и после обеда испытаны в пройденных предметах». В первом классе общая оценка подготовленности по Закону Божьему — «по сравнению с другими предметами очень не худо» и «порядочно», а по российской грамматике — «весьма слабо». Во втором классе: Закон Божий — «не худо», Священная история — «средственно», российская грамматика — «очень мало», арифметика — «едва разумеют первые начала 2-й части». По российской истории «на известные вопросы отвечали неплохо». «Из Российского землеописания от начала до царства Польского, из математической, физической и политической географии существенное знают на словах, а своих мыслей о выученных предметах объяснить не могут». По чистописанию, правописанию и рисованию «вовсе не видно успехов со стороны учеников и старания преподавателей». Проверялся и приготовительный класс. В журнале записано, что «дети в сем классе могут оказать успехи по времени, а настоящим положением никто не может быть доволен». Далее Менделеев делает общее заключение: «Вообще по испытании учеников оказалось в уездном училище и приготовительном классе успевающих: хорошо — 1, изрядно — 2, не худо — 4, слабо — 15, весьма слабо — 13».

Проверяющий осмотрел училищную квартиру и сделал неутешительный вывод: «квартира помещается в доме училища сторожа Лаптева с 20 мая сего года, 50 руб. в год, крайне бедна, неопрятна...» «Освидетельствована» была и «фундаментальная» библиотека: «книги в целости, описание не полно, без означения времени, места и года теснения и даже самого формата».

В журнал записаны и краткие характеристики учителей. По мнению Менделеева, штатный смотритель и учитель класса и рисования Максим Демин «имеет нужные сведения, но надлежит усугубить старание в выполнении обязанностей, возложенных начальством;

поведения хорошего, но от публики мало доверия». Законоучитель иерей Василий Попов «рачителен к должности и поведения похвального». Учитель первого и приготовительного классов Владимир Калмыков стал работать в училище только с 23 мая 1828 года, поэтому «малые успехи на счет того учителя отнесены быть не могут». Также указывалось: «Смотрителю вменяется в непрременную обязанность в течение полугода привести училище в надлежащее устройство по учебной части, в противном случае подвергнется строгой ответственности, и иметь должную настойчивость обстройке училищного дома. Дело о сем не увеличивать излишнюю перепискою, а стараясь о соблюдении казенного интереса не ослабно смотреть за прочною постройкою онаго»⁸.

В следующем 1829 году училище переехало в новый дом, а Менделеев вновь посетил Ишим, о чем имеются сведения в Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. В журнале обозрения Ишимского уездного училища директором Тобольских училищ коллежским асессором Менделеевым 6 и 7 числа июня 1829 года можно, в частности, прочесть, что «штатный смотритель и учитель 2-го класса и рисования Максим Демин проходит служение свое усердно, но, к сожалению, не пользуется уважением публики»⁹. Очевидно, он делал проверки ежегодно. К сожалению, пока нет достаточного этому подтверждения. Известно, что в 1829 году училище посетил генерал-губернатор Западной Сибири И.Я. Вельяминов, в 1831 — директор училищ В.О. Грабовский, в 1834 — директор училищ Т.К. Каренгин, в 1838 — директор училищ Е.М. Качурин. В 1836 году оно преобразовано в трехклассное¹⁰. Преподавались все предметы, положенные уставом. Из дополнительных предметов ввели первоначальное обучение латинскому и немецкому языкам. Штат состоял из четырех учителей. Вакантными были места двух учителей арифметики и геометрии, преподавателей рисования,

* Менделеев И.П. (1783 — 1847). В 1804 г. закончив Тверскую духовную семинарию, поступил в только что открытый в Перербурге Педагогический институт, через три года получил направление в открывающуюся в Тобольске гимназию. Женится на Марии Дмитриевне Корнильевой, представительнице купеческого рода, открывшего в 1789 г. первую в Тобольске типографию. Был директором гимназии и училищ Тамбовской губернии, Саратовской губернии, а также тобольских училищ. Отец известного ученого-химика Д.И. Менделеева.

черчения и чистописания. Помещалось училище в собственном одноэтажном доме, который был «прочен, но по числу учеников не довольно вместителен». В «Статистическом описании Ишимского округа Тобольской губернии», составленном Черняковским, указано, что в 1839 году это здание «отдано под помещение для арестантов».

В 1858 году в Ишим приезжал Петр Павлович Ершов, директор училищ Тобольской губернии. В его письмах не говорится о проверке училища, но есть сообщение о том, что «смотритель училищный» провожал его до Безруковой. Можно предположить, что поехали они на родину поэта после его визита в учебное заведение¹¹.

Краевед Ф.М. Пашков нашел данные за 1882 год. Общее число учащихся — 57. Из них русских 49, поляков 8. Девять детей дворянского происхождения, один ученик духовного звания. Большая часть (28) — дети купцов и мещан, 19 — крестьянские. С 1912 года это учебное заведение стало называться высшее начальное мужское училище.

Примечания:

1. Васильева А.М. Забытый Курган. — Курган: Зауралье, 1997.
2. Бровко М.А., Истомин В.Г. Ишим — город исторический. — Ишим, 2000.
3. Дворяшин Ю.А. У истоков народного образования. Ишим далекий-близкий. — Ишим, 1997.
4. Национальный архив республики Татарстан (НАРТ). Ф.92. Оп.1. Д.775. Л.112-113.
5. НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.775. Л.197.
6. НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.1507. Л.11.
7. НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.2056. Л.123-124.
8. НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.2477. Л.70-71.
9. РГИА. Ф.733. Оп.83. Д.16. Л.5.
10. ГАТО. Ф. И-73. Оп.1. Д.2.
11. Ярославцов А.К., Ершов П.П., автор сказки «Конек-Горбунук»: биографические воспоминания университетского товарища. — СПб., 1872. — с.165.

Т.П. САВЧЕНКОВА

Педагогическая и исследовательская деятельность Александра Гавриловича Худякова

28 февраля 1849 года штатному смотрителю ишимских училищ А.Г. Худякову от имени Русского географического общества была объявлена благодарность за составление этнографических сведений по Ишимскому округу. Обстоятельства сложились таким образом, что труд этот, значимый для нескольких поколений исследователей духовной и материальной культуры русского населения Западной Сибири, долгое время находился в архиве Российского географического общества (Санкт-Петербург) в рукописном виде и был фактически недоступен широкому читателю. И можно считать примечательным факт его первой публикации на страницах «Коркиной слободы» в Ишиме - городе, оставившем заметный след в судьбе Александра Гавриловича.

А.Г.Худяков родился в 1811 г. в Тобольске. Его дед был очень богатым купцом, выстроившим в середине XVIII столетия в нижней части города

двухэтажный каменный дом и против него храм во имя Архангела Михаила. Храм этот с высокой наружной лестницей-галереей и кованой оградой, украшенной вензелем «М-А» (Михаила Архангела), был отреставрирован в конце XX века, а от дома - редкого образца гражданской барочной архитектуры, сохранились сегодня лишь стены да кровля.

Отец Худякова рано познал бедность, так как уже в двухлетнем возрасте остался сиротой и был обобран опекунами. Став впоследствии ремесленником-стекольщиком, он все же сумел дать своему сыну образование. Александр Гаврилович четырнадцати лет закончил Тобольскую гимназию. Его успехи были столь значительны, что мальчика хотели даже отправить «на казенный счет» в Казанский университет. По неизвестной причине это намерение гимназических властей не было осуществлено.

20 мая 1829 г. А.Г. Худяков становится учителем Тюменского Знаменского

*Дом Худяковых в Тобольске. XVIII в.
На втором плане - колокольня
церкви Архангела Михаила.
Фото Г.Крамора. 2002.*

приходского училища, а 1 декабря - Тобольского Богоявленского приходского училища. 1 марта 1831 г. он, как свидетельствует формулярный список из Тобольского архива, уже «определен учителем 1-го приготовительного класса в Курганское уездное училище», где четыре года преподает черчение и рисование «без жалования»¹. Затем еще одно перемещение в Тюмень, где в течение двух лет Александр Гаврилович занимается арифметикой и геометрией с учениками уездного училища, и возвращение в Курганское уездное училище в 1837 г. К этому времени относится знакомство молодого учителя со ссыльными декабристами П.Н. Свистуновым и М.М. Нарышкиным, а также перевод педагогического труда француза М.Ж. Дежердано - события, сыгравшие значительную роль в его духовном развитии.

Книга барона Мари Жозефа Дежердано «Нормальный курс для первоначальных наставников, или Руководство к физическому, нравственному и умственному

воспитанию в первоначальных школах»² была издана в Санкт-Петербурге в 1838 г. А. Худяков посвящает свой перевод министру народного просвещения Сергею Семеновичу Уварову. Он пишет: «Испытавши на самом себе неоцененность даров просвещения, изливаемых благодетельным правительством, и призванный в свою очередь укоренять в сердцах юных питомцев семена учения и нравственности, - я ничем не могу лучше изъявить моего искреннего, глубочайшего уважения к особе Вашей, как посвящением Вашему Высокопревосходительству моего опыта в переводе. Благоклонное воззрение Ваше на этот опыт будет для меня самой лестной наградой и ободрит к новым трудам». Подпись: «Александр Худяков. 1837 г. Курган»³.

Основным принципом этого сочинения, незаслуженно забытого днем сегодняшним, является принцип взаимного доверия и уважения воспитателя и ученика. Составленная из шестнадцати глав - «бесед» книга эта, по мнению переводчика, должна была помочь учителям начальных школ России осознать значимость своей деятельности и найти «подход» к своим питомцам. Особенно интересна в этом отношении беседа вторая, где говорится, что «успехи наставника зависят все более от его характера», никакие взыскания и награды, порядок и правила не смогут заменить «власти невидимой, нечувствительной, которую может дать вам один только ваш личный характер». Основным свойством личности педагога должно стать спокойствие - «признак власти над самим собой». Умение «повелевать собою» даст педагогу и необходимую «власть» над детьми. «Надобно, чтобы в вас никогда не замечали ни мрачности, ни нетерпения, ни своенравия, ни вспыльчивости, ни слабости. Дитя все замечает в вас со вниманием, даже с пронизательностью, потому что он от вас зависит»⁴.

Деятельность А.Г. Худякова на просветительской ниве была оценена правительством - за «усердную службу» он получает награждения, благодарности и чины. В 1838 г. он «произведен» в «титულлярные советники, со старшинством», в 1839 - в «коллежские секретари, со старшинством»⁵. В конце 1830-х или в начале 1840-х гг. он женится на Татьяне Александровне Андрюковой, а 1 января 1842 г. у них рождается единственный

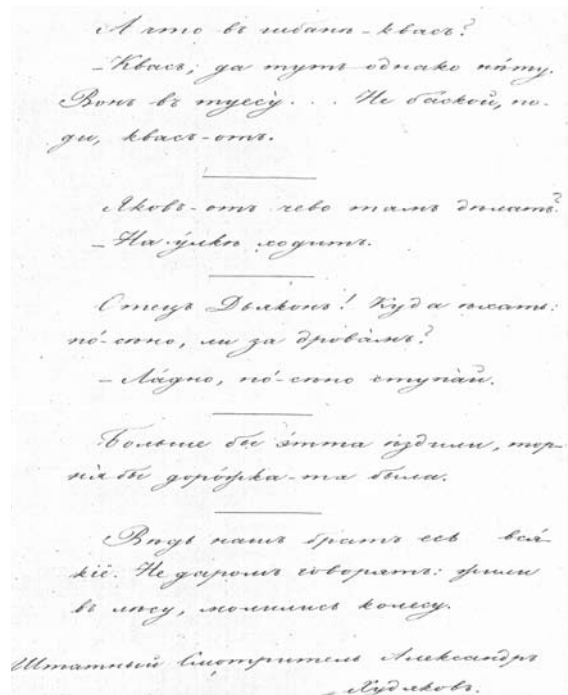
и бесконечно любимый сын Иван – будущий талантливый исследователь, собиратель русского фольклора, филолог и этнограф, писатель, историк, педагог, а также революционер-народник, проходивший по делу Д. Каракозова и умерший в иркутской ссылке в 1876 году⁶. Ивану было только девять месяцев, когда его отца перевели в октябре 1842 г. из Кургана в Ишим смотрителем трехклассного уездного училища.

Училище это, самое первое учебное заведение Ишима и Ишимского округа, было открыто в 1817 году и стараниями А.Г. Худякова стало в середине века лучшим во всей Тобольской губернии. Помимо основных предметов: Священной истории, Российской истории, Естественной истории, Закона Божьего, Российской грамматики, арифметики, геометрии, географии, черчения, рисования, чистописания, физики, здесь было введено первоначальное обучение латинскому и немецкому языкам. При училище была фундаментальная библиотека, которая к 1 января 1848 года состояла из книг 328 названий в 658 томах. Из них: на русском языке – 279 названий, а остальные на древних классических, новейших европейских и азиатских языках.

В училище «эпохи» А.Г. Худякова обучалось (данные на 1 января 1847 г.) 44 ученика. Из них детей дворян и чиновников – 7, купцов и мещан – 15, разночинцев и крестьян – 22. Учителей было четверо. Историю и географию преподавал Алексей Бублеев, арифметику и геометрию – Василий Столов, русский язык – Петр Бобрик, рисование, черчение и чистописание – Иван Урванцев (крестьянский сын). В ведении А. Худякова были также и приходские училища Ишима, Петропавловска, Бердюжья, Абатска, Готопутова, Казанки, Фирсова, Усть-Ламенки и т.д.⁷.

Находясь в Ишиме А. Худяков заинтересовался педагогической деятельностью декабриста И.Д. Якушкина, открывшего в Ялуторовске школу с преподаванием по ланкастерскому методу. Он бывал в Ялуторовске сам и присылал в этот город ишимских учителей. Данный факт нашел отражение в очерке сибирского писателя и художника М.С. Знаменского, посвященном И.Д. Якушкину⁸.

Административная и педагогическая работа Александра Гавриловича сочеталась

Этнографические заметки по Ишимскому округу. Автограф А.Г.Худякова.

с научно-исследовательской. Последняя была многообразна: метеорологические наблюдения, изучение быта (одежда, жилище, пища), праздников и развлечений сибиряков. Худяков первым обратился к составлению словаря местных говоров. Им были записаны также поговорки, «рассказы и разговоры» крестьян-старожилов юга Западной Сибири. Составленные им «Этнографические заметки по Ишимскому округу» (1848 г.) и «Этнографические сведения о жителях Ишимского округа Тобольской губернии» (1849 г.) были представлены Русскому географическому обществу в Санкт-Петербурге⁹.

Нравственный облик Александра Гавриловича, его отношение к близким людям раскрывается в книге Ивана Александровича Худякова «Опыт биографии». Изданная в 1882 г. в Женеве, она сохранилась в нашей стране лишь в единичных экземплярах. Здесь И. Худяков с большой признательностью вспоминает отца, ничего не жалевшего для его воспитания. «Когда я был колыбельным ребенком, он запрещал меня часто пеленать, чтобы не препятствовать моему росту. Когда я стал ходить на ногах, летом он посылал меня играть на песке и на солнце и развивал во мне физические силы соразмерным физическим трудом.

Благодаря этому я рос довольно скоро и отличался значительной силой для своих лет. В то же время отец заботился и о развитии моих умственных способностей, за обедом, за чаем, во время прогулок он постоянно разговаривал со мною, задавая мне разные вопросы, или, в свою очередь, по мере своих сил, удовлетворяя моему любопытству»¹⁰.

Характер мальчика был «пылким и стремительным», и Александр Гаврилович пытался сдерживать сына, говаривая: «Не торопись, Ваня, умыкают бурку крутые горки». И. Худяков характеризует отца как доброго мужа и честного христианина, содержавшего на свой счет многих бедных родственников, исполнявшего служебные дела с необыкновенным усердием и честностью («ни взятка, ни подарков не принимал»)»¹¹.

Семья Худяковых проживала в казенной квартире, находившейся под одной крышей с приходским училищем. Приходское училище, по утверждению ишимских старожилов и краеведов, располагалось недалеко от уездного, на нынешней улице Л.Н. Толстого, между вторым и четвертым Южными переулками. Библиотека обоих училищ, по воспоминаниям И. Худякова, размещалась также в квартире отца, и мальчик, рано освоивший грамоту, увлеченно читал «Историю войны 1812, 1813, 1814 годов» Михайловского-Данилевского в 8 тт. и рассматривал планы сражений.

В 1852 г. Иван закончил Ишимское училище и был отправлен в Тобольскую гимназию. В Тобольск перебрались и его родители. Из формулярных списков А.Г.Худякова за 1852-1856 гг., сохранившиеся в РГИА, известно, что в мае 1854 г. он был переведен из Ишима в Тобольскую гимназию на место старшего учителя математики, а 16 мая 1856 г. уволен со службы «с мундиром и пенсией»¹². Но в этом же году Александр Гаврилович был определен членом совета по хозяйственной части Тобольской Мариинской женской школы. В Постановлении совета Мариинской школы о вынесении благодарности тобольскому мещанину К.Н.Николаеву за участие в открытии женского приходского училища от 18 апреля 1857 года есть и подписи двух членов Совета — Петра Ершова и Александра Худякова¹³. Кроме того, Александр Гаврилович

«исправлял должности» председателя Тобольского приказа о ссыльных, а через год и советника Тобольского губернского правления. В 1862 г. из-за болезни он уволился в отставку¹⁴.

Эти годы жизни А.Г. Худякова, как и последующие, являются наименее изученными. Есть сведения, что после отставки в Тобольске он занимал должность смотрителя училищ в г. Епифани Тульской губернии¹⁵. Умер Александр Гаврилович Худяков в 1867 г.

Примечания:

1. ТФ ГАТО. Ф.152. Оп. 30. Д. 126 (Формулярный список А.Г. Худякова).
2. Нормальный курс для первоначальных наставников, или Руководство к физическому, нравственному и умственному воспитанию в первоначальных школах. Сочинение барона Дежердано. Пер. А.Г. Худякова. - СПб. В типографии Императорской Академии наук, 1838.
3. Там же.
4. Там же, с.17.
5. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 30. Д. 126.
6. Виленская Э.С. Худяков. - М., 1969 (ЖЗЛ); Савченкова Т.П. Отец и сын Худяковы // Западно-Сибирское краеведение. - Вып. 3. - Ишим, 2000. - С.26-31.
7. ГАТО. Ф. И-73. Оп. 1. Д. 2. Л. 416.
8. Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. - Тюмень: Софт. Дизайн, 1997. С.279.
9. Архив Российского Географического общества. Разряд 51. Оп. 1. 1848 г. Д. 12. (рукопись А. Худякова).
10. Худяков И.А. Опыт автобиографии. - Женева: Вольная русская типография, 1882, с. 9.
11. Там же, с. 9-10.
12. РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 110.
13. ТФ ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 2. Л. 8. Этот факт знакомства А.Г.Худякова с известным писателем и педагогом, по всей вероятности, не единственный. Необходимы дальнейшие поиски материалов и свидетельств об отношениях этих двух ярких личностей.
14. Клевенский М.М. И.А. Худяков. Революционер и ученый. - М.: Изд-во всесоюзного общества политкаторжан и переселенцев, 1929. С. 5.
15. Базанов В. И.А. Худяков и покушение Каракозова // Русская литература, 1962. - 4. - С. 152.

Этнографические сведения о жителях Ишимского округа Тобольской губернии*

1. Относительно наружности

Русское народонаселение Сибири есть смесь добровольных переселенцев с потомками сосланных из разных мест обширного нашего Отечества. Хотя по такому происхождению, при постоянном приливе новых пришельцев, трудно отыскать тип старожилов относительно наружности, однакож есть возможность указать на некоторые признаки, свойственные большинству жителей Ишимского округа.

Признаки сии состоят в следующем:

1) Средний рост 2 аршина 6 вершков.

2) При крепком телосложении, мужчины по большей части коренасты.

3) Части тела довольно соразмерны, но толсты в сравнении с ростом.

4) Господствующий цвет волос - русый.

5) Глаза по большей части серые.

6) Работами занимаются усердно.

Особенных болезней, свойственных исключительно климату, нет. По наблюдениям Врачей, многие из жителей страдают от распространившегося здесь - большею частию в перерожденном виде - **сифилиса**.

Между крестьянками много подверженных **истерике**, которую они называют **порчею**. Распространение этой болезни врачи почитают следствием изнурительных трудов, которыми лица женского пола обременены бывают с малолетства.

Сверх того случается, впрочем весьма редко, что и в здешний округ иногда проникает **сибирская язва****.

Д. В особенном смысле употребляются следующие слова:

Башма́к, -а, с. м. Палка, надеваемая на ногу лошади вместо пута. *На серка башма́к надень, а то убежит.*

Брата́н, -а, с. м. Брат. Бра́таном называют друг друга коротко знакомые. *Здорово, братан!*

Бус, -а, с. м. Самая мелкая мука; мучная пыль.

Ве́ра, -ы, с. ж. Обычай. *У нас така́ уж ве́ра: кто на́-помочь звал, тот и сам иди.*

Гря́дка, -и, с. ж. Палка, проведенная от русской печи к противоположной стене.

Дивно, нар. 1. Довольно много. *Дивно собрал денег: рублей до пятнадцати.* Дивно обегал места: версты четыре. Дивно набрал ягод: чуть не ведро. 2. Довольно долго. *Долго шел дождик?* - Дивно: больше получаса. 3. Довольно давно. *Давно ли это было?* - Дивно: лет семь или восемь.

Донима́ть, -маю; -маешь; сов. донять, гл. д. 1. Притеснением доводить до крайности. *Так он донимал нас, что самые скромные стали роптать.* 2. Сильно беспокоить, мучить. *Меня зубы (зубная боль) донимают.*

До́шлый, -ая, -ое, пр. Догадливый, продувный, хитрый. *Этого не вдруг обманут: он сам дошлый.*

Жи́рный товар - сало и масло. *Он торгует жирным товаром.*

Забойка, -и, с. ж. Действие убивающих рогатого скота. *У него теперь забойка.*

* Были представлены 2 января 1849 г. Подписаны: Штатный смотритель Ишимских училищ Александр Худяков. Хранятся в рукописном виде в Архиве Русского Географического Общества (Санкт-Петербург). Публикуются впервые. Орфография, пунктуация и стилистика соответствуют оригиналу.

** В рукописи имеются лакуны: отсутствуют некоторые пункты, например, нет начала 2-го раздела (словарного), а именно: пунктов А, Б, В, Г.

Заварка, -и, с. ж. Количество сухого чаю, зараз завариваемого в чайнике. *Осталось чаю только на заварку.*

Заварочка, -и, с. ж. Уменьшительное слова заварка в показанном выше значении.

Закладка, -и, с. ж. Количество чаю, зараз завариваемого в чайнике. *Чаю остается на две закладки.*

Землянка, -и, с. ж. Земляника.

Зимняк, -а, с. м. Зимняя дорога. *Ехать зимняком.*

Капустка, -и, с. ж. Вечерка или вечерний праздник для рубивших днем капусту.

Катушка, -и, с. ж. Зимняя гора для катанья. *Пойдем на катушку.*

Колода, -ы, с. ж. Косяк в окне или дверях. *Вынули из окон колоды.*

Кондырь, -я, с. м. Козырек. *Пришить к шапке новый кондырь.*

Копотить, -чу, -тишь; закопотить, гл. ср. Пылить. *Дорога сухая: закопотило нас как не надо хуже. Приотстань от той повозки: видишь, копотит.*

Копоть, -и, с. ж. Пыль. *Сотри со стола копоть.*

Курица, -ы, с. ж. Жердь с крепким, крючковатым концом, вдалбливаемая верхними частями в решетины стропил так, чтобы на крюк ее удобно было положить боковой желоб, которым поддерживаются на крыше доски, не пришитые гвоздями. *Доски на крыше не буду пришивать гвоздями, а куплю 8 куриц, да сделаю желобья.*

Лён, льна, с. м. Задняя часть шеи. *Били его по льну.*

Лихо, гл. безл. Тошнит, чувствуется позыв на рвоту.

Мешок, -шка, с. м. 25 рублей ассигнациями. *Заплатил дваста с мешком (225 руб. асс.).*

Наледь, -и, с. ж. Вода, разлившаяся по льду речки, когда нет ей свободного течения подо льдом.

Норка, -и, с. ж. Ноздря. *Оцарапал норку.*

Обиходный, -ая, -ое, пр. Опрятный. *Обиходный парень.*

Обиход, -а, с. м. Чистота, опрятность. *Вот какой завела обиход: вся посуда чистенька. Посудка обиход любит - значит посуду надобно держать в опрятности.*

Парить, -рю, -ришь; сов. выпарить. О птицах: сидеть в гнезде на яйцах. *Курица парит.*

Подовинник, -а, с. м. Толстое полено, годное для сушки хлеба в овине.

Подовинники, -ов, с. м. Толстые дрова, употребляемые для сушки хлеба в овине.

Помочь, -и, с. ж. Действие приглашенных помогать в работе без платы. *Подкосил траву помощью.*

Поскоти́на, -ы, с. ж. 1. Выгон для скота. 2. Загородка, окружающая выгон.

Пропа́дать, -даю, -даешь; сов. пропасть, гл. ср. 1. Издыхать, издохнуть. *У них много скота пропало от заразы.* 2. изнашиваться, износиться. *Рукава пропали. Сапоги недавно стал носить, а уж подошвы пропадают.*

Хлопу́ша, -и, с. общ. Лжец, охотник лгать. *Не верьте ему: он хлопуша.*

Хозя́ин, -а, с. м. Муж. *Это мой свекор, а это хозяин.*

Шинок, -нка, с. м. Бордель.

Е. МЕСТНЫЕ СЛОВА:

Базла́ть, -аю, -аешь, гл. ср. Кричать. *Так базлал, что соседи могли слышать.*

Баский, -ая, -ое, пр. кач. Хороший, красивый. *Баско́й парень.*

Ба́ско, нар. кач. Хорошо, красиво, приятно.

Ба́сси́нький, -ая, -ое, пр. Хорошенький. *Парень басси́нький, зовут Васинькой.* Народ. песня.

Растряс́тися, гл. возвр. Родить. *У него хозяйка растряслась.*

Сгореть с вина - зн. умереть от пьянства.

Сменíть, гл. д. Говорится только об иконах и свечах для образов; значит купить. *Не забудь сменить образ. Сменíл свечи на гивну.*

Сро́дный, -ая, -ое, пр. Тоже, что двоюродный. *Сродный брат.*

Ста́я, -и, с. ж. Хлев. *Загони коров в стаю.*

Суда́чить, -чу, -чишь, гл. ср. Негодовать, сетовать. *Судачит'на братьев, что его забыли.*

У́лка, -и, с. ж. 1. Улица. 2. Двор. *Ему лихо - пусть вы́йдет на улку.*

Фа́ми́лия, -и, с. ж. Жена. *Он у нас с фамилией был. Самого не застал, а фамилию видел.*

Хло́пать, -аю, -аешь, гл. ср. Лгать. *Его словам верить нельзя: он любит хлопать.*

Бат, -а, с. м. Лодка с низким носом и кормою, грубо выдолбленная из дерева. *Легкая лодочка скользит по воде, а на бату прот́ив воды недалеко уплывешь.*

Баю́н, -а, с. м. Краснобай.

Бо́тало, -а, с. ср. Пустая медная призма с приделанным внутри язычком, привязываемая на шею лошадям или коровам вместо колокольчика.

Бро́дни, -дней, с. м. Обувь из кожи, сшитая наподобие сапогов.

Буси́ть, -шу, -сишь, гл. д. 1. Сеять ситом муку так, что мучная пыль разлетается. *Хорошенько сей: не бу́си.* 2. О дожде: падать самыми мелкими каплями. *Дождь бусит.*

Бу́сий, -ая, -ое, пр. кач. Дымчатый. *Бусая кошка.*

Бызова́ть, -зую, -зуешь, гл. ср. О коровах: бегать, поднявши хвост. *Коровы вызывают.*

Ве́слина, -ы, с. ж. Деревня, селение. *Что ты кричишь на всю веслину?*

Вечё́рка, -и, с. ж. Вечеринка.

Вла́зины, -ъ, с. ж. Новоселье. *У него сегодня влазины.*

Вя́ньгать, -гаю, -гаешь, гл. ср. Просить о чем-либо или роптать плаксивым голосом.

Вяньгу́ша, -и, с. общ. Охотник вяньгать.

Гали́ть, -лишь, -лит, гл. ср. В игре: подавать мяч или шар.

Глубе́ника, -и, с. ж. Клубника.

Глубя́нка, -и, с. ж. Клубника.

Голк, -а, с. м. Звук от выстрела из огнестрельного оружия. *Голк слышу, а не знаю, где палят.*

Дивья́, нар. Хорошо. *Дивья разгуливать, когда дела нет.*

Дикани́ться, -нюсь, -нишься, гл. общ. Издеваться. *Много на́д ним дика́нились.*

Ересті́ться, -шусь, -стишься, гл. общ. Брюзжать. *С утра до вечера ерестится.*

Ерестли́вость, -и, с. ж. Брюзгливость.

Ерестли́вый, -ая, ое, пр. Брюзгливый.

Жи́рник, -а, с. м. Сосуд с жиром или салом для освещения. *Зажечь жирник.*

За́дорожка, -и, с. ж. Поперечная стена в печи по обе стороны устья. *Поставь горшок за́ задорожку.*

Забе́дно, нар. Обидно. *Ему забедно видеть такую к себе несправедливость.*

Зава́руха, -и, с. ж. Каша из муки, заваренной кипятком и потом поджаренной на масле. *Он любит есть заваруху.*

Заку́ржеветь, сов. гл., куржеветь. *Усы и воротник заку́ржевели.*

Зату́ран, -а, с. м. Напиток, приготовленный из муки, поджаренной на коровьем масле, потом разведенной чаем и молоком. *Мы пили затуран.*

Изга́ляться, -ляюсь, -ляешься, гл. общ. Издеваться, насмехаться. *Он любит изга́ляться над другими.*

Кавка́ть, -аю, -аешь, гл. ср. Кашлять. *Опять стал кавкать.*

Кана́ться, -наюсь, -наешься, гл. общ. Просить. *Поди, канайся.*

Ки́бас, -а, с. м., во мн. ч. *кибася*, -ев. Камни, привязанные к неводу для погружения его в воду.

Копё́нница, -ы, с. ж. Веревка, которою обхватывается копна для перевозки.

Копни́ть, -ню, -нишь, гл. ср. Делать копны.

Копновóз, -а, с. м. Возящий копны.

Кости́ка, -и, с. ж. Костеря.

Кострома́, -ы, с. ж. Низкий сорт мыла.

Кошева́, -ы, с. ж. Широкая и глубокая сани, обтянутые кошмою или рогожами и употребляемая для перевозки под собою большого количества поклажи. *Купил кошеву. Чем платить прогоны за две повозки, лучше сложить все в одну кошеву.*

Кра́ган, -а, с. м. Род капюшона, пришиваемого к воротникам некоторых верхних одежд.

Куржа́к, -а, с. м. Иней, покрывающий волосы и древесные ветви.

Ку́ржеветь, -вею, -веешь, гл. ср. Покрываться инеем. *Борода стала куржеветь.*

Ку́хта, -ы, с. ж. Иней, до такой степени скопившийся на ветвях деревьев, что тонкие из них гнутся от тяжести.

Ладо́м, нар. Хорошенько. *Клади ладо́м.*

Лито́вка, -и, с. ж. Коса с длинным древком. *Мастер косит литовкою.*

Метля́к, -а, с. м. Мотылёк, бабочка.

Метля́чек, -чка, с. м. Уменьшительное слова метляк.

Моло́сный, -ая, -ое, пр. Скоромный. На Святой неделе все молосные дни.

Морго́вать, -гую, -гуешь, помо́рговать, гл. ср. Пренебрегать, презирать. Поморговал моим подарко́м. Моргуе́т зацвельм хлебо́м.

Носо́вик, -а, с. м. Платок, употребляемый для сморкания.

Ня́ша, -и, с. ж. Густая грязь, в которой вязнут ноги. Зашел в такую няшу, что и калоши в ней оставил. Лошадь едва вывезла из няши.

Оби́хаживать, -ваю, -ваешь, обиходить, гл. ср. Убираться в доме: мыть полы, стены, чистить посуду и пр. Соби́раюсь оби́хаживать.

Обу́тки, -ов, с. ж. Обувь. Надо новы́я обу́тки.

Огу́да, -ы, с. общ. Надувало, обманщик, -ца. Он изве́стный огу́да. Разве ты не знае́шь, что она огу́да?

Огу́дывать, -ваю, -ваешь, огу́дать, гл. д. Обманывать. Он ме́ня огу́дать хоте́л,

Оде́нок, -нка, с. м. Сено, оставшееся по свезении стога. Свезди́ть за оде́нком.

Окля́мываться, -ваюсь, -ваешься; сов. окля́маться. Выздора́вливать, выздороветь. Наси́лу окляма́лся.

Осе́нничать, -аю, -аешь, гл. ср. Осенью производить добровольный сбор с крестьян, находящихся в приходе какой-либо церкви. Дьяко́н поеха́л осеннича́ть.

Осе́нное, -ого, в виде с. ср. Добровольный сбор с крестьян,

находящихся в приходе. Дьяко́н, соби́рал осе́нное.

Охи́чаться, -чаюсь, -чаешься, гл. ср. То же, что обихаживать. Ста́ли охи́чаться.

Охи́чка, -и, с. ж. Действие охи́чающихся. При́нялись за охи́чку.

Охлу́пень, -пня, с. м. Конек на кровле, верхнее бревно на воротах.

Па́полза, -ы, с. общ. О детях: начинающий ползать. А́х, како́й на́полза!

Пару́нья, -и, с. ж. Наседка. Э́та кури́ца парунья́.

Пау́т, -а, с. м. Овод. Пау́ты иску́сали.

Пе́корчить, -чу, -чишь, гл. д. 1. Донима́ть, доводи́ть до крайности. 2. Шу́тя мя́ть, дави́ть, щекотать сла́бейшего. Поборо́л, да и дава́й его́ пе́корчить.

Пеле́говать, -гую, -гуешь, гл. ср. Переби́рать что-ли́бо в рука́х. Пере́стань пеле́говать игру́шкой: изломае́шь.

Пеле́говаться, -гуюсь, -гуешься, гл. ср. То же, что пелеговать.

Первосе́нок, -нка, с. м. Первая половина осени. Привез до́мой сы́на на перво́се́нок.

Пересове́ц, -вца, с. м. Палка, привязанная за концы к потолку, для вешания платья. Повесе́ь на́ пересове́ц.

Петро́вское, -ого, в виде с. ср. Добровольный сбор, производимый духовенством в Петров пост с крестьян, находящихся в приходе. Дья́чки соби́рают пе́тровское.

Плаш́ник, -а, с. м. Дрова, приготовленные из расколотых надвое

круглых поленьев. *При покупке дров надобно выбирать плашник.*

Поварёнка, -и, с. ж. Железный уполовник. *Сними пену поварёнкой.*

Подбьгивать, -аю, аешь; сов. подбьгать. Подсыхать. Белье *подбьгало*: пора снимать.

Подскальник, -а, с. м. Так называются тонкие жердочки, подкладываемые под бересту или под дерн при покрытии ими строения.

Подчембариться, -ваюсь, -ваешься, гл. возвр. Надеть широкие шаровары так, чтобы нижняя половина шубы или зипуна была спрятана под ними.

Польга, -и, с. ж. Польза. Долго лечился, а польги не было.

Помочанин, -а, с. м. Так называют людей, приглашаемых помогать в работе без платы.

Постовать, -тую, -туешь, гл. ср. То же, что говеть во 2 значении по Словарю церковнославянского и русского языка. *Постовать будем на страстной неделе.*

Пошевни, -вен, с. м. То же, что обшивни. *В пошевнях едет.*

Прикопоток, -тка, с. м. Получулок. *Летом ношу бумажные, а зимою шерстяные прикопотки.*

Примаривать, -аю, -аешь, гл. ср. Клонить ко сну. *Меня стало примаривать.*

Прокурать, -чу, тишь, гл. ср. Притворяться больным. *Он говорит, что болен, а кажется, прокуратит.*

Просмешник, -а, с. м. Насмешник, зубоскал.

Розанец, -ца, с. м. Пирожное, имеющее вид розана. *Она мастерски сделала розанцы.*

Сдйчи, нар. По глупости.

Склока, -и, с. ж. Хлопота, суетливость, беспокойство. *Наделал нам склоки.*

Славленное, -ого, в виде с. ср. Добровольный сбор с находящихся в приходе крестьян, производимый духовенством после праздника Рождества Христова. *За славленным поехал.*

Славнецкий, -ая, -ое, пр. Очень хороший. *Славнецкий мужчина. Славнецкая лошадь.*

Слякиша, -и, с. ж. То же, что слякоть.

Смолость, -и, с. ж. Часть коровьего времени, употребляемая в пищу. *Ему нравится жареная смолость.*

Справный, -ая, -ое, пр. То же, что зажиточный.

Столёчница, -ы, с. ж. и **Столенница**, -ы, с. ж. Простонар. Верхняя доска стола.

Страдовать, -ую, -уешь, гл. ср. Заниматься сенокошением или жатвою хлеба. *Начали страдовать.*

Строшной, -ого, в виде с. м. Работник, нанятый на срок. *Сам не поехал, а послал строшного.*

Стряпка, -и, с. ж. Кухарка, стряпуха. *Нанять стряпку.*

Супрядка, -и, с. ж. Помощь в прядении кудели. *Одна себе скоро ли опрядешь; лучше супрядку сделай: т.е. попроси знакомых помочь тебе.*

Сутунок, -нка, с. м. Толстые, но короткие бревна. *Из этих сутунков*

будут славные доски.

Сеногно́й, -я, с. м. Очень мелкий дождь. *Плохое будет сено: пошло под сеногно́й.*

Тожно́, союз. Потом. *Сперва выслушай, тожно говори.*

Третья́к, -а, с. м. О домашнем скоте: имеющий более 2-х лет. *Тот лоншак, а этот третья́к.*

Убрóд, -а, с. м. Недавно выпавший глубокий снег. *Такой убрóд, что едва доехали.*

Угои́ть, -иваю, -ешь, гл. д. 1. Уконопатить, устроить. *Угои́ть дом.* 2. Небрежно употреблять что-либо. *Угоил платье так, что стыдно надеть. Лошади едва отдохнули, так он их угоил.*

Ухля́мывать, -аю, -ешь, гл. д.; сов. ухлямать. Утомить, умаять. *Ухлямала его дорожка.*

Ухля́мываться, -аюсь, -ешься, гл. возвр. сов. ухляматься. Утомляться, умаиваться. *Ухлямались мои лошади.*

Харча́ть, -чу, -чишь, гл. ср. Дышать с великим трудом и хрипением от скопившихся в горле мокрот. *Перед смертью харчал.*

Хво́росты, -ов, с. м. Сдобные сочни, варенные в масле. *Об маслянке варят хво́росты.*

Хи́нькать, -аю, -ешь, гл. ср. Плаксивым голосом изъявлять свое горе. *Дитя не плачет, а хи́нькает.*

Хле́стко, нар. Бойко. *Рысак хле́стко бежит.*

Хлю́нца́, -ы, с. ж. Нескорый бег лошади. *Ехать хлю́нцой.*

Хрушкíй, -ая, -ое, пр. Крупный. *Хрушкíя зерна. Хрушко́е сено.*

Целовни́к, -а, с. м. Прощеный день, или последний день масленицы, в который испрашивают друг у друга прощение в нанесенных оскорблениях и в знак примирения целуются. *В целовник помирились.*

Чаро́к, -рка, с. м. Обувь наподобие башмака, с опушкой вверху. *Крестьянки в будни носят чарки, а в праздники башмаки.*

Чемба́ры, -ъ, с. ж. Широкие шаровары из холста или тонкой кожи. *Сегодня холодно: надень чембары́.*

Шабу́р, -а, с. м. Зипун. *Сверх шубы шабу́р надел.*

Шалаба́н, -а, с. м. Голова. *Выпил только рюмку, а в шалаба́не зашумело.*

Шара́бора, -ы, с. ж. Скарб. *Всю шарабору распродал.*

Шаро́вка, -и, с. ж. Палка, которою в игре бьют по шару. *Отдай мою шаровку!*

Шиликун, -а, с. м. Нечистый дух. *Боюсь идти в пустой дом: там шиликун живет.*

Шипи́шник, -а, с. м. Шиповник.

Шипи́шный, -ая, -ое, пр. Относящийся к шиповнику.

Ширку́нчик, -а, с. м. Пустой медный, с прорезями, шарик, во внутренность которого кладется кусочек железа, ширикающий от движения. *Вместо колокольчика купил ширку́нчик.*

Ширче́к, -чка, с. м. и **ширчо́к**, -чка, с. м. Щепотка табаку.

Шитни́ца, -ы, с. ж. Швея. *Она хорошая шитни́ца.*

Яга́, -и, с. ж. 1. Злая, вздорная женщина. *Сошлись две яги: тотчас поссорятся.* 2. Шуба, носимая мехом кверху. *Яга теплее шубы.*

Яга́ть, -аю, -ешь. Браниться, шуметь, кричать по вздорности. *Принялась яга́ть: не скоро уймется.*

Ягини́шна, -ы, с. ж. То же, что яга в 1-м значении.

Я́тно, нар. Ясно, явственно, внятно, четко. *По слабости зрения не ятно вижу. Говорит ятно. Все слова написаны ятно.*

Я́тный, -ая, -ое, пр. Явственный, четкий. *Сделай надпись я́тную.*

3. ДОМАШИЙ БЫТ

Крестьянские дома состоят по большей части из двух просторных комнат, разделенных сенями. Если семейство небольшое, то живут в одной комнате, а другая назначается для приема гостей или для приезжих. Если же семейство увеличилось женитьбою одного или двух сыновей, то запасная комната обращается в жилую для того из них, кто имеет более детей.

С переднего двора, по невысокому крыльцу, вы входите в сени. Здесь направо и налево двери. Одни ведут в жилую избу; другие - в горницу, или чистую комнату. В жилой избе очень много занимает места русская печь, подле которой **голбец**, или спуск в подполье. В переднем углу, на божнице, иконы. В другом углу несколько полок для посуды. Оконницы летом стеклянные, а зимою нередко обтянутые брюшиной. Во всю длину свободных двух стен устроены лавки шириною 8 или 9 вершков. Перед лавками в переднем углу стол, которого величина соразмерна с числом жильцов. Вверху, на 1/2 аршина от полу, от дверей до половины комнаты и дальше, делаются **палаты**, занимающие все свободное вверху комнаты место от печки до противоположной стены.

На палатах обыкновенно отогревается крестьянин, переязбший в морозы во время дальнего переезда; там же спят некоторые из семейства; туда же кладут и часть одежды. Входят на палаты по приступкам, сделанным подле печи.

В горнице чрез сени так же, как в жилой избе, много места занимает печь; в переднем углу образа; подле стен лавки. От печи, вдоль по комнате, до противоположной стены иногда вешат занавеску, служащую перегородкой для лиц женского пола.

Опрятность в доме на ответственности хозяйки. Если хозяйка не чрезмерно обременена заботами о малолетних детях, то и в жилой избе редко встретите загрязненный пол. Особенно наблюдается, чтобы в горнице всегда было чисто: моют и скоблят не только лавки и пол, но пред наступлением больших праздников - даже стены.

На переднем дворе строят один или два амбара и погреб. На заднем крытом дворе помещаются в разных отделениях лошади, коровы, овцы, свиньи, гуси и пр. Для удобства хозяйки делается особая дверь, ведущая из сеней на задний двор.

Для сокращения расходов: а) печи делают не из кирпичей, а просто сбивают из глины; в) ворота по большей части не обшиты досками, а состоят из одной решетины.

Баню строят подле реки или озера и всегда по-черному, т.е. печь в ней делают без трубы. Дым гуляет по всей бане, коптит потолок и стены и наконец выходит в проделанное для того маленькое окно и в двери, нарочно отворяемые. Неудобство таких бань заключается в том: 1) что в них темно, а 2) что оставшийся в бане дым производит горечь во рту. Но эти неудобства вознаграждаются тем, что бани, устроенные по-черному, очень скоро нагреваются и притом гораздо меньшим количеством дров.

Обыкновенное платье мужчин: **зипун** из домашнего грубого-сераго или черного сукна, **поярковая шляпа**, сваленная из овечьей шерсти, и **бродни** или **сапоги**. Из-под зипуна видна на

шее глуховоротая рубашка. По зипуну низенько подпоясываются шерстяною опояскою. Зимой носят овчинные **тулупы** или ничем не крытые шубы, **теплую шапку** и **рукавицы**. Когда нужно одеться теплее, то сверх шубы надевают зипун, вместо шапки - **малахай**. Иногда же, не надевая сверх шубы зипуна, взамен того надевают **чембары**, т.е. широкие кожаные или холстинные шаровары. Эти чембары надевают после шубы: всю нижнюю половину шубы упрятывают под чембары и потом завязывают их в том месте, где должно быть опояске.

В праздники зажиточные крестьяне носят тоже **зипун**, но не из домашнего, а из дешевого фабричного сукна; **овчинную шубу**, крытую фабричным же синим или темно-зеленым сукном; **опояску** бумажную; **шляпу** полуярковую фабричной работы и **сапоги**.

Летом в праздник **молодые мужчины** очень опрятно и просто одеваются. Они выходят играть в хоровод или между собою в тонких **белых** или **красных** александрийковых **рубашках**, подпоясанных пояском, в **черных плисовых шароварах**, которые почти до колена закрыты рубашкою, и **сапогах**.

Повседневное платье женщин состоит из синяго холщевого **сарафана**, подпоясанного пояском, бумажного **платка** на голове и **чарков**. Девушки носят то же, только нет платка на голове. Если нужно защититься от дождя, то накидываются зипуном. Зимой, отправляясь в другую деревню или в город, надевают: баранью или заячью **шубу**, покрытую нанкою или китайкою, подпоясываются бумажною **опояскою**, надевают на голову **чебак** (теплую шапочку) или обвязывают голову шалью.

В праздники носят: **сарафаны** шелковые или ситцевые, на голове шитый серебром или золотом **кокошник**, сверх которого повязывается шелковый **платок**; наконец надевают шелковую

или драдедамовую **шаль** и **башмаки**. Платок повязывают так, что над лбом он возвышается на 4 вершка, но к затылку гораздо уже, для того, чтобы виден был вышитый серебром или золотом кокошник.

Девушки так же повязывают платок, но не носят кокошников, заплетают волосы в одну косу с широкою лентою.

Ежедневную пищу крестьян составляют:

а) в **скоромные дни**: 1) **щи** с говядиною, бараниною или вяленою свининою; а если нет никакого мяса, то щи варятся постные, но подбиваются сметаною, и 2) **молоко** свежее или заквашенное творогом.

Эти два обыкновенные блюда дополняются ржаным или пшеничным хлебом и иногда **оладьями** из пшеничной муки.

в) в **постные дни**: щи постные, вареный горох, картофель, густой квас, паренки (пареная репа) в сусле, капуста, свекла, редька.

Так как праздники (кроме Рождества Христова и Пасхи) разделяются крестьянами на два рода: на общие и местные*, то и **праздничные столы** бывают двух родов:

В праздники общие: в скоромные дни, сверх упомянутых выше блюд, готовится еще каша, а в постные, если есть рыба, - пирог с нею.

В праздники местные кушанье готовится не столько для собственного семейства, сколько для гостей, которых всегда бывает довольно много, потому что, кроме знакомых из других мест, каждое семейство угощает своих однодеревенцев, которые ходят из дома в дом и везде приглашаются к обеду. На таких обедах самое необходимое и первое кушанье - пирог с рыбою; потом следуют щи с говядиною, студень, поросенок жареный, пироги с говядиною, яйцами, ягодами; оладьи, блины, каравай, каша, кисель, селянка и разные хлебные, пряженые в масле.

* Почти в каждой деревне особенно празднуется один или два какие-либо праздника; напр., в одной особенно празднуют Крещение Господне, в другой Сретение и т.д. (прим. А.Худякова).

1. СЛОВА:

Чмүшки - напраслина.
Канаться - просить. Напр. Поди, канайся.
Вошкать - медлить, мешкать.
Перенова - свежий снег, по которому удобно ловить зайцев.

2. ПОГОВОРКИ:

Увидя падающую звезду, некоторые говорят: *Не до́ неба, не до́ земли, аминь, аминь.*

О человеке хитром говорят: *Екім - простота: рукавицы потерял - двои за поесом.*

О потерянном: *Скікал, да пропал.*

3. ПРИМЕТЫ:

Если погасят нечаянно свечу, значит - гости будут.

Уголь, вылетевший из топящейся печи, или развалившиеся в печи дрова означают также прибытие гостей.

Загнета шает - мороз будет.

Кошка лежит, спрятавши морду - мороз будет.

Курицы порхаются - снег будет.

Ласточки летают низко - дождь будет.

Если в именины мягки (вновь испеченные хлебы, булки, пироги) хороши, то именинник проживет год благополучно; а если неудача - умрет.

Егóрей - с водой; Никóла - с травой; т. е. к 23 Апреля вскрываются реки, а к 9 мая появляются травы.

Покрóвска на-голе́, дак и Митревска на-голе́; т. е. если в 1-е Октября нет снега, то и 26-го октября будут ездить на колесах.

Мітрей перевозу не кличет - значит к 26 Октября реки замерзают.

4. СУЕВЕРИЯ:

Понедельник - тяжелый день, с понедельника на всю неделю. Это относится к получению и отдаче денег, а также и к другим случаям.

Наденут рубашку наизнанку - значит битым быть, или пьяным.

Если зудит ладонь правой руки, значит получать деньги; а если левой - отдавать.

Заяц перебежал дорогу - встретить неприятность в пути.

На свадьбы деревенския приглашается так называемый **большак**, которому все присутствующие на этом торжестве отдают особенное почтение. В нем предполагаются знания отвращать от новобрачных все несчастные случаи, предохранять их от невеселости и некоторых физических немощей и противодействовать злым умыслам других знахарей. Поэтому жених и невеста воздают ему такое же почтение, как родителям. На смотрины, когда большак в первый раз приезжает с женихом к родителям невесты, жених и невеста кланяются ему в ноги и дарят его.

Когда жениха и невесту привезут венчаться, большак берет их за руки и сам вводит в церковь. Равно и по свенчании, он же выводит их. По приезде домой, новобрачные, приняв благословение родителей и поклонившись им, кланяются и ему в ноги. Он главный распорядитель и главный гость на свадебном пире. Дарят его жених и невеста во время свадьбы каждый двумя платками, а после свадьбы портами.

Провожают большака домой на другой, или на третий день, после всех прочих гостей, со всевозможными почестями, например сажают в сани не просто на сено,

* Были представлены 23 июня 1848 г. Подписаны: Штатный смотритель Александр Худяков. Хранятся в рукописном виде в Архиве Русского Географического Общества (Санкт-Петербург). Публикуются впервые. При публикации сохранена стилистика, орфография и пунктуация оригинала.

или войлок, но на подушки.

Большаком остаются недовольны, если в его присутствии случится на свадьбе что-либо неприятное, например, если загнаны будут лошади, возникнет шум, или ссора пирующих, или если новобрачные невеселы.

Впрочем, избирая и приглашая большака на свадьбу, стараются, чтобы духовенство о том не знало. Если Священник спрашивает о большаке, - кто он? - ему отвечают, что это сват, кум, сосед жениха, или его родителей.

5. РАЗСКАЗЫ И РАЗГОВОРЫ:

Вот нынешний год Господи и травки дал и хлеба дал. Годов, поди, двадцать, или тридцать не было таково урождаю. А мы всё грешим, страшно грешим. Как Господи и терпит!

Священник у нас смирной, хоть в полночь приди, уж не отзовется. Свадьбу свенчать, тут же к нам и придет. Мы говорим - Батюшко, Ваше Благословение! Вот вы к нам пришли, как же теперь? Если посидеть - милости просим; а ежели кто ошибется словом - не сердись. -Ничего, говорит, ладно; ведь я не искательный человек.

Вон какой снег валит! Как же теперь планшик-от будет ходить?

- Какой планшик?

- В Воробьевску деревню планшик приехал. У нас с Воробьевскими спор - об озере.

Вокруг озера наши пашни; а Воробьевцам захотелось отнять это озеро. До Казенной Палаты доходили. Вышел указ, что озеро нашо. А они давай у нас сено увозить: мы накосим; оне увезут. Теперича приехал планшик; да, кажется, на их руку тянет. Вызывают наших-то на межу. Мы нейдём; говорим: мы идти не

спорны, Ваше Благородие, только подите с большой межи прямо. А он не хочет. Говорят, заманивал наших-то перейти с ним озеро поперечь, штобы написать, што мы любительно разделились.

Начинат настывать погодье-то. Этта дорога-та́ торна живёт зимами-то; а тепёрь вишь чеве диётся!

- На ногах-то, у те ладно ли?

- На ногах ладно.

- Ермяк-от где-ка? Ермяк и́шшо надень... На-ко я тебе излажу. Рукавицы-то та́ки ху́дящиё!.. Неужты в этой (шапке) пойдешь? Малахай надо.

Вот у вас скоро ярманка Никольска. Съезд большой: ладно покупать вот из хресьянской сна́сти.

- Давно ли замужем твоя невестка?

- Пятой год.

- А дети есть?

- Нету-ка. Четвёртаго несёт, да нет живых-то. Не сто́ят робята-то.

- А что в жбане - квас?

- Квас; да тут однако́ нету. Вон в ту́есу...

- Не ба́ской, поди, квас-от.

- Яков-от чего там делат?

- На у́лке ходит.

- Отец Дьякон! Куда ехать: по́-сено, ли за дрова́м?

- Ладно, по́-сено ступай.

Больше бы́ этта ездили, то́рня бы до́рожка-та была.

Ведь наш брат есь вся́кийё. Недаром говорят: жили в лесу, молились колесу.

У истоков фотографии на юге Тобольской губернии

Многие годы таинственной, за семью печатями, представлялась мне история возникновения фотографии в нашем крае. Самый надежный способ разгадать тайну предполагает поиск в ней уязвимого места. Не одно десятилетие я потратил на подбор материалов о судьбе декабристов, в свое время отбывавших ссылку в окрестных городах Зауралья. Многократно побывал в музее-заповеднике Тобольска и в Ялutorовском музее декабристов. В Кургане навестил дом-музей А.Е. Розена. При посещении в середине 1980-х годов Иркутска не отказал себе в удовольствии ознакомиться с домом Трубецких. Все эти города бережно хранят документацию о жизни ссыльной сибирской общины декабристов. Наконец, желание узнать как можно больше о деятельности декабристов в наших краях привело меня в Туринск, город, который с 1732 года считался в составе Тобольской губернии. Мне довелось побывать там в конце зимы 1980 года. Запомнился парк Декабристов, а также выразительный памятник на могиле Василия Петровича Ивашева и его верной супруги Камиллы Петровны рядом с оградой старого городского кладбища. И вообще, пожалуй, самое яркое впечатление осталось от краеведческого музея, размещенного в домах декабристов В.П. Ивашева и Н.В. Басаргина. Не потому, что он самый богатый по составу материалов, совсем наоборот. Но мне этот музей, значительно менее известный, чем все остальные, запомнился сведениями о начале увлечения фотоделом здесь, в Туринске, И.И. Пушиным. Там, в Туринске, а частично в Кургане, и нашло то уязвимое место моей тайны, с которой началось это повествование.

Оказалось, что еще в начале 1839 года ссыльный декабрист А.Ф. Бригген писал из Кургана в европейскую Россию М.П. Миклашевскому: «Сколько новых изобретений! Дагерротипия, например. Я думаю, Вам известно это удивительное открытие господина Дагерра: из света он сделал рисовальщика». Декабрист А.П. Юшневский в 1843 году писал из ссылки брату: «Ты обещал показать мне опыты светописа. Вероятно, ты прочитал уже где-нибудь известия о новых опытах действия

света профессора Мезера, деланных в присутствии Гумбольдта и Энка. Подлинно: дойдут скоро до того, что откроют средство у д е р ж и в а т ь и з о б р а ж е н и е предмета, видимого в зеркале». А

несколько позже в октябре 1843 года сестра декабриста И.И. Пушина писала ему из Москвы в Туринск: «Дагерротипы нынче доводятся до совершенства, условие удачи — сидеть смирно, но не более минуты. Пришлю тебе». Обратите внимание: в письме нет пояснений о сути дагерротипии. Сестра, надо полагать, и раньше извещала Пушина, удаленного властями от столичных новостей, о величайшем достижении науки XIX столетия. Нет сомнения, что свое обещание она сдержала, и самые ранние российские дагерротипы побывали в руках И.И. Пушина.

Таким образом, триумфальное шествие первых фотографий по Зауралью началось либо с Туринска, либо несколько позже и, скорее всего, с Ялutorовска. Судьбы декабристов и сибирской фотографии переплелись в начале 1840-х годов. Таким образом, со времени начала сибирской фотографии прошло несколько более 150 лет. Дальше события, связанные с распространением фотографии в нашем крае, развивались необычно и стремительно.

Обстоятельства, при которых приходится писать памятные или долговые расписки и подписки, в жизни людей складываются столь часто, что этот вид эпистолярного искусства редко сохраняется на продолжительное время. Ну, написал, сдержал слово и без сожаления порвал и выбросил ненужную бумажку. Но иногда, в особо редких случаях, расписки превращаются в ценный исторический документ. Еще реже подобные документы чудом попадают в руки исследователей и доходят до нас, читателей. Вот одна из таких расписок: «В присутствии Ялutorовского полицейского управления мы, нижеподписавшиеся, проживающие

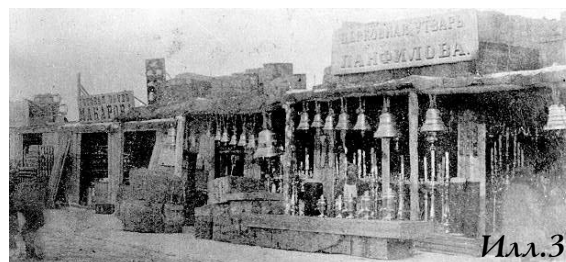

Илл.2

в городе Ялуторовске, находящиеся под надзором полиции государственные и политические преступники, выслушав предписания господина, состоящего в должности тобольского гражданского губернатора, от 8-го настоящего месяца за номером 18 дали эту подписку в том, что обязываемся не иметь у себя дагерротипов, и что в настоящее время таковых у себя не имеем. В том подписуемся: Иван Пущин, Евгений Оболенский, Иван Якушкин, Василий Тизенгаузен, Матвей Муравьев-Апостол» (орфография сохранена в соответствии с оригиналом).

Что же произошло с декабристами в Ялуторовске? Как указывалось выше, в октябре 1843 г. сестра декабриста И.И. Пущина отправила ему из Москвы письмо в Туринск. В письме сообщалось, что дагерротипы широко распространяются в столице. В завершение письма прозвучало обещание прислать образцы. Дагерротипы были отправлены И.Пущину в Туринск, а оттуда, вслед за перемещением Пущина, в Ялуторовск, куда перевели декабриста на очередное поселение.

Во всяком случае, когда весной 1845 года отставной французский инженер-подпоручик, а позже — литограф А.Давиньон приехал со своей аппаратурой к декабристам, то встретил в Сибири

Илл.3

людей, достаточно осведомленных о процессе дагерротипии. С тех пор имена И.Пущина и А.Давиньона навсегда вписались в историю сибирской фотографии, они стали ее крестниками, а город Ялуторовск по праву можно считать родиной сибирской практической фотографии.

Что же был за человек А.Давиньон? Он приехал в Санкт-Петербург в 1842 году из Франции, спустя три года после того, как его соотечественник Л.Ж. Даггер впервые добился возможности надежной светозаписи на посеребренных пластинках. Армия увлеченных дагерротипистов росла во Франции не по дням, а по часам. Занялся дагерротипией после отставки из армии и Давиньон. Не в качестве хобби, а профессионально. Не выдержав, однако, у себя на родине жесткой конкуренции, он решил поехать в Россию и завести там свое дело.

На Никольской улице в Санкт-Петербурге Давиньон открыл дагерротипный павильон. Вопреки ожиданиям, фотобизнес французского переселенца не принес ему ожидаемых прибылей. Чтобы как-то поправить свои дела, А. Давиньон решил предпринять путешествие по Уралу и Сибири с намерением сфотографировать замечательные уголки природы, города и знатных людей. Он побывал в Екатеринбурге, Тюмени и Тобольске, в Ялуторовске, Томске и Красноярске. Добрался и до Иркутска. В Екатеринбурге Давиньону не повезло в очередной раз. Здесь с 1842 года работало ателье первого уральского фотомастера И.А. Терехова. По слухам, Терехов был лично знаком с Даггером, выписал у него аппаратуру и с размахом организовал свое дело на Урале. Так что Давиньон, признавая заслуги Терехова, уехал из столицы Урала восвояси. О пребывании А.Давиньона в Тюмени и Тобольске никаких сведений не сохранилось. Возможно, он здесь что-то и кого-то снимал, поскольку конкурентов в городе не оказалось. Но, скорее всего, мещанская Тюмень и

Илл.4

чиновничий Тобольск просто не оценили возможности дагерротипии, а высокая стоимость работы отпугнула желающих сниматься. При переезде по упомянутым городам Сибири Давиньон охотно снимал декабристов, справедливо полагая, что их портреты — запретный плод, будут хорошо раскупаться.

Он не учел лишь, что работает не во Франции, а в крепостнической России. Расплата за беспечность пришла без промедления. По доносу в третье жандармское отделение А.Давиньон был арестован, у него отобрали все крамольные посеребренные пластинки-дощечки с портретами декабристов и их жен. Доказательства искать не пришлось: на обороте каждой из дощечек стояло имя предпринимателя-фотографа и его фирменный знак. Спасла Давиньона принадлежность к гражданству Франции да расписка, а точнее — подписка с обязательством не снимать впредь портретов с государственных преступников.

Вот ее текст: «1845 года, декабря 31 дня, я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в том, что не имею у себя ни одного портрета, снятого мною в Сибири посредством дагерротипа, с некоторых государственных преступников. И если когда буду путешествовать, то обязуюсь

под строгою по законам ответственностью не снимать портретов с упомянутых преступников».

На места ссылки декабристов императором Николаем I были отправлены высочайшие повеления: «...воспретить поселенцам из государственных преступников на будущее время снимать с себя портреты и отправлять оные, дабы не обращали на себя неуместного внимания. Извольте приказать, чтобы были отобраны все портреты, а также принадлежности дагерротипов». Подумать только, сколько страху на власть имущих произвела дагеррография!

Тогда-то и появилась расписка-подписка, с которой и начался наш рассказ. Полицейский обыск на квартирах декабристов не дал результатов: хозяева крамольной аппаратуры, заранее предупрежденные, все успели надежно спрятать. По некоторым косвенным признакам у меня складывается впечатление, что декабристы в Ялutorовске обладали не только дагерротипами, но и фотокамерой с необходимыми принадлежностями. Прямыми свидетельствами я не располагаю, но если это предположение подтвердится, то напрашивается вопрос: а, может, ялutorовские ссыльные фотографировали самостоятельно, без связи с Давиньоном? Тогда есть основание полагать, что аппаратура либо была прислана из центральной России, что вполне реально, либо предприимчивый А.Давиньон продал декабристам и фотоаппарат, и химикаты, и секреты получения портретов. Как знать, может, еще отыщутся и аппараты, и снимки, подобно тому, как в доме М.Муравьева-Апостола нашлась знаменитая бутылка с посланием потомкам? С нее, кстати, начался музей декабристов в Ялutorовске.

Не все декабристы послушались грозного приказа российского самодержца. В Забайкалье в Селенгинском селении фотографией продолжал заниматься Н.А. Бестужев. И.И. Пущин в одном из сибирских писем назвал этого крамольного смельчака «Николаем-дагерротипщиком». Долгое время считалось, что все дагерротипы с изображениями декабристов были утрачены, поскольку по высочайшему повелению полицейское управление было обязано их уничтожить. Исследователи истории фотографии приняли за непререкаемую истину

краткое сообщение в журнале «Красная новь» за 1924 год, в котором со ссылкой на Третье жандармское отделение сообщалось об уничтожении опасных «дошечек». Как оказалось, дощечки дагерротипов сохранились в архивных бумагах Третьего управления и дошли до наших дней. Сравнительно недавно в 1988 году в музее Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге удалось обнаружить портреты-дагерротипы декабристов С.Г. Волконского, И.В. Поджио и Н.А. Панова работы Давиньона. Небольшого размера и отлично сохранившиеся в изящных рамках, они стали настоящим открытием нашего времени. На обороте каждого дагерротипа имеется фирменная синяя наклейка с золотым оттиском «Дагерротип А.Давиньона».

Дагерротипы — снимки на посеребренной пластинке, в наше время встретить, тем более найти, почти невозможно. Редкие музеи имеют подобные уникальные экспонаты. Наиболее крупной коллекцией дагерротипов обладает Государственный Исторический музей в Москве — 296 экземпляров. В Зауралье мне известен только один дагерротип из краеведческого музея-заповедника в Тобольске. На снимке изображен В.П. Шапошников-младший (илл.1), сын известного в середине XIX века тобольского купца П.Шапошникова. Снимок сделан в 1852 году на металлической посеребренной пластине размером 9,8х11,3 сантиметра.

Дагерротип помещен в черный футляр толщиной в половину сантиметра. Снимок обрамляется двумя металлическими под золото рамками, помещен под стекло и тонирован цветными красками. Ценнейший экспонат — уникальный памятник культуры середины XIX века, поступил в фонды музея из Ленинграда в 1972 году от С.П. Заборовского — дальнего родственника семьи Шапошниковых. К сожалению, обычная пересъемка дагерротипа не способна передать фактуру его блестящей металлической поверхности. При разглядывании такого снимка создается впечатление, что дагерротип ничем не отличается от современной фотографии. Уже после подготовки этого текста мне пришла в голову мысль о съемке дагерротипа с помощью стереоскопической технологии. Дело в том, что стереоскопическое изображение, в отличие от плоской картины, дает своеобразный стереоскопический блеск. На обычной плоской фотографии его получить невозможно. Разумеется, при пересъемке дагерротипа объемное изображение получить не удастся, но стереоскопия дает дополнительную информацию — металлический блеск поверхности дагерротипа. Насколько мне известно, в периодической печати попытки стереоскопической пересъемки дагерротипов никогда не предпринимались. Пока что такой снимок мне осуществить не удалось по чисто организационным причинам: трудности разборки футляра и извлечения стекла из

опасения их повреждения.

Автор и место исполнения дагерротипа неизвестны. Здесь поле разного рода догадок может быть достаточно обширным. Исключаются фотографии столичных городов, поскольку к 1852 году дагерротипия там уже вышла из употребления. Высока вероятность изготовления дагерротипа в одном из провинциальных городов, например в Екатеринбурге, а, может, и в самом Тобольске. Надежность такой догадки, если принять во внимание скромное внешнее оформление дагерротипа, достаточно велика. И если она верна, то

начало фотографии в губернском городе следует относить к началу 1850-х годов. Но кто был этот фотограф? Имя его мне неизвестно. Знаю только, что екатеринбургский дагерротипист И.А. Терехов не раз предпринимал с фотоаппаратом поездки по Зауралью и бывал в Тобольске.

Не его ли это работа?

После Давиньона первое фотоателье в нашем крае открыл в 1862 году в Тюмени камышловский мещанин Ф.С. Соколов. Спустя два года в Тобольске пионером фотодела в столице губернии стал П.С. Паутов. В 1866 году в Тюмени открыл фотографию Н.К. Высоцкий.

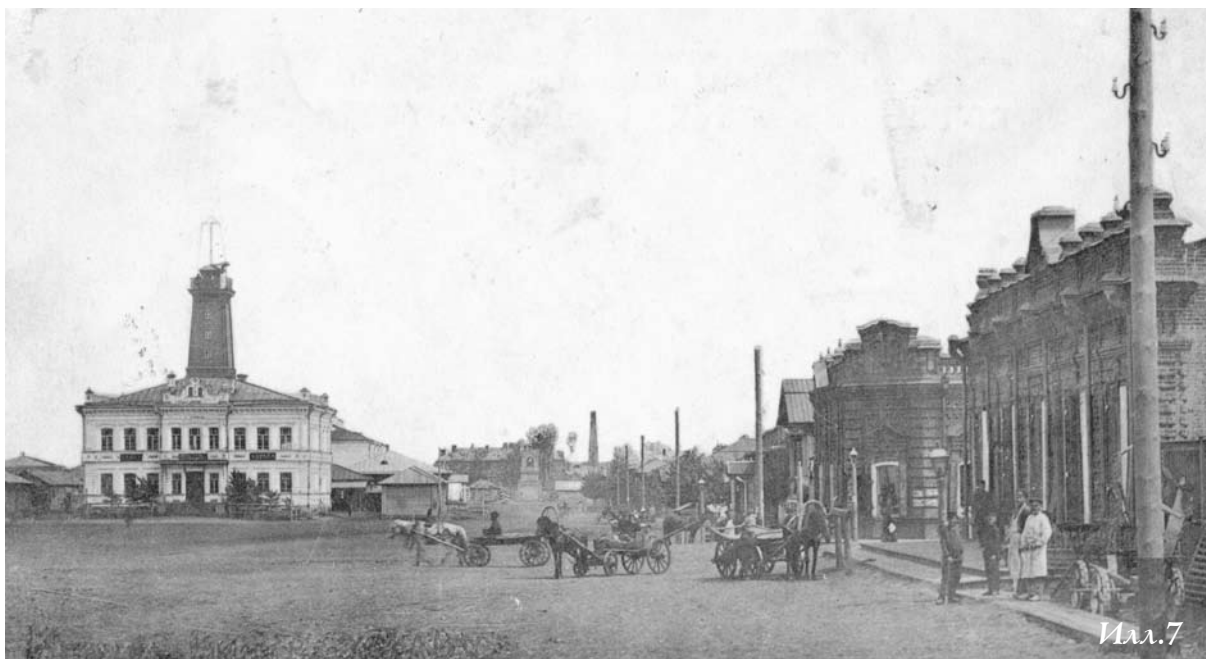
В другом городе юго-восточной окраины губернии — в Ишиме — начало фотографии несколько задержалось по сравнению с Тобольском и Тюменью и связано с именами томского мещанина Никиты Аксеновича Лузьянова (1882 г.) и тобольчанина Петра Сухих (1884 г.). Фотоателье Н.А. Лузьянова «американского» типа разместилось на Мало-Никольской улице в собственном доме, позже — в доме Москвиной. Указанная дата основания ателье в некоторой мере условна. Так, в декабре того же 1882 года Лузьянов в прошении на имя Ишимского окружного исправника просит дать ему разрешение на открытие мастерской по изготовлению каучуковых штампов «при имеющейся у меня фотографии» (Тоб. ГАТО. Ф.152. Оп.12. Л.101). Другими словами, начало фотодела в Ишиме, возможно, следует

отнести к 1881 году или еще несколько раньше. На бланке фирменного паспарту, принадлежащего Лузьянову, сам он относит дату основания своего ателье к 1888 году (илл.2). Объяснение здесь простое. Имея с местными властями некоторые сложности в оформлении более ранних документов на свою фотографию (временное разрешение), Лузьянов увязал этот год с очередным переоформлением согласия губернатора на работу его мастерской. Дело в том, что Лузьянов, проживая в Томске, открыл ателье в Ишиме в 1882 году, а жителем Ишима стал только в июне 1883 года.

Небезынтересно, что на лицевой стороне одного из вариантов паспарту Лузьянов поместил изображения двух бронзовых медалей с именами и барельефами основателей фотографии Ньепса и Талбота, полученных, как можно полагать, на одной из выставок. Впрочем, они помещены, возможно, просто в рекламных целях. Но тогда возникает закономерный вопрос: почему отсутствует имя Дагерра?

В конце 1888 года Лузьянов принимал участие в работе Никольской ярмарки в Ишиме: снимал посетителей и виды ярмарки. Некоторые из этих фотографий сохранились до нашего времени (илл.3). Ателье Лузьянова оказалось в Ишиме в числе долгожителей. Оно существовало до начала первой мировой войны.

Из упомянутого архивного дела стала известна переписка Н.Лузьянова с губернским жандармским управлением. Суть переписки (конец 1888 — начало 1889 года) сводилась к жалобе Лузьянова, если не сказать больше — доносу, на крестьянина Жилияковской волости Андреяна Васильевича Астрахова. Как следует из письма, Астрахов без ведома властей открыл в Ишиме фотографию, переманил у Лузьянова ретушера и стал ему серьезным конкурентом. Для нас, не вдаваясь в подробности конфликта, важно другое: в городе существовала еще одна фотомастерская. Чтобы уладить неблагоприятную ситуацию, Астрахов продает свое ателье с аппаратурой местному купцу Владимиру Павловичу Баеву. Торговая сделка предусматривала открытие ателье под имя купца в доме Астрахова с условием, что деловые операции сохраняются за Астраховым. Формальные препятствия были обойдены, и Баев получил от губернских властей разрешение на открытие ателье.

В том же 1889 году получила разрешение на открытие фотоателье екатеринбургская купеческая дочь Анна Ефимовна Карпова. Она проживала в Ишиме в доме своего родственника почетного гражданина О.А. Еманакова. Для сравнительно небольшого городка, каким был Ишим в конце XIX столетия с его немногочисленным населением, обилие фотоателье создавало жесткую конкуренцию между ними. Поэтому, возникнув, фотографии имели недолгую жизнь, выжили немногие. Среди них до 1910-х годов значилось имя Астрахова. Можно предположить, что он выкупил у Баева свою фотографию и с достаточной успешностью продолжил свое дело.

В начале минувшего века история фотографии в Ишиме обновилась именами И.Г. Федорова, П.И. Жилина (илл.4), М.Г. Сусловой и О.Н. Никитиной. На железнодорожной станции Ишим в 1913-1917 годах работала фотография А.Савельченко. По-разному сложились их судьбы, они снимали не только портреты мещан, но и виды города. Так, М.Суслова в 1910-х годах выпустила серию художественных почтовых фотооткрыток Ишима. Судя по номерам, помещенным на их лицевой стороне, серия содержала более 20 сюжетов (илл. 5). Серия, несмотря на качество работы, оставляющего желать лучшего, считается весьма редким иллюстративным материалом к истории города. В свое время, в середине 1990-х годов, мне довелось пополнить такими открытками

коллекцию Ишимского краеведческого музея. Характерной особенностью открыток Сусловой, отличающей их от других изданий, служат надписи на лицевой стороне, выполненные вручную, включая имя автора издания.

Снимали Ишим и другие фотографы. Известны, например, снимки некоего Сидорова. Несколько слов о фотографии П.И. Жилина. В ателье этого фотографа в детские годы снимался уроженец Тобольска, будущий автор, проектировщик и строитель Останкинской телевизионной башни — символа Москвы, Николай Васильевич Никитин (илл.6). Семья Никитиных проживала в Ишиме в 1911-1919 годах.

М.Суслова, как и О.Никитина — мать инженера и доктора наук Н.В. Никитина, олицетворяли собой богатейший опыт фотографии губернского центра. Но если Суслова имела в Ишиме только тобольский филиал или просто своего странствующего представителя с фотоаппаратом, то О.Никитина оказалась в Ишиме на постоянной основе, переехав в город из Тобольска. Ее ателье с вывеской «Фотография О.Н.Никитиной» стала известна в Ишиме в 1911 - 1913 годах сначала в доме Симакова, а затем во владениях Волкова на Базарной площади.

Параллельно с Сусловой по времени, выпуск значительно более качественных почтовых открыток с видами города организовал магазин Я.В. Башмачникова в Ишиме. Уровень их качества был сравним уже со среднероссийским (илл.7).

Лики прошлого и настоящего

Г.А. КРАМОР

Ишим — остановка на крестном пути Судьбы епископов Серафима (Звездинского) и Афанасия (Сахарова)

*«...Испытали поругания и побои,
а также узы и темницу. (...) Те,
кого весь мир не был достоин...».*
(Евр. 11: 36, 38.)

...Друг с другом в своей земной жизни они встретились только раз — на этапе, что отправлялся на север России. Но их пути-дороги впоследствии ещё раз сошлись, только в разное время, в другой географической точке необъятной страны — в городе Ишиме. А ещё их судьбы объединяла непоколебимая решимость посвятить себя служению Богу. Их жизнь стала настоящим подвигом, но совсем иного рода, чем подвиги официальных героев тех лет; он был внешне не заметен, но тем сильнее раздражал сильных мира сего. Это был подвиг веры, подвиг молитвы. За него они приняли страдания, за него были удостоены предстояния у Престола Всевышнего.

Серафим (Звездинский), епископ Дмитровский

Ровно сто лет назад, в июле 1903 года, в Саровской обители произошло знаменательное событие — торжественное прославление преподобного старца Серафима. На всенощном бдении в день открытия святых мощей 18 (31 по н.ст.) июля канон над гробом читал настоятель московской единоверческой Свято-Троицкой церкви о. Иоанн Звездинский. Читал вдохновенно, и не только потому, что сам был автором канона, стихир, тропаря и кондака, написанных по поручению Святейшего Синода. Но и потому, что сердце его было преисполнено благодарности преподобному старцу, спасшему от неминуемой гибели сына Николая, воспитанника Московской духовной семинарии, который тоже приехал в Саров на торжества.

Он появился на свет 7 апреля 1883 года, в дни Великого поста и стал третьим

ребёнком в семье уважаемого и любимого многими москвичами протоиерея. Имя новорождённому было дано в честь святителя Николая Мирликийского, весьма почитаемого на Руси. На третьем году его жизни семейство осиротело — умерла добрая матушка, и маленький Коля остался под наблюдением отца, няни и старшей сестры. Отец всегда брал его на службу, считая это очень важным для его духовного воспитания: «Пусть даже и спит — но в храме». Однажды мальчик увидел отца во время службы в алтаре стоящим у святого Престола и вошёл туда через раскрытые царские врата, что позволялось только диакону и самому священнику. Молящиеся в храме сначала смутились, а потом увидели в этом дивное предзнаменование его будущего жизненного пути.

Окончив Заиконоспасское духовное училище, Коля успешно поступил в семинарию. На третьем году учения, когда ему было 18 лет, заболел гнойным воспалением желёз. Боль была нестерпимой; несчастный грыз подушку, чтобы сдерживать стоны. Болезнь прогрессировала, врачи разводили руками и подготавливали отца Иоанна к печальному исходу. Однако в это время в Москву приехал настоятель Саровской пустыни игумен Иерофей, большой друг отца Иоанна. Он подарил ему маленький портрет старца Серафима, саровского подвижника. А страдающему Коле он сказал: «Вот — истинный врач». Как к последней надежде обратился к нему умирающий отрок, приложив образ к больному месту. В слезах он тихо уснул — впервые за два месяца — а наутро его состояние резко улучшилось. Дело пошло на поправку; отец послал в Саров извещение о чудесном выздоровлении.

Свидетельство послужило ещё одним поводом к прославлению дивного старца в лике святых. А Коля в благодарность

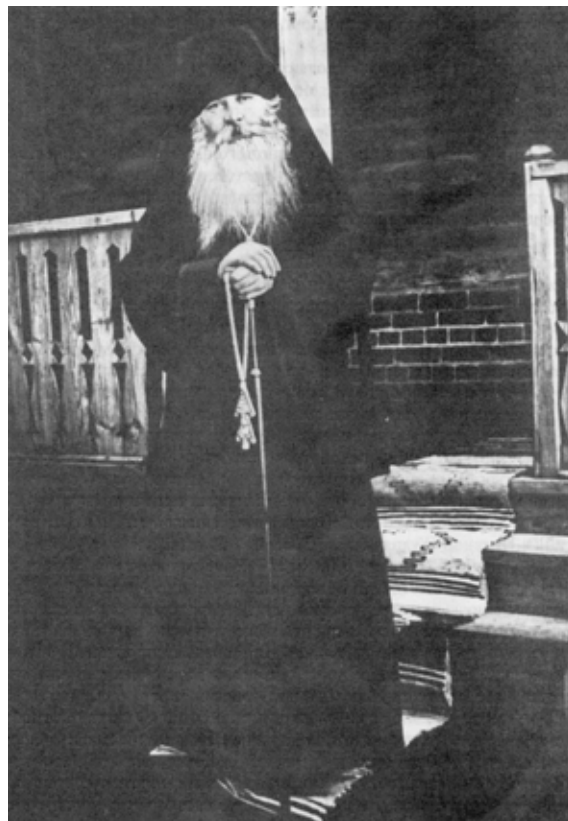
за исцеление твёрдо решил отдать подаренную ему жизнь на служение Богу. И на третьем курсе, но уже Московской духовной академии, в 1908 году он принял монашеский постриг с именем Серафим — в честь своего небесного исцелителя. После пострижения его лицо сияло таким неземным светом радости, что ректор семинарии воскликнул: «Вот доказательство светлости монашеских подвигов и действия Божией благодати». Начинался трудный путь духовной борьбы...

Через год монах Серафим стал священником, отцом Серафимом. По окончании академии в 1910 году его оставляют преподавателем семинарии, а через четыре года возводят в сан архимандрита и поручают управлять Чудовым монастырём. Этот монастырь, располагавшийся в Московском Кремле, был свидетелем многих радостных и печальных событий истории России. Основанный в середине XIV века митрополитом Алексием, он горел и разорялся поляками в Смутное Время, не пощадила его наполеоновская армия.

Последний удар история нанесла по Чудову монастырю, да и не только по нему, в 1917 году. В Кремль съезжаются участники Поместного собора, на котором предстоит выбрать, впервые после двухвекового перерыва, нового Патриарха — а сама Русь, словно сорвавшись с узды, мчится к духовной бездне. В начале ноября начался штурм Кремля большевистскими отрядами. Солдаты намеренно стреляли в кресты, лики святых. В этой обстановке 4 (17 по н.ст.) декабря, в праздник Введения во храм Богородицы, в Успенском соборе состоялась интронизация Патриарха Тихона. А в октябре 1918-го Чудов был закрыт. Монахи навсегда покинули древнюю обитель.

Отец Серафим творил в уединении молитвенный подвиг, пока его не вызвал к себе Патриарх, чтобы взять в помощники. И 3 января 1920 года Серафим Звездинский был посвящен во епископы города Дмитрова, относившегося к Московской епархии. Так он стал викарием, т.е. заместителем Патриарха как правящего архиерея. После посвящения, во время праздничного обеда, митрополит Сергей (Страгородский), взяв свою столовую ложку, заметил: «Советую, Владыко, запастись ложкой. Придётся идти в тюрьму, а там этот предмет очень нужен».

Дмитровцы горячо полюбили своего пастыря за проповеднический дар, молитвенность, любовь к каждому духовному чаду, верному или заблудшему.

*Епископ Серафим (Звездинский)
в ссылке. Ишим, 1936 (?).*

Многие люди, давно забывшие Бога и Его заповеди, вновь обратились ко Христу после искреннего слова владыки. Служил епископ Серафим поочередно в разных храмах города, их было много, — и всегда туда устремлялись верующие, желая попасть на трогательную и вдохновенную службу. А потом они большой толпой, с пением молитв провожали его до дому. Всего три года привелось ему служить в Дмитрове, но память о нём жива в этом городе до сих пор. Сам владыка не уставал повторять в письмах из разных мест ссылки: «Помню вас всех, в сердце моём ношу вас...»

В конце 1922 года исполнились слова митрополита Сергея. Начались гонения на духовенство. Владыка Серафим оказался в заточении — сначала на Лубянке, потом в Бутырской, Таганской тюрьмах. Страдая от многих болезней, он никогда не забывал своего пастырского долга. Делился с сокамерниками продуктами, что посылали духовные дети, утешал их и возвращал ко Христу; сам же ходил в рваном подряснике. В мае 1923 года владыка был сослан в Зырянский край. В дороге рядом с ним оказался епископ Ковровский Афанасий (Сахаров), который встретил день своих именин на этапе, в арестантском вагоне.

Здание ишимской тюрьмы в наши дни. 2002. Фото автора.

В эти годы бурно развивается движение обновленчества, провозглашавшее своей целью реформирование церковных уставов, упрощение службы, отмену монашества и прочие далёкие от духа христианства деяния. Подлинной же целью этого движения, которое поддерживалось советской властью, было внести внутренний раскол в Русскую Церковь. Поначалу к нему примкнуло до трети священнослужителей, в том числе и митрополит Сергей (Страгородский); впрочем, он, как и многие другие, через некоторое время отошёл от обновленчества, принеся покаяние. Владыка Серафим внимательно следил из ссылки за происходящим в епархии, в письмах увещевая держаться дальше от незаконного движения, не поддаваться на провокацию безбожников.

В тихой и молитвенной жизни прошли два года в Зырянском крае. Затем — возвращение в Москву. Только что скончался Патриарх Тихон, и Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Крутицкий Пётр (Полянский) призвал епископа Серафима быть своим помощником. Но советскую власть не устраивал такой решительный сторонник православия, как митрополит Пётр. Вскоре он был арестован, а летом 1926 года и епископ Серафим был выслан из Московской области. Крестный путь продолжился...

29 июля 1927 года митрополит Сергей, когда-то предрекший Звездинскому тюрьму, а теперь ставший заместителем

Патриаршего Местоблюстителя, издал Декларацию о лояльности советской власти, обязывающую Русскую Церковь подчиниться правящему режиму. Большая часть верных иерархов, включая сосланного митрополита Петра, не поддержала эту декларацию, считая её соглашательством с безбожной властью и превышением полномочий митрополита Сергея. Владыка Серафим оказался в их числе и, считая своим законным начальником только Петра Крутицкого, подал прошение об увольнении.

Но оно означало лишь неучастие в делах церковного управления, ничуть не освобождая от христианского долга. Владыка уехал в Дивеевский монастырь, основанный Серафимом Саровским. А после его закрытия в 1929 году поселился в городе Меленки Владимирской области, где почти пять лет провёл в затворе, в молитве и наставлении своих духовных детей. Очень любил птиц, кормил их с руки, и они сопровождали его даже в прогулках по саду во дворе домика, где жил владыка.

В начале тридцатых поднялась новая волна репрессий. В апреле 1932 года последовал четвёртый арест Дмитровского епископа. Приговор — три года ссылки в Казахстан. Тяжелейшая дорога, жара вызывали сердечные приступы. Сначала Алма-Ата, потом Гурьев, Уральск, везде по нескольку месяцев, и всякий раз — тяжелейшие переезды. От голодной смерти спасала только поддержка верных дмитровцев. В Уральске, когда владыка

почти умирал от малярии, по настоянию врача подали прошение о переводе в местность с лучшим климатом. В январские крещенские морозы 1935 года неожиданно пришёл ответ — направление в Омск. Там получили последнее распоряжение: в Ишим. 3 февраля 1935 года страдальцы — епископ Серафим и его добровольные спутницы, духовные дочери Анна и Клавдия — прибыли в наш город.

Ишим того времени — тихий провинциальный районный центр с невысокими деревянными домиками и тенистыми садиками во дворах. Уклад жизни ещё во многом патриархальный. Но ветер времени вихрем пронёсся и здесь, разметав в клочья бывшее стремление к благочестию. Взамен крестных ходов с иконами и хоругвями — демонстрации с портретами вождей... Здесь, в городе с «лучшим климатом» скитальцев тоже поначалу ожидала бесприютность. Но вскоре нашёлся добрый старичок Александр Павлович, у которого изгнанники сняли квартиру в две комнаты на втором этаже дома № 84 по улице Республики (ныне улица Ленина). Ишим был уже давним местом ссылки, и местные жители привыкли принимать у себя «лишних» для советской власти людей.

Прежде всего в комнате владыки устроили небольшую домашнюю церковь, как это делали в каждом новом пристанище. Над треугольным столиком для совершения литургии — иконы страждущего Христа в терновом венце и «Умиление» Пресвятой Богородицы. Распорядок дня — такой же, как и прежде: рано утром — молитва, потом — Божественная литургия, после — чай, отдых, чтение Священного Писания, всенощная служба, небольшой ужин и вечерние молитвы. После этого владыка затворялся в своей комнатке для уединённой молитвы и чтения, в которых пребывал до утра. И так — каждый день. Особо усердными были молитвы перед большим образом святого Иоанна Тобольского, покровителя нашего края. Верилось, что он всё устроит по воле Божией.

Дом, где жил епископ Серафим, не сохранился. Теперь на этом месте (между улицами Большой Садовой и Карасульской) — гаражи и котельная. Но его примерный вид известен по рисункам послушницы (будущей схимонахини) Анны, сделанным в 1935 году. Первый рисунок, изображающий дом, называется «Владыка возвращается домой». А откуда

Образ священномученика
Серафима Дмитровского.
Конец XX в.

он возвращается — ясно из второго рисунка: «Владыка идёт отмечаться в учреждение». Как ссыльный, Серафим Дмитровский обязан был периодически регистрироваться в местном отделении НКВД. На рисунке легко узнаётся ишимский пейзаж: здания почты и милиции, между ними, вдалеке — белоснежная Никольская церковь.

Не поддерживавшая обновленцев часть местного духовенства уважала ссыльного епископа. Но владыка с ними практически не общался, возможно, не желая их компрометировать. Тогда в городе уже были закрыты Богоявленский собор и Троицкая церковь, но в Никольской и Покровской ещё совершались службы. Настоятель последней, протоиерей Константин Протопопов посылал на праздники освящённый хлеб. Владыка благодарил, но в храмы не заходил, пребывая в оппозиции к правящему

*“Владыка идет отмечаться в учреждение”.
Рисунок Анны Патрикеевой (в монашестве Иоанны), келейницы епископа Серафима. Ишим, 1935. Архив ПСТБИ.*

*“Владыка возвращается домой”.
Рисунок Анны Патрикоевой (в монашестве Иоанны), келейницы епископа Серафима. Ишим, 1935. Архив ПСТБИ.*

Епископ Афанасий (Сахаров).
Ишим, 1943. Фото Т.П.Курочкина.
Из архива епископа Евтихия
(Курочкина).

митрополиту Сергию, которого не мог поминать во время службы в качестве Патриаршего местоблюстителя, каковым он был провозглашён.

Общению с посторонними владыка предпочитал молитвенное уединение; часто уходил в ближайший лес — и летом, и зимой. Предчувствуя скорую кончину (он даже совершил себе отпевание), готовился принять схиму — высшую степень монашества. Порою из Подмоскovie приезжали духовные чада, благо, что Ишим стоял на железной дороге. Иногда спутницы епископа брали в местной библиотеке исторические сочинения и русскую классику. Однажды взяли новое издание Пушкина, но владыка приказал вернуть, увидев там богохульное стихотворение. В Ишиме же послушница Анна заболела тропической малярией. Врач, осмотрев ее, грустно покачал головой: смертельная форма болезни. Три дня лежала в жару и без сознания. Владыка ее причастил — и температура быстро снизилась, после чего дело пошло на поправку.

Срок ссылки епископа Серафима заканчивался в мае 1935 года. Однако, получив 8 декабря паспорт, он решил остаться в Ишиме. Проживание в «режимных» городах было запрещено; к тому же не было ни сил, ни средств на переезд куда-либо. Тем временем

наступил страшный тридцать седьмой. Из Москвы поступали тревожные вести: идут массовые аресты священнослужителей. Еще по осени хозяина квартиры вызвали в НКВД и обязали сообщить, если заметит приготовления постояльца к отъезду. Ни владыке, ни его дочерям шагу нельзя было ступить без присмотра со стороны неких лиц. Старичок-хозяин рассказал, что в милиции у него спрашивали, лучше ли других питается бывший ссыльный архиерей. Тот ответил: больше полугодом пост, а мяса он и вовсе не ест как монах, на такую трапезу ни один рабочий не согласится. Пришлось «следователям» придумывать другой повод для обвинения.

Наступил июнь. В Духов день, отслужив литургию, владыка погрузился в чтение Священного Писания. Вдруг подозвал к себе Анну: «Дивные слова открылись мне у Соломона: Премудрость вечна, премудрость сотворила человека, человек рождается с плачем, плач через все житие его... Это гимн премудрости, надо его заучить...» 23 июня, в день памяти покровителя Сибири Иоанна Тобольского епископ Серафим совершил литургию. Как обычно, подал Анне с жертвенника свечу — но не горящую, а потушенную. После чая вышел в садик; вернувшись, пропел «вечная память». А ночью, когда владыка опраивал лампаду перед образом Спасителя в терновом венце, в дверь к нему тревожно постучала Клавдия: «Идут из НКВД...» Начался обыск. Перевернули все вещи, но священных сосудов не коснулись. Владыке сказали: «Вы поедете с нами». Анна хотела кричать, но её грозно предупредили: «Если не замолчите сами — заставим». В пять часов утра вызвали конную повозку и увезли епископа с собою — в ишимскую тюрьму.

Теперь здание тюрьмы — обычный с виду двухэтажный оштукатуренный жилой дом. Как предполагается, в начале XX века здесь, на тогдашней далёкой окраине находилась мельница. Но недолго работала она на благо горожан. Грянула революция, и победителям понадобились мельницы иного рода: жернова хлебные сменились жерновами человеческих жизней. Тюрьма была пересыльной, всего в семь камер, в которых содержались не более месяца. Восьмое помещение на первом этаже — для охраны. Засыпанный ныне подвал, как рассказывают, помнит массовые расстрелы. Мужское отделение находилось в этом, тогда мрачном краснокирпичном здании, с восточной стороны которого было пристроено деревянное здание

женского отделения. Над небольшими оконцами (расширены в 1953 году, после закрытия тюрьмы) — специальные «фартуки», чтобы оградить заключённых от внешнего мира. Территорию окружал высокий деревянный забор, опутанный по верху колючей проволокой.

Удивительно, но от тех далёких лет до нас донёсся живой голос свидетеля. Надежда Игнатьевна Черных, которой в то время было 32 года, работала по совместительству фельдшером в «арестном доме». В начале 90-х она вспоминала, как придя однажды утром на работу, застала необычное оживление. Охранники говорили: привезли «владыку мира», «высочайшего по религии». Высочайший духом, но страждущий телом просил медицинской помощи — сильно болела печень. К сердечным приступам добавилось кишечное заболевание с высокой температурой.

На самом деле, охранникам было от чего придти в оживление. Постепенно поднималась новая волна «большого террора». Вместе с епископом Звездинским в ту ночь арестовали 15 священнослужителей. Среди них были сторонники патриарха Тихона и обновленцы, настоятели ишимских церквей и ссыльные, расстриги и те, кто не отказался от духовного звания. Вероятно, начальник Ишимского райотдела НКВД, младший лейтенант госбезопасности Бараусов готовил громкий процесс. Но владыка Серафим, несмотря на сильнейшие приступы боли, отрицал свою виновность по статье УК 58, пункты 10, 11 — в принадлежности к «контрреволюционной организации Истинно Православная Церковь» и не называл ни одной фамилии.

28 июля верные дочери Анна и Клавдия принесли очередную передачу. Во дворе тюрьмы — переключка; заключённые, в том числе все арестованные священнослужители, стоят рядами, готовясь к отправке на станцию. Немошного владыку посадили с вещами на повозку: «Прощайте, мои дорогие, больше не увидимся». — «Владыченька, мы с Вами поедem в Омск. Мы Вас не оставим...» В товарных вагонах, куда загнали заключённых — жарко, в воздухе — духота, как перед грозой. Воды давать не разрешают. Плач, рёв родственников. А когда поезд тронулся, владыка трижды перекрестил и по-архиерейски обеими руками осенил своих дочерей. «Никто из наших попов не перекрестился, — рассудили жители Ишима, — а епископ Серафим сам перекрестился трижды и всех нас благословил».

Тимофей Порфирьевич Курочкин. Ишим, 1940-е. Из архива епископа Евтихия (Курочкина).

Ишим был последней остановкой на крестном пути владыки; Омск стал последним пристанищем. Громкого процесса не получилось: заработал массовый конвейер репрессий. Без суда, решением «тройки» Омского управления НКВД 23 августа 1937 года все 15 человек были приговорены к расстрелу (послушникам сообщили: десять лет лагерей). Приговор исполнен 26 августа. Вина епископа Серафима оговаривалась особо — «в Ишиме среди верующих слыл за святого человека»...

Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский

«На епархиальном служении — 33 месяца. В изгнании — 76 месяцев. В узах и горьких работах — 254 месяца...» Так писал в своей краткой автобиографии в 1954 году второй герой нашего рассказа. Он родился 2 июля 1887 года в семье чиновника Григория Сахарова. Родители были людьми очень благочестивыми; отец первенца и единственного сына не раз говорил, отдавая последнее на помощь нуждавшимся: «Теперь я помогаю людям, а когда у Серёжи будет нужда, найдутся те, которые помогут ему». Как часто впоследствии Сергей, будучи

Дом Курочкиных, где тайно служил епископ Афанасий. 2002. Фото автора.

уже епископом Афанасием, убеждался в правоте этих слов! Все двадцать два года, проведённые им «в узах и горьких работах», находились добрые люди, не оставлявшие его своим участием.

Но это будет впереди. А пока — не исполнилось малютке и двух лет, как скончался отец. Мать, Матрона Андреевна, вся посвятила себя воспитанию сына. Он рос любящим и чутким человеком, с охотой ходил в храм и с ранних лет готовил себя к служению Богу. И сама мать хотела видеть сына монахом. Сергей Сахаров успешно закончил Шуйское духовное училище, затем — Владимирскую духовную семинарию. Особой радостью стала учёба в Московской духовной академии, находившейся в Троице-Сергиевой лавре. Лавра была основана преподобным Сергием Радонежским, и Сергей очень дорожил возможностью жить под покровом своего глубоко чтимого небесного покровителя. Академия, управлявшаяся преосвященным Феодором (Поздеевским), переживала пору расцвета. Будущий владыка с готовностью впитывал в себя духовные науки. Но особенно любил он литургику, науку о богослужении. С окончанием Академии в 1912 году Сергей Сахаров принял монашеский постриг с именем Афанасий. После получения священнического сана он был направлен преподавателем в Полтаву, а через год назначен в

родную ему Владимирскую семинарию, где пользовался большой любовью учеников.

В конце 1917 года был созван Всероссийский Поместный Собор. Одна из его задач, помимо выборов Патриарха — восстановление праздника Всем святым, в земле Русской просиявшим. Во времена реформ Никона этот праздник был отменён как не имеющий греческого аналога; пропал даже текст службы. Иеромонах Афанасий, уже известный как большой знаток и любитель церковного Устава, стал одним из главных авторов-составителей новой службы вместе с историком-востоковедом, профессором Борисом Александровичем Тураевым. И по сию пору в день празднования Русских святых Православная Церковь воспекает их в том числе и устами святителя Афанасия. Он же разработал идею иконы, которая была написана только в 1934 году Марией Николаевной Соколовой (в монашестве — Иулиания). В восстановлении утраченного праздника можно увидеть молитвенное призывание небесного воинства русских святых перед тяжелейшим испытанием в истории Русской Церкви.

Трудный и исповеднический путь ожидал молодого иеромонаха. 27 июня 1921 года он был хиротонисан во Владимире во епископа Ковровского, викария Владимирской епархии. Как

Дом N 10 по улице Тупиковской (ныне Герцена), где жил епископ Афанасий в Ишиме. 2002. Фото автора.

терновый венец, возложенный некогда на Христа перед Его казнью, принял Афанасий архиерейскую митру. Впереди — тяжелейшие годы: большевистский террор, изъятие церковных ценностей, движение обновленчества... В первый раз владыка был арестован в марте 1922 года и освобождён на следующий день. Затем последовала ещё череда арестов-освобождений. Но он не шёл на соглашение с властью, а когда правящий митрополит Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский) уклонился в обновленчество, принял на себя управление епархией и борьбу с церковным расколом. В наказание был сослан в Зырянский край. В дороге туда произошла, как уже говорилось ранее, их первая и последняя непосредственная встреча с епископом Серафимом (Звездинским).

Вернувшись из ссылки, владыка Афанасий участвовал в похоронах Святейшего Патриарха Тихона. А потом, как и владыка Серафим, вошёл в подчинение митрополиту Петру Крутицкому. Но приближались страшные и лукавые времена. В январе 1927 года последовал новый арест. Афанасий Сахаров оказался в Лубянской тюрьме, в одной камере со своим бывшим начальником митрополитом Сергием. Тот уже раскаялся в участии

в обновленческом движении и был арестован в должности заместителя местоблюстителя Патриарха. Ему инкриминировали создание контрреволюционной организации, по делу о которой проходил и Ковровский владыка. Митрополит уверял, что не пойдёт ни на какие компромиссы с большевиками. Но вышло так, что епископ Афанасий отправился в Соловецкие лагеря, а митрополит Сергей — на своё прежнее место, откуда вскоре призвал Русскую Церковь соединиться с безбожной властью.

А владыка продолжил свой крестный путь по тюрьмам и лагерям. Едва не погибнув на Соловках от тифа, он полубольным был отправлен по этапу за тысячи вёрст — в Туруханский край, и только в 1933 году, через шесть лет, вернулся в родной Владимир. От сотрудничества с митрополитом Сергием он решительно отказался и в результате был уволен на покой. Владыка поселился вблизи города Петушки, где занялся написанием труда «О поминовении усопших», посвящённом памяти горячо любимой матери.

Но даже самая незаметная жизнь не могла спасти от преследований. В апреле 1936 года епископ был вновь арестован. Формальное обвинение нелепейшее — связь с Ватиканом и украинскими

Епископ Афанасий (Сахаров).
Поселок Петушки. 1958.
Из архива епископа Евтихия
(Курочкина).

белогвардейцами. На самом деле — отказ присоединиться к официально разрешённой церковной иерархии. И снова тюрьмы и лагеря: Беломорско-Балтийские и Онежские. Смерть — то от болезни, то от пули охранника — постоянно ходила рядом, но чудом владыка остался в живых. Уже будучи, по собственному признанию, «доходягой», в июле 1942 года был освобождён с запретом проживать во Владимире. По совету заключённых из Омской области избрал её как место для высылки и был направлен в Голышмановский район. Здесь он работал ночным сторожем в совхозе, а зимой стал регулярно ездить с поручениями от ветеринарного пункта в Ишим. Наконец, в январе 1943-го по разрешению областного УНКВД он был переведён в наш город.

Жизнь здесь стала для епископа Афанасия утешительным отдыхом перед грядущими новыми испытаниями. Приют себе он нашёл на окраине, на станции Ишим, в доме N 10 по улице Тупикинской (ныне улица Герцена).

Домик этот сохранился, но вид его уже не такой, как прежде: ушёл под землю нижний полуподвальный этаж, в котором обитал ссыльный епископ. Хозяева — Николай Васильевич Сосунов и его жена Фекла Андреевна — радушно приняли постояльца. Владыка писал своим духовным чадам: *«Хозяева мои старички очень хорошие. Старушка целый день хлопочет о еде... Вообще — благодарение Господу, — нынешнее обилие покрывает с избытком прошлогоднюю скудость»*.

Владыке Афанасию было категорически запрещено совершать церковные службы. Но его душа жаждала Божественной Литургии, и она совершалась тайно, в условиях строжайшей конспирации. Служил он в нескольких местах, у надёжных людей. Одним из таких мест был дом Курочкиных на углу улиц Почтовой и Ленина (нынешний адрес — Рокоссовского, 41 / Малая Садовая, 134), который на некоторое время становился малой церковью. Дом этот также стоит по сию пору, и в нём долгие годы сохранялся снимок, сделанный одним из обитателей, Тимофеем Порфирьевичем Курочкиным. Рясу, в которой запечатлён владыка, сшили из военного сукна сёстры фотографа — Александра и Феофила. Христианская сострадательность Курочкиных не позволила оставить в беде страждущего ссыльного архиерея. (Заметим в скобках далеко не случайный факт: сыновья Тимофея Порфирьевича тоже избрали путь иерейского служения; старший, Михаил, возглавляет приход в Тюмени, а младший, Иван, теперь — епископ Евтихий, под началом которого находится Ишимско-Сибирская епархия Русской Православной Церкви Заграницей.)

На дворе был 1943-й — год, когда началось послабление в отношении Православной Церкви. Стали открываться понемногу храмы, монастыри, зашла речь о выборах Патриарха... В Ишиме к тому времени не было ни одного действующего прихода. Теперь же верующие начали ходатайствовать об открытии хотя бы одного храма. Возглавить будущий приход предложили ссыльному владыке Афанасию — до тех пор, пока не будет назначен священник. Владыка посомневался — ему так хотелось вновь заняться богословским трудом, и он уже выписал себе необходимые книги — но принципиальное согласие дал. Сомнения же были связаны с вопросом: признавать или нет правящего митрополита Сергея главой Русской Церкви. В ожидании открытия храма многие ишимцы обращались к епископу

с просьбой помолиться о них или своих родных, совершить требы. Их пожертвования очень помогали владыке выжить в трудное время.

Об этом свидетельствуют иносказательные замечания в его письмах, отправленных из Ишима: *«Сын + Матроны Андреевны пока работает понемногу на дому, это его весьма поддерживает. Поговаривают об открытии мастерской, и его приглашают. Он дал согласие, но сам не уверен. Впрочем, дело затягивается».* Или, ещё более выразительно: *«Кум пишет, что он попал в такое место, где на большое расстояние в округе нет медицинского пункта. Местные жители, узнав, что он немного знаком с медициной, стали к нему обращаться, а он не считал себя вправе отказывать в помощи больным. Теперь там хлопочут об открытии медицинского пункта, а он предполагает не оставлять без помощи жителей до тех пор, пока не будет прислан специальный врач».*

Но тучи уже вновь сгустились. Неожиданно приехал некий старичок из Владимира. Владыка отнёсся к земляку с полным доверием, не подозревая, что тот был провокатором. Письменные предупреждения близких перехватывались на почте. Наконец, 7 ноября 1943 года, в празднование очередной годовщины Октябрьского переворота, последовал арест. Обвинение (с которым владыка решительно не соглашался) — организация контрреволюционной группы «Истинно Православная Церковь», проведение «нелегальных молений» на дому, антисоветская агитация, пораженческие настроения. Всё та же статья 58, пункты 10 и 11. Впереди были опять долгие годы тюрем и лагерей.

Закончился ишимский период жизни владыки, но здесь у него остались верные духовные чада. Ишимцы не забывали святителя Афанасия и в сибирских лагерях. С ним поддерживала переписку Александра Порфирьевна, она же вместе с Еленой Семёновной Денисовой и Анной Павловной Сваловой (они жили неподалёку от Курочкиных, на улице Болотной, ныне Энгельса) посылала продуктовые посылки. Их имена неоднократно упоминает владыка в своих письмах; Ишим он также называл в 1951 году как одно из возможных мест жительства после освобождения. Посылками же владыка, как и в прежние годы, щедро делился с заключёнными, завоёвывая своей христианской любовью уважение самых застарелых уголовников. Все годы гонений он не переставал

**Священномученик Серафим
Дмитровский (крайний слева) и
священноисповедник Афанасий
Ковровский (крайний справа).
Фрагмент иконы Новомученикам
и Исповедникам Российским, от
безбожной власти пострадавшим.
2000.**

выполнять архиерейский долг: совершал уставные службы даже на тюремных нарах, проговаривая мысленно, по памяти, слова молитв. Даже пост он умудрялся соблюдать во всей строгости и решительно не позволял остричь себе волосы как лицу духовного звания.

Лишь через четыре года после окончания последнего срока, в 1955-м, епископ Афанасий обрёл долгожданную свободу. Во Владимирскую область, на попечение любящих его преданных друзей он вернулся инвалидом, совершенно немощным телом — но по-прежнему бодрым духом. Он признал правомочность избранного в 1945 году нового Патриарха Алексия и стремился поработать на ниве церковно-лiturгической работы. Но в храмах он застал полнейшее небрежение к Уставу службы, чем был очень огорчён. Его трудами по исправлению богослужебной практики в соответствии с Уставом мало кто интересовался. Зато последние годы владыки были озарены светом яркой любви к ближним. К нему сотнями шли за советом, и никто не уходил неободрённым. Годы страданий не утасили его духа, не заставили возроптать на судьбу. Особенно он ценил своё монашество, считая его наиболее спасительным для души. Владыка тихо скончался 28 октября 1962 года. На похороны во Владимире собралось множество людей, помнящих и любящих своего многострадального пастыря.

Судьбы владыки Серафима и владыки Афанасия были, конечно, разными в частностях и подробностях. Но их объединяло принятое ими страдание за веру, за Христа, несокрушимость монашеских обетов служения Богу. А наш город стал краткой остановкой на их крестном пути, местом молитвенного отдохновения и утешения. И это предназначение было с честью исполнено. Никто из ишимцев не выдал скитальцев, не донёс на них; с благословением покидали они Ишим, уходя не по своей воле навстречу новым испытаниям во спасение души своей и тех, кого Господь вверил им как пастырям человеческим. Первым на соборе Русской Православной Церкви Заграницей 19 октября (1 ноября по н.ст.) 1981 года в лике святых Новомучеников и Исповедников Российских, от безбожной власти пострадавших, был прославлен Серафим Дмитровский. А 1-3 (13-16 по н.ст.) августа 2000 года деяниями Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (Московская Патриархия) было определено прославление как Серафима Дмитровского, так и Афанасия Ковровского. И теперь мы можем быть уверены, что и у нашего города на небесах, пред Престолом

Всевышнего, есть два молитвенных заступника — священномученик Серафим и священноисповедник Афанасий.

Примечания:

1. Афанасий (Сахаров), епископ. О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви. — СПб.: Сатисъ, 1995. — 240 с.

2. Все вы в сердце моём: Жизнеописание и духовное наследие священномученика Серафима, епископа Дмитровского / Сост., предисл. И.Г.Менькова. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2001. — 608 с.: ил. — (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви).

3. Гольдберг Р.С. Жизнь и смерть Серафима Звездинского, епископа // Книга расстрелянных. В 2-х тт. Т. 1 / Сост. Р.С.Гольдберг. — Тюмень: Тюменский курьер, 1999. — С. 484-491.

4. Житие епископа Серафима (Звездинского). Письма и проповеди. — Париж: ИМКА-Пресс, 1991. — 202 с.: ил.

5. Молитва всех вас спасёт: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост., предисл. и примеч. О.В.Косик. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2000. — 710 с.: ил. — (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви).

6. Молю о тех, кого Ты дал мне...: Владыка Серафим (Звездинский) в воспоминаниях духовной дочери, схимонахини Иоанны (Анны Сергеевны Патрикеевой). — М.: Даниловский благовестник, 1999. — 208 с.: ил.

Н.А. ПРОСКУРЯКОВА

Конструктор Николай Васильевич Никитин

И по сей день Останкинская телебашня — самое высокое сооружение в Европе, а до 1975 года — в мире. Выше Останкинской всего лишь на несколько метров канадская башня К.Н. Тауэр. Создателем этого уникального сооружения, напоминающего цветок лилии, перевернутый вниз крепкими лепестками и прочным стеблем, является Николай Васильевич Никитин. Мало кто знает, что детство великого русского инженера и конструктора прошло в сибирских городах Тобольске и Ишиме. Родился он 15 декабря 1907 года в доме бабушки, Анны Петровны Никитиной, в городе Тобольске на улице Ивановской, 33 (ныне Грабовского, 39) в семье Василия Васильевича и Ольги Николаевны Никитиных. Через четыре года родители с двумя детьми, первенцем Колей, названным в честь деда, и дочерью Валентиной, родившейся в 1909 году, переехали в надежде на лучшую жизнь в Ишим. И там по сходной цене во флигеле купца Василия Назаровича Перминова сняли две комнаты с кухней. Отец семейства занялся судебной практикой, а Ольга Николаевна решила открыть свою

фотографию, тем более, что у нее уже был опыт работы ретушером. В юности она была первой помощницей у своего отца Николая Бороздина, фотографа читинской городской газеты.

Ранней весной стали приходить по почте разные фотопринадлежности и рисованные декорации, которые родители благословили Ольге Николаевне. «Материальное положение было у нас совершенно благополучное, — писала впоследствии своему племяннику, сыну Николая Васильевича, Валентина Савельева (Никитина), — у папы до революции — частная адвокатура. Мама открыла свою фотографию. Она была очень способным человеком и дела шли успешно»¹.

И хотя фотография Никитиной была не единственной в городе и едва ли могла составить конкуренцию уже существующим салонам Н.Лузьянова, П.Жилина, И.Федорова и П.Сухих, желающих сфотографироваться, особенно в дни многолюдной Никольской ярмарки, было предостаточно. Посещение фотосалона для ишимских обывателей было таким же развлечением, как и

электротheater «Иллюзион», где «крутили» комедии «Баба курит» и «Оживший манекен», а также цирк с заезжими гастролерами, вроде некоего господина Тун-фу.

Летом 1915 года Ольга Николаевна повела сына в первый класс приходского училища. Учительница грамматики Софья Петровна* устроила Коле экзамен. Он бегом начал читать Псалтирь, выкрикивая слова, начинающиеся с заглавной буквы. Ранней весной 1917 года Николай Никитин принес домой свидетельство с отличием об окончании приходского училища. Перед ним открылись двери в мужскую гимназию. Николай Васильевич вспоминал, что на экзамен он пришел раньше всех, его пригласили первым и предложили выбрать любую интересную для него тему. Стал рассказывать о гепарде и на комиссию произвел хорошее впечатление, директор торжественно объявил, что его приняли. Вся семья ликовала, бабушка из Читы выслала форму и ранец из негнущейся кожи, особенно поразившей новоиспеченного гимназиста, Коля не снимал его даже за обедом, уверяя всех, что к ранцу надо привыкнуть. Вскоре, чтобы разместить фотосалон, семья переехала во флигель купца Ивана Андреевича Волкова на Базарной площади, где были сняты четыре комнаты с кухней. Фотография, по всей вероятности, существовала до конца 1918 года, так как в ежедневной газете «Ишимский край» за октябрь 1918 года можно видеть объявление: «Куплю керосин дорого. Фотография О.Никитиной». Но вот пришли тревожные времена. По ночам гремели выстрелы, горожане старались не выходить на улицу и рано закрывать ставни домов. По окрестным селам осели тысячи беженцев. Газета «Телеграммы Сибирского телеграфного агентства» призывала граждан спасти Россию и жертвовать вещи «дорогим борцам за бывшее величие нашей Родины», а также разыграть в лотерею кровного жеребца по кличке «Алмаз» в пользу питательного пункта для раненых воинов.

Перед Пасхой гимназисты учредили сбор денег в фонд Белой армии. По городу поползли слухи о зверствах вооруженных красноармейцев, которые осенью 1919

*Гимназист Николай Никитин
с сестрой Валентиной.
Ишим, 1917.*

года были на подходе к городу. Не только купцы, но и многие жители Ишима спешно уезжали, оставляя накопленное годами имущество. Никитины покинули Ишим и переехали в Ново-Николаевск (ныне Новосибирск). Семье пришлось долго скитаться по чужим углам, жить в промерзшем подвале, об открытии фотографии не могло быть и речи. Чтобы выжить, пришлось научиться новому делу — варить патоку, которая была в большой цене.

С этим городом будут связаны трагические события в семье Никитиных. В августе 1924 года в таежном поселке Тула, недалеко от Новосибирска, собирая лесную смородину, Николай босой ногой наступил на голову гадюки, от укуса потерял сознание, до декабря провел время в больнице, отвергая уговоры врачей ампутировать ногу, выписался на

* В ишимском архиве хранится личное дело первой учительницы Н.В.Никитина Софьи Петровны Овчинкиной. После окончания женской прогимназии она работала более десяти лет сельской учительницей. В 1912 году вернулась в Ишим и была учителем грамматики и арифметики в приходском училище № 2 на Старосенной площади. В заявлении, адресованном в отдел народного образования ишимского ревкома от 12 ноября 1919 года, Софья Петровна, как заведующая начальным приходским училищем, просит вставить разбитые стекла, поправить печи, приобрести запас дров, закупить учебники и тетради.

Н.В.Никитин со строителями Новосибирского вокзала. 1932.

костылях. Через полгода научился ходить с еле заметной хромотой. Через сорок лет от нервного перенапряжения за судьбу Останкинской телебашни на месте старых рубцов откроется трофическая язва на стопе, которая будет катастрофически увеличиваться. За год до окончания стройки правую ногу ампутируют. «Сделали мне новый протез лучше старого, но ходить больно, только до машины, да из машины до стона, - писал Николай Васильевич сестре Валентине в Новосибирск. — Устаю к вечеру и придя со службы уже не работаю. Встаю рано в 6 часов и тут часика полтора-два кое-что сделаю интересного. На работе сплошные заседания, бумаги, отчеты, программы, телефонные разговоры, отзывы на чужие работы»².

Очень редко рассказывал Никитин еще об одном трагическом случае своей жизни, произошедшем в годы Великой Отечественной войны. Январской ночью 1942 года к дому подошла машина, в дверь постучали двое с понатыми, после спешного обыска отца арестовали, а через год семья узнала, что Василий Васильевич скончался в лагере от кровоизлияния в мозг. Из архивного управления ФСБ по Новосибирской области мы получили уникальные документы, фотографии. Узнали о том, что В.В. Никитин был необоснованно обвинен в проведении «антисоветской агитации». В протоколе

допроса от 24 января 1942 года, который провел сержант госбезопасности в 13 часов 05 минут, сообщается следующее:

«Вопрос: Вы арестованы за активную антисоветскую деятельность? Признаете себя виновным?»

Ответ: Виновным себя в совершении каких-либо активных действий против Советской власти не признаю, зла своей родине я не желаю. В поражении нашей красной армии в войне с Германией я предвижу только плохое. Но, как проживший 60 лет, я не рисую текущие события в розовых красках и прибывших у нас неудачах на фронте я в разговорах с кем-либо, сейчас точно не помню, высказывал опасения о невыгодном исходе войны...

Вопрос: Я спрашиваю не ваше мнение о происходящих событиях, а предлагаю Вам рассказывать об антисоветской деятельности, проводимой Вами!

Ответ: У меня фактов антисоветской деятельности нет.

Допрос прерван в 14 часов 10 минут»³. Этого было достаточно, чтобы приговором Особого совещания при НКВД от 19 августа 1942 года осудить по ст.58-10 ч. УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 8 сентября 1942 года. Место захоронения осталось неизвестным. Заключение Прокуратуры Новосибирской области от 12 июля 1989 года на основании ст.1 Указа Президиума

**Ольга Николаевна и
Василий Васильевич Никитины.
Новосибирск. 1936.
Публикуется впервые.**

Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-х — 40-х и начале 50-х годов», - реабилитирован.

Трудная жизнь сделала Николая не по годам взрослым и самостоятельным. «Он учился, выделяясь из всей группы, - писала Валентина Савельева (Никитина), - когда держал экзамен в институт, то было одно место на Новосибирскую область, из большого количества претендентов, оно досталось ему»⁴.

Николай Васильевич закончил Сибирский технологический институт им. Ф.Э.Дзержинского в Томске. Он учился на инженерно-строительном факультете по архитектурной специальности. Впоследствии участвовал и в самом невиданном для нашей страны проекте — строительстве в конце 30-х годов первого советского небоскреба — Дворца Советов с гигантской статуей вождя. Начало войны остановило стройку, а в 1942 году из котлована достали стальные плиты фундамента для сталинградских танков. Из-за хромоты путь на фронт Никитину был заказан. В начале 1949 года заболела Ольга Николаевна. «Стало трудно глотать, что-то с пищеводом, - с горечью и чувством вины вспоминал Николай Васильевич, не сумевший в этот момент быть рядом с матерью, - в Новосибирске ничего сделать не могли и направили маму в Томск. В конце мая ей сделали операцию, Валя была с мамой, получил от нее телеграмму о том, что состояние хорошее, врачи довольны. Мама пробыла в Томске весь июнь, а 1 июля Валя привезла ее в Новосибирск. Везли лежа. Через полсуток, ночью 2 июля 1949 года мама умерла. Сестра Валя

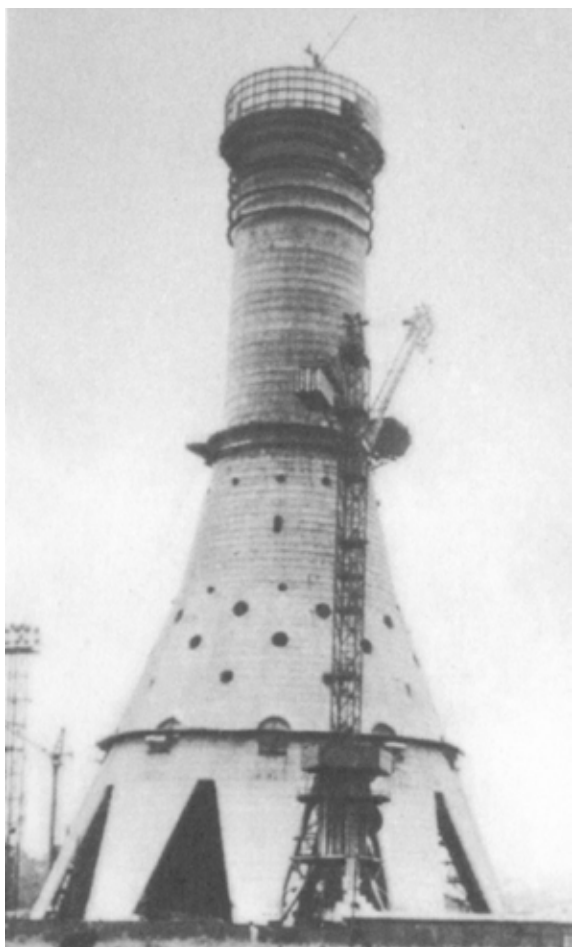

**Василий Васильевич Никитин.
Новосибирск. 1942.
Фото из следственного дела.
Публикуется впервые.**

была совершенно измучена, а Никитин сидел в Москве»⁵.

Он не смог выбраться в Новосибирск из-за большой и срочной работы. В конце сороковых и начале пятидесятых годов в нашей стране появились первые высотные здания. Случилось так, что одним из немногих специалистов, владеющих методикой высотного строительства, оказался Николай Никитин. Он — один из авторов проектных решений зданий МГУ, Дворца культуры и здания Посольства СССР в Варшаве, Центрального стадиона им. Ленина в Москве, первого сейсмоустойчивого высотного здания в Ташкенте, монумента «Родина-мать зовет» на Мамаевом кургане в Волгограде. Но главным делом его жизни стало строительство Останкинской телебашни (1960 — 1967). Много необычного и рискованного произошло на этой удивительной стройке, более ста изобретений были запатентованы как выдающиеся. Это было сооружение высшей категории сложности. Почти на два года стройка останавливалась, созданная комиссия сомневалась в надежности фундамента. И только в апреле 1964 года строительство возобновилось. Никитину удалось доказать, что фундаментом башни выступает ее низшая, наземная часть — «шлем». «Я не хвастун и не честолюбец, но, ей-богу, - хорошо при жизни увидеть такую постройку, - говорил Никитин, уверяя москвичей, что гарантийный срок башни не менее 300 лет»⁶.

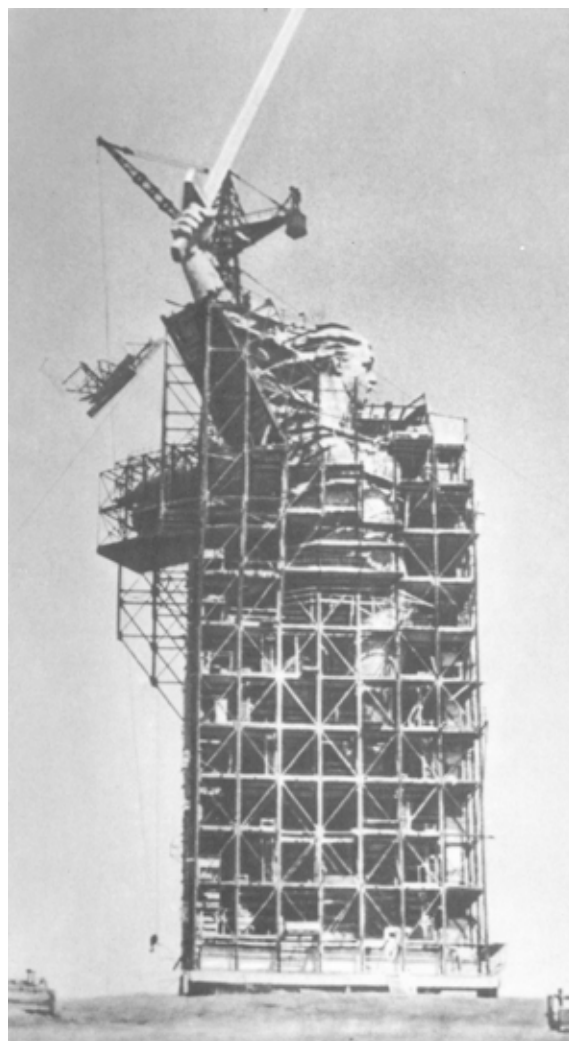
В эти трудные для конструктора дни семья не была ему поддержкой, его жена — Екатерина Михайловна, регулярно лечилась в больнице «от нервов». В письме к сестре Николай Васильевич сообщал: «Катю увезли в больницу в нервно-психиатрическое отделение. Говорят на 2-3

*Останкинская телебашня
на отметке 385 метров.*

месяца. Последние 2,5 месяца она лежала в больнице (Кремлевская), отобрали заколки, расческу, спички, деньги. Палата на 8 человек. Говорит, «все психи». Одна лежит и смотрит в потолок весь день. Другая поет. Обратиться к психиатру решили по обоюдному согласию. Ей тоже надоело это состояние. Много слез»⁷.

И сын Николка был очень болезненным мальчиком. «Мы мало путешествовали, разве что в Крым, на Кавказ и на дачу. Все эти поездки предпринимались из-за меня, у меня был очень сильный нейродермит, - вспоминал Николай Николаевич Никитин, - первая наша поездка состоялась в Пятигорск для того, чтобы я мог принять сероводородные и грязевые ванны»⁸. Но сын Никитина был не из тех, «на ком природа отдыхала». В письме в Новосибирск Николай Васильевич писал: «Мальчик получается хороший. Учится на «4» и «5». Очень увлекается физикой. Много читает»⁹. С серебряной медалью Коля закончит школу Ландау, энергетический институт, защитит кандидатскую. Будет работать над докторской, но в сорокалетнем возрасте

*Монумент «Родина-мать»
в монтажных лесах. 1966.*

умрет от рака, проболев неполных два месяца. Причиной смерти, по всей вероятности, могло оказаться облучение, которое он получил еще в 1963 году во время аварии в Курчатовском институте, когда, играя с мальчишками на улице, попал под радиоактивное облако.

В семейном архиве Никитиных хранятся несколько пожелтевших листочков, отпечатанных на пишущей машинке. Это воспоминания Николая об отце, любившем чтение: «Первая книга, которую он читал мне, была «Остров сокровищ» Стивенсона, затем Жюль Верн и «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова. Папа охотно читал фантастику и выписывал журналы «Знание — сила», «Техника — молодежи», а для меня еще «Юный техник». Любимые писатели папы — Достоевский и Пушкин. Ухаживая за мамой, читал ей вслух «Барышню-крестьянку», мама впоследствии шутила: «Хуже ничего не мог придумать»¹⁰. В

настоящее время в Москве живет сноха Никитина — Наталия Евгеньевна с сыном Игорем, внуком Николая Васильевича, который пишет музыку и рисует.

Николай Васильевич являлся членом-корреспондентом Академии архитектуры и строительства, имел множество наград — орден Красного Знамени, орден «Знак Почета», польский орден «Серебряный крест», в 1951 году получил Государственную, в 1970 — Ленинскую премии, имел звание «Заслуженный строитель России». Никитин всегда держался подальше от политики, не вступив даже в партию. «Всю жизнь старался я сделать что-нибудь интересное, новое, радовался своим успехам. Работал в двух-трех местах, читал лекции, консультировал, чтобы заработать достаточно денег. От этой необходимости я избавился уже года четыре тому назад, а сейчас и вовсе. Но вот от привычки радоваться своей успешной работе избавиться не могу. А радоваться нечего. Все, что я не изобрету, принимается как должное и от меня даже ждут гораздо больше, чем я могу дать. Кроме того на меня легла и большая ответственность. Я никогда не боялся ее. Трудно привыкнуть обыкновенному человеку к высокому положению. Вкусно в нем я не нахожу», — писал Николай Васильевич сестре¹¹. Умер он в 1973 году от рака крови в возрасте 65 лет, похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

К 95-летию со дня рождения Никитина в краеведческом музее города Ишима открылась небольшая выставка с редкими фотографиями, рисунками и расчетами «Дамь», как он с присущим ему чувством юмора называл скульптуру «Родина-мать» на Мамаевом кургане. Но не просто оказалось найти в Ишиме место для мемориальной доски. Все здания, связанные с именем великого конструктора, не сохранились до сегодняшнего дня. Еще в 1929 году сгорело здание мужской гимназии, находившееся на территории современного горпарка. Весной 1949 года та же участь постигла и приходское училище N 2 (в советское время здесь располагалась школа N 3). Одноэтажное здание, окруженное огромным яблоневым садом, сгорело почти мгновенно из-за неисправности печного отопления и беспомощности пожарных, черпавших воду из близлежащей лужи. И, наконец, флигель купца Перминова, двухэтажный деревянный дом в центре города, снесли в 1985 году.

Н.В.Никитин. 1970-е.

Примечания.

1. Письмо В.В. Савельевой (Никитиной) из Новосибирска Н.Н. Никитину в Москву от 25.08.1982. — Архив Н.Е. Никитиной (Москва).
2. Письмо Н.В.Никитина из Москвы В.В. Савельевой (Никитиной) в Новосибирск от 19.12.1969. — Архив Н.Е. Никитиной.
3. Архив управления ФСБ Новосибирской области. Д.16458. Протокол допроса В.В. Никитина в НовГубЧК от 24 января 1942 г.
4. Письмо В.Н. Савельевой (Никитиной) из Новосибирска Н.Н. Никитину в Москву от 25.08.1982.
5. Мемуары Н.В.Никитина (рукопись). — Архив Н.Е. Никитиной.
6. Сорокин И. Покорение высоты. — М., 1983, с.174.
7. Письмо Н.В. Никитина из Москвы В.В. Савельевой (Никитиной) в Новосибирск от 23.01.1969.
8. Мемуары Н.В.Никитина.
9. Письмо Н.В. Никитина из Москвы В.В. Савельевой (Никитиной) в Новосибирск от 4.02.1962.
10. Мемуары Н.Н.Никитина (рукопись). — Архив Н.Е.Никитиной.
11. Письмо Н.В. Никитина из Москвы В.В. Савельевой (Никитиной) в Новосибирск от 27.11.60.

Краевед Федор Пашков

1 января 1955 года Федор Пашков прибыл в Москву. Десять дней жил в гостинице и ходил, ходил, искал работу. Находил, но не было жилья. И, наконец, прочитал объявление, что Московскому финансовому институту требуется кладовщик. Подумал: “Если это институт, то должно быть и общежитие”. И точно! Сначала работал кладовщиком, потом в общежитии электромонтером. Поступил в этот же институт. Окончил его, а вместе с ним и работу в 1962 году. В своей автобиографии он пишет: “По окончании института работал в Московском областном совнархозе бухгалтером. После расформирования совнархозов перешел в только что образованное Министерство машиностроения для легкой и пищевой промышленности экономистом, а в 1975 году в Министерстве легкой промышленности РСФСР стал заместителем главного бухгалтера Росшвейпрома. Затем год проработал главным бухгалтером этого управления. В 1981 году переведен в Министерство финансов СССР главным контролером-ревизором Контрольно-ревизионного управления, где трудился до ухода на пенсию в 1988 году”. Ушел Федор Максимович на заслуженный отдых в звании ветерана трудового фронта. Кроме медали ветерана есть у него еще одна награда - медаль “За освоение целинных земель”.

“Мне пришлось побывать в четырнадцати странах”, - пошутил как-то Федор Максимович, имея в виду союзные республики, куда он приезжал для проверки министерств финансов. В свободные от работы часы, купив карту республики и план ее столицы, изучал их, посещал музеи, исторические места, все интересные объекты. Теперь пенсионеру нужно было привыкать к “оседлой жизни”. Но Пашков из числа людей, не умеющих жить без дела. К тому же у него уже было увлечение.

Поселившись в столице, он начал изучать историю Москвы. Побывал во многих музеях, на выставках, покупал книги, планы Москвы разных лет, начиная со времени Петра I. Интересовался историей отдельных зданий, усадеб, монастырей, церквей и

даже кладбищ, как ныне существующих, так и тех, от которых остались лишь отдельные фрагменты. Но однажды подумал: “Почему бы мне не изучить историю родного города?” К тому же однополчанин Анатолий Сырьев, если что найдется, просил посылать ему. Это было еще в 1990 году. Купил третий том полного собрания русских летописей. Об Ишиме ничего не нашел. С этого тома и “завелся”. Как это об Ишиме ничего нет?! Прочитал в Большой Советской Энциклопедии о том, что раньше город Ишим назывался Коркиной слободой. Как узнать о преобразовании слободы в город? Может, “Ишимская правда” что-нибудь пишет об истории города? Друг Сырьев выслал кое-что, но этого было мало. И Федор Максимович занялся историей Ишима “вплотную”. К тому времени он уже знал, что в Москве есть Архив Древних Актов. Но как попасть туда? Ведь в него, думал он, вход только ученым. И все же рискнул. Позвонил из бюро пропусков в читальный зал архива и спросил, нельзя ли поработать хотя бы дня два. Ответили: “Пожалуйста, сейчас закажем пропуск”. Так он “внедрился” в Архив Древних Актов и вместо двух дней

проработал там десять лет. Ходил туда, как на работу, иногда каждый день.

Спросил у работников читального зала, с чего начать поиски информации о родном городе Ишиме. Ему вручили толстенную папку с наименованиями всех фондов архива, с их порядковыми номерами и еще сказали, что лучше всего материалы искать в фонде N 214 “Сибирский приказ” или в книге Оглоблина, выпущенной еще в XIX веке, где даны все книги “Сибирского приказа”. Он выписал все, что считал заслуживающим внимания, анализируя фонды в течение нескольких лет. Потом занялся фондом N 248 “Сенат и его учреждения”, где также нашел немало интересного.

Наиболее значительным был документ, в котором приказчик Ф. Чаплин отчитывался об израсходованных средствах. Он ценен не содержанием, а первым упоминанием о Коркиной слободе. А также “Партфели Миллера”, в которых дается полное описание Коркиной слободы за 1741 год и дата ее основания - 1687 год.

Одновременно с Архивом Древних Актов Пашков посещал и Государственный Архив Российской Федерации, ранее называвшийся Архивом Октябрьской Революции. В нем нашел материалы о декабристах Одоевском и Штейнгеле, отбывавших ссылку в нашем городе, о ссыльных Мачтете, Гурвиче и других и документы времен гражданской войны. Посетил также Архив литературы и искусства, где обнаружил материалы о писателе Чехове, побывавшем в нашем городе. В военном архиве нашлось много документов о гражданской войне и восстании крестьян в 1921 году.

Информацию о городе Ишиме азартный краевед искал и в библиотеках. Сначала по каталогам выписывал названия книг, статей, начинающихся со слов “Ишим”. Затем расширил круг поисков и стал читать книги о Тобольске, Тобольской губернии, о Сибири. И всегда находил что-нибудь о своем городе. Особенно обширный материал об Ишиме выписал из газеты “Тобольские губернские ведомости” и журнала “Тобольские епархиальные ведомости”. Много дала библиография трудов, использованных при написании кандидатской и докторской диссертаций нашим земляком профессором Колесниковым.

Федору Максимовичу удалось разыскать многих известных в нашей стране людей, родившихся или проживавших ранее в Ишиме. С некоторыми из них он встретился лично или познакомился с их родственниками. Собран материал о Н.В. Никитине, конструкторе и строителе знаменитой Останкинской телебашни. Его уже не было в живых. Умер и его сын. Так что встретились только с вдовой сына, которая передала для музея некоторые документы о Н.В. Никитине и принадлежавшие ему предметы. Большую помощь оказала и вдова писателя И.Сорокина, написавшего книгу о Никитине “Покорение высоты”. Она подарила краеведу эту книгу, несколько документов и много фотографий. Не раз Федор Максимович встречался с детским писателем В.В. Медведевым, который передал для ишимского музея некоторые свои книги. Через Олимпийский комитет разыскал место жительства и номер телефона знаменитого спортсмена, неоднократного олимпийского чемпиона и чемпиона мира по спортивной гимнастике нашего земляка Бориса Шахлина. Не раз встречался с Антониной Владимировной Комаровской, дочерью репрессированного советскими властями и сосланного в 1925 году в Ишим графа Комаровского, которая передала музею письма отца ишимского периода. Через журнал “Искусство кино” познакомился с Р.П. Шейко, вдовой известного кинокритика В.Н. Ишимова, отец которого Н.И. Гурвич, родом из Ишима, был одним из основателей коммунистической партии США. В честь родного города Николай Исакович взял псевдоним Ишимов. Р. Шейко подарила ишимскому музею фотографии из своего архива. Беседовал и с земляком, председателем Высшего Арбитражного суда Российской Федерации В.Ф. Яковлевым. Он послал в музей свою автобиографию, один из кодексов законов с предисловием, написанным им, и фотографии.

Интересные краеведческие материалы один за другим направлялись в “Ишимскую правду” и становились настоящим украшением страницы “Собор”. Неоценимую помощь оказал Федор Максимович краеведческому музею. Завязалась переписка, установилась связь по телефону. И, наконец, живущий в столице ишимец приехал на свою малую родину. Поднялся на колокольню

собора, побывал в железнодорожном училище, посетил все заветные уголки, прошел по знакомым, но невероятно изменившимся улицам. Съездил в Голдобино, деревню, в которой родился. Нахлынули воспоминания. Грустные. Ведь детство было трудным. Рассказал друзьям о нелегкой своей судьбе.

- Помню, как отец носил меня на руках по двору. Потом помню его уже больным септической ангиной. Отец сидел на крыльце, и у него из носа и рта шла кровь. Вскоре он умер. Мать потрясла смерть отца. Она не перенесла этого и заболела сама. Ее взяли в больницу, а вместе с ней и меня. Я даже не знаю, чем я болел, и не помню, что чувствовал какую-либо боль. С матерью мы лежали в больнице на одних деревянных нарах, заменявших кровать. Позже детей отделили от взрослых. Мать умерла без меня.

Я и младший брат остались с дедом и старшей двоюродной сестрой. Бабушка умерла еще раньше. В 1934 году зимой нас с братом и еще несколько сирот из села Голдобино отвезли в Ишимский детский дом. Как же мне не хотелось оставаться в детском доме! И я ревел, заливаясь слезами, и просил тех, кто нас привез, чтобы меня не оставляли, а забрали обратно к дедушке. Не помогло. Правда, обещали, что за мной потом приедут. И я целыми днями сидел у окна, смотрел на заснеженную улицу, на проезжающие мимо подводы, и гадал, какая же подвода из нашей деревни сейчас свернет во двор и заберут меня обратно домой. Постепенно я привык к своему детдому.

Находился он тогда в конце улицы Ленинградской. Кормили не очень-то сытно. При этом на мне, как и на других малышах, были надеты платья, так как "мужской" одежды на всех не хватало. С отменой карточной системы жить стало лучше. Питание было сытным, одежда нормальной. Я совсем привык к беззаботной, веселой жизни в детском доме и перестал думать о деревне и о родном доме. Нас с братом ежегодно посещали или дед, или старшая сестра. И когда в 1937 году перед руководством детского дома встал вопрос, как его разгрузить, выбор пал и на меня. У меня были родственники. Меня и отправили к ним в деревню на содержание колхоза. Воспитательница отвезла меня и еще

одного паренька из нашей деревни на вокзал, вручила нам по кульку пряников, посадила в вагон. Доехали до сорок первого разъезда, сошли с поезда и пешком в Голдобино. Парень был старше меня и знал дорогу.

И вот я вновь в родительском доме, с дедом. Сестра к тому времени обзавелась семьей и жила отдельно. Однако жизнь под родным кровом резко отличалась от детдомовской. Если в детском доме я жил на всем готовом, то в деревне все приходилось делать самому или помогать деду. Если там у меня была отдельная кровать с простынями и одеялом, то дома я спал с дедом, когда тепло - на полу, постелив какую-нибудь одежду и укрывшись другой, а зимой на русской печи. Я не мог долго терпеть эти условия и запросился обратно в детский дом.

И я вернулся туда. Напросился в попутчики к колхозникам, ехавшим в Ишим. Они довезли меня до детского дома, но никому не сдавали. Я сам объявился и в первый же обед сел с ребятами за стол. Нянечки и воспитательницы с удивлением смотрели на меня. Но из-за стола не выгнали. Я очень боялся заведующей: если она увидит - сразу же выгонит. Однажды приехала сестра. Возможно, ее вызвали. И меня с ней отправили в деревню. Больше попыток вернуться в детдом я не делал. Колхоз кормил и одевал меня: выдавали продукты и материал на одежду. Зимой учился. Летом помогал колхозу на различных работах. Закончил начальную школу. В деревне предполагалось открыть семилетку. Нашли помещение, завезли оборудование, и мы, будущие пятиклассники, с радостью заглядывая в окна на новые парты, думали, что куда не надо уезжать учиться. Но началась война, и наши надежды рухнули.

Я хорошо помню начало войны. Школьники в этот день у речки "драли дуб", то есть снимали кору с ветвей тальника, идущую в дубильное производство. Подъехал председатель колхоза. Сказал, что началась война. Велел заканчивать работу и собираться на митинг. Начались долгие, тяжелые дни военной поры. Я продолжил все же учебу, но удалось закончить только пятый класс. Учился в семилетней школе в деревне Сычевой. Жил у тетки, у которой своих было трое детей. Мужа ее репрессировали. Можно представить,

как ей трудно было содержать четверых. Правда, я каждый выходной ходил домой. А это километров пятнадцать. Уходил в субботу, а возвращался в понедельник. Приносил картошки, муки. С мешком за спиною шел прямо в школу. Успевал только к третьему уроку. В шестой класс уже не пошел. Стал работать в колхозе. Зимой ребятишки возили с поля на быках солому. Летом на сенокосе тоже на быках - сено. Позже я стал работать прицепщиком на тракторе. Сидишь позади тракториста, и когда трактор заканчивает очередную борозду, на повороте дергаешь за веревку, и лемеха плуга поднимаются. А когда поворот заканчивается, снова дергаешь за веревку, и лемеха врезаются в землю. Работал и на сеялке. Заполнишь ее подвезенным зерном - трактор трогается, а ты ходишь по настилу сзади сеялки и следишь, чтобы зерно непрерывно сыпалось в направляющие желоба. Осенью, когда поспевал хлеб, работал на комбайне, управлял, тоже с помощью веревки, соломокопнителем. Некоторое время возил воду в тракторную бригаду. Пас колхозных телят, а потом коров. Было мне тогда 13-14 лет.

Как часто в нашу жизнь вмешивается случай и иногда так, что круто меняет ее. В один из сентябрьских дней 1943 года я оказался в одну и ту же минуту в одном и том же месте, где проходили по Голдобиной двое знакомых ребят из сычевской школы. Спросил, куда они идут. Ответили, что в Ишим, поступать в железнодорожное училище. И я пошел с ними, оставив свой дом на сестру. Дед к этому времени уже умер, а в нашем доме жила пожилая чета, эвакуированная из Ленинграда. Так я оказался учащимся Ишимского железнодорожного училища N 2. Хотел стать помощником машиниста, но та группа была уже укомплектована, и я попал в группу слесарей.

Сначала подростки учились работать с металлом: рубить зубилом, пилить ножовкой, обтачивать напильником. Потом стали мастерить незамысловатые поделки. Позже - более сложные вещи: отвертки, кронциркули, молотки, плоскогубцы. И уже выполняли спецзаказ - делали инструменты для фронта. Получали, хотя и небольшую, зарплату. Жили приезжие в общежитии, одноэтажном деревянном бараке, который располагался от училища по

другую сторону линии, недалеко от переезда (теперь пешеходного моста). В общежитии было всего две комнаты: одна большая, человек на пятнадцать, другая поменьше. Печки топили сами. Однажды чуть не погибли от угара. Хорошо, что вовремя утром пришла воспитательница.

Запомнилась Федору Максимовичу команда "Стой!" мастера Громова, перекрывавшая шум, стук молотков, визг напильников. Это значит - конец работе. Сейчас все пойдут обедать. А это так приятно! Ведь тогда, в годы войны, "жэдэушникам" весь день хотелось есть. Ходили в столовую, которая находилась на улице Карла Маркса, сразу за клубом имени Ильича, в подвале здания, в котором была школа ФЗО. Шли строем под командой помощника мастера. Возвращались с обеда, а навстречу другая группа шла. И завидовали им: вот идут обедать - счастливы. Пообедали, а все равно есть хочется. Любили дежурить на кухне. Тут уж наешься до отвала. Дежурили по общежитию и охраняли территорию училища, днем и ночью. Давали им и "оружие" - деревянную болванку, на вид - винтовку. И одна девочка с этой болванкой задержала вора, залезшего в вещевой склад. Свободное время проводили по-разному. Ходили в кино в клуб имени Ильича. Летними вечерами толпились в саду клуба, возле танцплощадки, танцевать никто не умел. Была в училище и самодеятельность, были свои таланты. В общежитии организовывал досуг воспитатель. Училище Федор Пашков окончил в 1945 году с похвальной грамотой. В награду ему дали путевку в Ишимский дом отдыха. Направили Федора не паровозы ремонтировать, а слесарем на электростанцию станции Ишим. Проработал слесарем-электриком до 1947 года, потом его направили на курсы машинистов паровых турбин в Курган. По окончании курсов он работал сначала машинистом на локомотиве, а затем, когда на станции смонтировали паровую турбину, машинистом этой турбины. В то время гудки оповещали ишимцев, что пора вставать и идти на работу. И ему нравилось давать такой гудок в семь часов утра в течение нескольких минут непрерывно и думать: "Это я, Пашков, бужу всех железнодорожников, а может быть, и жителей всего Ишима".

В 1949 году Федор шестой класс вечерней школы закончить не успел. Весной был призван на службу в Советскую Армию. Всю службу проходил в Берлине, в том числе два года сверхсрочно. Служилось легко, интересно. Жизнь в армии состояла, в основном, в несении патрульно-постовой службы. Патрулировали железнодорожную станцию Фридрихштрассе, где проходила граница между советским и английским секторами Берлина. В первые послевоенные годы советским гражданам, работавшим в Берлине, запрещалось ходить и ездить по городу. Но находились нарушители этого запрета, особенно женщины, любительницы побегать по магазинам. В центре Берлина выходили из электрички на станции Фридрихштрассе. Здесь-то их и задерживали, выделяя среди немецкого населения по одежде, манерам и разговору. Пока электричка стояла, солдаты проходили по нескольким вагонам и смотрели, не едет ли кто-нибудь из советских граждан в английский сектор.

Постовая служба состояла из охраны самой комендатуры и различных складов. Но особенно почетным был пост у памятника воинам, погибшим при штурме рейхстага и похороненным здесь же в братской могиле. Солдаты стояли у памятника по одному в течение часа по стойке “смирно” с заряженным автоматом на груди. На площади перед памятником всегда было многолюдно. Народ смотрел на воинов, а им было лестно представлять здесь великую страну, победившую фашизм.

Одновременно с несением патрульно-постовой службы Федор Пашков был писарем при штабе военной комендатуры. Он, при своих незаконченных шести классах, из солдат оказался самым грамотным. У остальных было три-четыре класса. Вскоре он научился печатать на машинке. Был и запевалой своего взвода. Ростом выше других солдат, ходил в строю в первом ряду. Берлин в годы его службы не был еще восстановлен. Довелось побывать на развалинах рейхстага. Возили солдат на экскурсию к величественному памятнику в Трептов-парке. Пашков, несмотря на занятость, самостоятельно подготовился, сдал экзамены и поступил в девятый класс. Окончил десять классов и демобилизовался в ноябре 1954 года.

Сейчас Федор Максимович на заслуженном отдыхе. По-прежнему ездит в архивы. Два часа туда, два обратно. Листает страницы старинных рукописей, анализирует документы, ищет заветное слово “Ишим”. Находки приносят ни с чем не сравнимое ощущение. Так радуется, наверно, геолог, нашедший редкий минерал, археолог, увидевший следы древней цивилизации. Что это? Хобби? Нет, говорят краеведы, особое состояние души. Щедро делится исследователь с ишимскими краеведами. Стоит изложить просьбу в письме или позвонить - Федор Максимович найдет нужную дату, уточнит фамилию, подробно опишет то или иное событие. Его материалами полным-полна краеведческая страница “Собор” в “Ишимской правде”, его статьи напечатаны в альманахе “Коркина слобода” и сборнике “Ишим далекий близкий”. Недавно он составил в четырех экземплярах и выслал в администрацию Ишима, в краеведческий музей и педагогический институт сборник “Коркина слобода - город Ишим”. Это большие толстые тетради, содержащие копии документов, найденных в центральных архивах Москвы, выписки из газет, журналов, книг. В сборнике 180 дел “возрастом” с середины XVIII века до 1920 года. Материалы, отпечатанные Федором Максимовичем на машинке, касаются не только Ишима, но и уезда (округа, дистрикта), то есть дают информацию о населенных пунктах не только Ишимского, но и соседних районов. Документы располагаются, как это принято в архивах: номер и название фонда, год, номер описи, дела, листа. Этим облегчается работа исследователей, которые, воспользовавшись сборником, “пойдут по следам Пашкова”. Текст большинства документов приводится на языке того времени, о котором они повествуют. Рядом - комментарии автора сборника. Позаботившись о читателях, Федор Максимович дал список сокращений, принятых в его сборнике, составил подробные географический, предметный и фамильный указатели, привел данные из старинной метрической системы. Титанический труд! Завершен итог более чем десятилетней интереснейшей работы опытного, азартного, бескорыстного исследователя. Но не написана последняя строка. Поиск продолжается.

Музей провинциальный

Н.Н. СКАРЕДНОВА

Гольшмановский краеведческий музей

Идея создания Гольшмановского музея возникла в начале 60-х гг. и принадлежала заслуженному учителю школы РСФСР Михаилу Ефимовичу Грамматчикову. Желание устроить в своей школе музей появилось у него после поездки на педагогические чтения в Красноярск. Коллеги-педагоги поддержали эту идею. Учителя труда Сергей Степанович Ануфриев и Борис Оттович Сухов с энтузиазмом взялись за новое дело. В дальнейшем к работе подключились Анатолий Николаевич Герасимов — зав. школьными мастерскими, и Александр Игнатьевич Леонович — таксидермист-любитель.

«Первые экспонаты музея мы собирали в деревнях района на школьной машине. Нас интересовали предметы быта крестьян. Люди узнали о работе музея и стали приносить кто что мог. Все собранное хранили в здании школьной мастерской», — вспоминает А.Н. Герасимов. За короткий срок — в течение одного года — удалось собрать около тысячи предметов, представляющих музейный интерес. Появилась необходимость в их изучении, систематизации и экспонировании, т.е. в открытии музея.

Ходатайство администрации школы о выделении здания для музея увенчалось успехом. Решением райисполкома N 250 от 24 октября 1963 г. был создан комитет по решению этого вопроса. А тем временем в школе шла напряженная работа: в мастерских изготавливали витрины, стеллажи, рамки; учителя изобразительного искусства оформляли текстовые материалы, разрабатывались планы размещения экспонатов.

Наконец, 4 декабря 1963 года состоялось открытие краеведческого музея. Он начал свое существование на общественных началах и занимал одну из комнат в Доме

пионеров. Около двух тысяч музейных предметов были расщедоточены по отделам: палеонтология, животный и растительный мир, дореволюционный период, советское строительство, замечательные люди Гольшмановской земли. Возглавил музей С.С. Ануфриев.

Так появился наш районный краеведческий музей. И никто тогда не знал, каким трудным и тернистым окажется жизненный путь этого «младенца», рожденного стараниями удивительных, бескорыстных, влюбленных в свое дело людей, которых мы называли основателями музея.

Музейная жизнь была ключом. Активную поисковую работу развернули юные краеведы, расширился круг добровольных помощников музея, фонды пополняются все новыми и новыми экспонатами. Это клады монет и знаки военной доблести русских солдат XIX — XX веков, предметы крестьянского быта и изделия мастеров-ремесленников, чучела птиц и зверей, многочисленные документы и фотоматериалы по истории партии и комсомола, установлению Советской власти в нашем крае. Уникальной находкой той поры был «набор» знаков отличия разных чинов волостного правления и их печати. По оценке специалистов Свердловского областного краеведческого музея, «медальоны представляют большой исторический интерес».

Уже в 1966 г. был поставлен вопрос о строительстве отдельного помещения для музея. В правильности его не сомневался никто, а вот решение затянулось на долгие ... 30 лет.

Так случилось, что здание, которое строилось именно под музей — а в это строительство активисты вложили много сил и времени — было передано под Дом пионеров. Произошло это в

1972 г. Музею в этом здании достались лишь две небольшие комнаты. У людей опустились руки. Распался совет музея, умер С.С. Ануфриев. И все прежние усилия казались напрасными. Не сдался лишь Б.О. Сухов, который в 1972 г. становится директором музея. Оставшись практически один, он продолжает сбор материалов по краеведению. И вот она, заслуженная награда! 13 мая 1984 г. общественному музею поселка Голышманово присвоено почетное звание — Народный. Свидетельство под N 149 за подписью заместителя министра культуры А.И. Шкурко заняло свое законное почетное место.

Усилиями Бориса Оттовича и его сподвижников-энтузиастов написаны многие страницы истории Голышмановского района. Он ушел из жизни в 1990-м году, оставив своим землякам богатое музейное наследие.

В начале 90-х в музей пришли новые люди — молодой директор Светлана Анатольевна Журавлева и через год — ее помощник Надежда Николаевна Бетехтина. Светлана Анатольевна вспоминает: «Работать в помещении музея было практически невозможно. Две комнатки были буквально забиты

экспонатами и напоминали скорее склад, чем музей. Мы не могли показать все, что имели. А желающих побывать в музее было много. Зимой стоял невыносимый холод. Закрывали окна одеялами, пленкой, чтобы не дуло».

Как-то сразу определилась тема, над которой музей начал работать, — «Культура и быт сибирского села». Не последнюю роль в выборе сыграли вышеназванные причины. Мы без сожаления покидали наш «очаг культуры» и отправлялись в поездки по деревням и селам района. Казалось, наша работа в музее стала одной большой экспедицией.

Выявили центры гончарного производства (с. Шулындино) и людей, еще хранивших секреты этого старейшего ремесла (И.А. Кожин и другие). В музее появились подаренная ими посуда и гончарный круг, изготовленный И.А. Кожиним. Хранителями традиций ковроткачества оказались жители сел Голышманово, Черемшанка, Ламенка, Ражево. С сожалением пришлось констатировать, что многие сибирские промыслы и ремесла ушли в прошлое или находятся на грани исчезновения. Родилась идея создания «Красной книги ремесел». В нее попали экипажный

и дегтярный промыслы, гончарное, печное и кузнечное дело. К счастью, мы встретились с людьми — носителями этих умений и навыков, и записали их воспоминания.

Во время многочисленных поездок и встреч были приятно удивлены богатством талантов сибирского села. Живет здесь старинная песня, принесенная самоходами двести лет назад, и рождается частушка как отражение дня сегодняшнего. Экспонатом музея стала заветная тетрадь Клавдии Павловны Плехановой. Она вспомнила и записала в нее около одной тысячи частушек, которые когда-то пела.

Узнали мы и народных умельцев — носителей самых разных видов декоративно-прикладного творчества. Выставить же их работы мы могли только в сельских клубах и в ... Тюмени. На областной выставке «Вышитая картина» (1996) участвовали пять наших мастериц. Работы З.Ф. Шишкиной и К.Е. Бетехтиной внесены в областной каталог. На выставки декоративно-прикладного творчества возили работы резчиков по дереву (А.А. Пулин, В.В. Копейкин, А. Бетехтин), кружевниц (Е.В. Шклярчук, К.Е. Бетехтина, П.И. Ильина), мастеров лозоплетения (В.А. Малышкин), ткачества (Н.А. Костенко) и др. В музее изобразительных искусств прошла персональная выставка художника А.М. Губановой.

Жизнь и творчество многих голышмановских умельцев стали отдельными сюжетами передачи Ольги Ломакиной «Деревенские этюды» (ТРК «Регион-Тюмень»).

Усилиями наших уважаемых предшественников в музее был собран богатейший материал по истории края. А вот вопрос заселения этих земель оставался белым пятном. Наша работа в Тобольском государственном архиве принесла свои положительные результаты: «Ревизские сказки» (переписи населения XVII — XIX вв. Тобольской губернии) позволили проследить процесс селообразования в рамках Голышмановского района. В 1698 г. возникла Усть-Ламенская слобода. Место для ее постройки было выбрано на высоком берегу реки Вагай при впадении в нее реки Гремячей. Строителем и слободчиком стал тобольский сын боярский Иван Бобровский. Усть-

Ламенская слобода выполняла роль укрепления, защищающего русские поселения от «немирных воинских людей».

В конце XVIII — первой половине XIX века активизируется процесс переселения крестьян из центральных русских губерний в Сибирь. Их влекли сюда плодородные земли, раздольные луга, пастбища. Именно в этот период (удалось проследить по годам) появилось на карте большинство сел и деревень нашего района.

В начале 90-х гг. музей начал ежемесячно выпускать свою страничку «Истоки» в местной газете. Из нее голышмановцы узнавали о наших маленьких открытиях, проблемах и удачах, т.е. о нашей большой и такой непростой работе. Главная беда по-прежнему заключалась в отсутствии здания. Признаться, часто возникало желание все бросить. И в этой ситуации «светлым пятном в конце тоннеля» виделась поддержка музея главой районной администрации Анатолием Владимировичем Малышкиным и его искреннее желание помочь нам.

Мы были бесконечно счастливы, когда появилось решение отдать нам второй этаж здания, которое было «заморожено» на уровне полутора этажей, и вроде бы нашлись люди, готовые завершить стройку. Мы по несколько раз в день приходили в это недостроенное здание, планировали, мечтали, разговаривали почему-то шепотом, словно боялись спугнуть ставшую уже почти реальной заветную мечту. А потом мы уходили в наш горе-музей, садились за бумаги. Здесь, в окружении ставших уже родными музейных вещей, рождались экспозиции наших будущих залов, выставок.

Как здорово, что нашей мечте суждено было сбыться!

19 декабря 1996 года состоялось открытие музея в новом здании. Второй этаж общей площадью 262 кв. м. стал законной территорией районного краеведческого музея.

Здесь мы развернули свои экспозиции. В холле, который стал историческим залом, оформили экспозицию «Наши села. Откуда они?» Здесь нашли отражение результаты многолетней работы в Тобольском архиве, а экспонатами стали находки наших предшественников. Лапти и чирки, макеты мельницы и

крестьянской избы, купеческие счеты и гири-разновесы, знаки отличия должностных лиц волостного правления, фонарь путейца дают представления о занятости поселян, управлении, о постройке железной дороги. Мы прослеживаем путь от самого старого села — Усть-Ламенская слобода (1698 г.) — до самого молодого — станции Голышманово (1911 — 1912 гг.).

Приятной неожиданностью для нас стало предложение ученых Кольского научного центра Российской Академии наук принять участие в реализации проекта «Сибирское село на грани веков: между прошлым и будущим». Объектом изучения станет одно из сел нашего района — село Шулындино. Мы приняли это предложение, а сколь удачным будет результат — покажет время.

Как только мы увидели наш будущий музей, безоговорочно приняли решение: в самой большой комнате будет Зал природы. Родилась идея диорамы «На лесной полянке». Пока художник Нина Мамонтова воплощала наши замыслы, мы объездили окрестности в поисках «экспонатов» для нашей полянки. Привезли целый ворох лесных коряг, пней, наростов грибов на березах и много всевозможных лесных «штучек», которые могли быть нам полезны. По поверхности подиума рассыпали несколько ведер предварительно окрашенных опилок для имитации поверхности земли, на них равномерно легли сотни листьев берез и осин, собранных учащимися, и ко всеобщей радости за одну ночь здесь выросли до десятка ядерных грибков — так здорово советом и делом помогла нам Галина Алексеевна Ярыгина, учитель рисования школы № 2. Владимир Яковлевич Усольцев специально съездил в рям, привез замечательные болотные кочки и несколько мешков пушистого мха. И таких добровольных, бескорыстных помощников, к счастью, у нас было много. А потом на полянку «прибыли» волк, медвежонок, ежик; на зеркальную гладь водоема «опустилась» утка. Труднее всего было с «доставкой» лося, этого «лесного великана».

Постепенно в интерьере «лесной полянки» и витринах разместились чучела более ста представителей фауны нашего края. Самые старые из них: волк, рысь, косуля, медведь, лось — дело

рук основателей музея С.С. Ануфриева и А.И. Леоновича. Остальные чучела изготовлены таксидермистом-любителем из д. Мокрушино В.М. Бездетковым.

Этот уголок музея особенно любим детьми, сюда приходят школьники на уроки природоведения, классные часы или просто посмотреть, не появилось ли здесь что-нибудь новенького. Юным посетителям музея нравится фотографироваться на фоне лесного пейзажа. С этого зала мы начинаем знакомство с музеем, и мало кто уходит от нас, отказав себе в удовольствии заглянуть сюда еще разок.

Самый «непостоянный» и многоликий — выставочный зал. В зависимости от развернутых здесь выставок, он становится картинной галереей и центром декоративно-прикладного творчества, пристанищем коллекционеров и фотосалоном, уголком интерьера торговой лавки и частью храма с его светлым убранством. Здесь голышмановцы познакомились с творчеством местных художников: А.М. Губановой, С.А. Лебедевой, Е. Корнильцева-Усольцева; коллекциями нумизмата А.И. Попова, работами народных мастеров, коллекциями из фондов музея. Да разве все перечтешь! Выставочный зал — место проведения устного журнала, сотрудники музея вместе с библиотекарями рассказывают об известных людях — наших земляках. Вот имена некоторых из них.

В 1941 году закончил среднюю школу и в годы Великой Отечественной войны возглавлял Голышмановский РК ВЛКСМ будущий писатель земли тюменской Константин Яковлевич Лагунов. В селе Гладилово родился солист Омского народного хора, заслуженный артист РСФСР Леонид Иванович Шароха. Со своим знаменитым коллективом он объездил полмира. Голос «соловья земли Сибирской» (как писали газеты 60-х — 70-х гг.) звучал под сводами лучших концертных залов Польши, Болгарии, Монголии, Японии, Англии, США. На голышмановской земле жил «огненный тракторист» Петр Егорович Дьяков. Это о нем пела вся страна «Прокати нас, Петруша, на тракторе».

Географию Тюменской области и Казахстана сегодняшние студенты и школьники изучают по учебникам,

написанным Владимиром Андреевичем Лезиным. Действительный член Российского Географического общества, профессор Тюменского государственного университета — наш земляк. Профессиональным писателем стала Алла Кузнецова из деревушки Кузнецово. Издано около десятка ее книг, объединивших повести, романы, рассказы. В конце 80-х гг. А. Кузнецова вернулась на свою малую родину и поселилась в родительском доме, а мы узнаем о ее творческих новинках со страниц местной газеты.

С большим успехом прошли последние выставки — персональная выставка вышитой картины «С нитью в руках и нежностью в сердце» К.Ф. Уленговой и мастерицы А.С. Сухиной «Волшебный мир игрушки». Капитолина Федоровна представила 98 работ, выполненных крестом нитками мулине, большинство из них — самые настоящие шедевры. Людмила Степановна поразила всех своей разносторонней фантазией. 78 сшитых ее руками игрушек «разбежались» по композициям: «У Лукоморья», «Серебряное копытце», «Стрекоза и муравей», «На севере дальнем» и др. Самая маленькая игрушка (1,5 см) — котенок Муренка, и самая большая (30 см) Русалочка. С особым удовольствием общались с игрушками — героями сказок и басен — дети.

А какие музейные гостиные проходят у нас! Последняя, в октябре 2002 года, была приурочена ко Дню пожилых людей и называлась «Сибирские роднички». Наши гости: вышивальщица ковров Т.М. Леонович и ее родственник, местный скульптор, художник, таксидермист и вообще мастер на все руки, А.И. Леонович, актер народного театра Ю.С. Кармацкий и сценарист А.П. Наточева, мастерица лоскутного шитья А.П. Синдеева и рукодельница Н.В. Рассохина, писательница А. Кузнецова и солистка ансамбля «Россияночка» Любовь Швецова, знаток русской кухни Г.А. Васильева и призер выставки цветов А. Сотникова, мастерица по плетению макраме Н.В. Мингалева и многократные победители выставок «Дары природы», любители-огородники Кашкаровы. Каждый из умельцев приготовил свою визитную карточку. Одни разместились на выставке, другие — на столе. Звучали театральные

диалоги, ласкала слух величая мелодия русской песни. А писательница Алла Кузнецова не стала рассказывать о своем творчестве, она просто взяла в руки гитару и исполнила песни собственного сочинения о мальчишках, воюющих в Чечне, о любви.

Память о наших земляках, защищавших Родину, Отечество, живет в Зале боевой и трудовой славы. Основное место здесь отведено событиям Великой Отечественной войны. Экспозиции «Все для фронта, все для Победы» и «Дорогами войны» рассказывают о самоотверженной жизни тружеников тыла и славном боевом пути гольшмановцев. Два года назад появились две новые выставки: «Афганистан болит в душе моей» и «Чечня в огне. Приказ нам дан» Личные вещи воинов разных поколений, документы и фотографии, боевые награды и письма домой, военные реликвии нашли здесь достойное место. Самые последние отголоски той далекой уже Великой Отечественной появились в Зале памяти совсем недавно. Это результаты работы поисковой группы «Кречет». Они восстановили имена без вести пропавших, а на самом деле героически погибших уже в первые месяцы войны в далеком Западно-Двинском районе Тверской области, наших земляков.

В Дни Памяти, которых, к сожалению, так много в нашем календаре, а также праздничные победные дни, сюда приходят воины, чтобы рассказать молодежи о самой мужской профессии — защитника Родины.

Есть еще в нашем музее совсем крошечный зал этнографии «Русская изба» и зал палеонтологии, в котором можно видеть останки ископаемых животных — рога бизона, череп шерстистого носорога, кости мамонта, до поры до времени покоившиеся в береговых отложениях реки Емец.

Нашлось в музее место и для чудес научно-технического прогресса! В одной из комнат, которую мы громко называли «Дороги голубого огня», показана жизнь местного запсибгазпромского подразделения.

При музее имеется и библиотечка краеведческой литературы, в которой собраны произведения наших земляков-писателей К. Лагунова, А. Кузнецовой, В. Косолапова, а также научные труды В. Лезина. В сборниках документов «Малая

родина» и «За советы без коммунистов» нашли отражение некоторые страницы истории Голышмановского района.

У музея обширная просветительская и воспитательная деятельность: тематические и обзорные экскурсии, уроки, мероприятия, встречи, викторины формируют духовный мир детей. И мы с удовлетворением замечаем, что после урока природоведения в зале природы на деревьях в палисадниках появляются кормушки для птиц, изготовленные по

нашим рисункам, а во время встречи с воинами-интернационалистами в Зале памяти мальчишки-девятиклассники сидят не шелохнувшись и у девчонок на глазах блестят слезы. Мы убеждаемся, что наш музей востребован, он необходим подрастающему поколению. И мы стучимся в детские сердца и души, учим видеть и ценить красоту, любить тот уголок на земле, который зовется малой родиной.

Журналы и газеты лет минувших

Страницы «Тобольских губернских ведомостей» 1858 год

Село Боровое

Село Боровое находится в 16 верстах от уездного своего города Ишима на восток и расположено на Иркутском тракте по речке Карасулю, впадающей в реку Ишим.

Местность села Борового, в древния времена, была одна из самых обитаемых. Это утверждает множество земляных курганов, разбросанных по возвышенностям при берегах рек и озер. Курганы — памятники обитания человечества в здешней местности представляют взору археологов только одне небольшие ямы, образовавшиеся, конечно, от бывшей внутренней пустоты их. Число этих ям или провалищ в разных ямах различно: есть даже по 10-ти и более на одном кургане. Следовательно эти курганы, по тесноте помещений (судя по ямам), немогли быть жилищами для древних обитателей, — скорее, это были усыпальницы знаменитых семейств, подобныя тем, какия находятся в разных местах Европейской России, где, при раскрытии, находили кости и украшения мертвецов. Конечно, когда нибудь лопатка любопытного потревожит кости и наших древних курганных покойников. Неслышно, чтобы кто нибудь из жителей здешняго места находил в самых курганах вещи принадлежавшия древним; но в недавнее время, около 1852 года, крестьянин деревни Карагай, раскапывая подполье для дома, вынул из земли два медных плоскодонных котла и ранее того некто из Боровских крестьян выпал на поле своем, верстах в 3-х от села, 8 или 11 серебряных тарелок древней работы. Некоторые памятники древности свидетельствуют о

гражданственной жизни наших древних предместников: это два так называемые городка близ деревни Логиновой, Фирсовской волости, в 30 верстах от села Бороваго. Один из этих городков, который я осматривал, расположенный на берегу бывшего озера, а может быть реки, представляет четверугольную площадь, обрытую канавою с двумя как-бы воротами для въезда и выезда, и вероятно был крепостцою или кремлем, для расположенных по сторонам его жилищ, представляющихся теперь в виде неровностей. Впрочем попадающиеся на поверхности площади и вокруг ея разчерченные фигурами черепки глиняной посуды и камешки (галька) могут вести и к той мысли, что этот самый городок небыл ли литейным заводом наших древних обитателей? На пространстве между селом Боровским и слободою Абатскою есть некоторыя и другия земляныя фигуры, похожия на дело рук древних; но может быть это действие воды, и потому в разсуждение о них пуститься не смею.

Татарское наименование одной из принадлежащих приходу деревень Карагай (Бор — сосновый лес) указывает, что местность села Бороваго некогда была заселена Татарами. Хотя в настоящее время вблизи села Бороваго нет ни одного татарского селения, но это утверждает и другое татарское название соседственной Абатской слободы (от Абак). Вытесненные русскими, а может быть и сами ушедшие, Татары-Исламиты уступили место Христианскому населению. И вот, ныне в селе Боровом, рядом с полурозвалившимся земляным бутром, — памятником славы умершей

некрести возвышается храм славы, родившей Христа.

Название села Борового, по производству слова, происходит от бора — соснового леса. Если бы вблизи села было хотя одно или два дерева сосновых или хотя грунт земли песчаной, на котором обыкновенно растет сосна, то было бы правдоподобно, что село получило свое наименование по месту; но выходит иначе: нет во круг села даже пня соснового и грунт земли черноземный с глинистой подпочвою; следовательно название произошло по случаю; — и этот случай, неинной мог быть, как перемещение жителей из селения бывшего в бору и название новой заселки служило напоминанием прежнего места. Так как в окрестностях села Борового нет сосновых лесов, кроме двух рожиц — остатков старинного бора, при деревне Карагае, от которого и самая деревня получила свое название на Татарском языке, и между тем эта деревня, при разлитии реки Ишима, кругом затопляется, то предположить можно, что село Боровое, прежде деревня, составилось из выходцев деревни Карагая, вытесненных разлитием вод и ненашедших вблизи более удобного места.

Деревня Карагай есть одно из самых древних заселений здешней местности. Найденные в земле сосуды свидетельствуют, что еще до Русских были здесь жители, употреблявшие их для своих надобностей; а татарское наименование Карагай указывает, что это были татары. Русские, занявши Карагай, построили там часовню, как говорит предание, на самых пнях срубленных сосен, которая в весьма ветхом состоянии существует и доселе. Осьмидесятилетние старики утверждают, что эта часовня была почти в одинаковом положении в их время, когда они были молоды, и едва ли эта часовня не была первым молитвенным домом на пространстве нынешнего Боровского прихода, хотя по преданию известно о существовании другой часовни, бывшей в деревне Боровой (нынешнем селе); но она должна быть позднейшею. Впрочем, вероятно, она послужила основанием нынешнего Боровского прихода, прежде принадлежавшего к приходу села Коркинского, что теперь город Ишим.

Начало Боровского прихода и первой церкви с достоверностью можно отнести

к 1720 или 1725 годам, потому что в историческом описании, составленном в 1804 году, сказано: «по обветшалости сей первой церкви, бывшей во имя Казанския Пресвятыя Богородицы, при державе Благочестивейшия ГОСУДАРНИИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, по благословению Преосвященнейшаго Варлаама Епископа Тобольскаго и Сибирскаго, заложена такая же деревянная церковь. В намянование тойже Казанския Богоматери, в лето от создания мира 7284, от Рождества же Христова 1776-е». Если предположить, что эта первая церковь могла существовать не менее и придти в ветхость не ранее 50 лет, — то постройку ея, а с тем вместе основание прихода, должно низвести к 1720 или 1725 годам. В 1776 году основанная новая деревянная церковь строением кончена в 1783 году, и в том же году «Ноября 8 дня индикта 1-го, по благословению тогоже Преосвященнаго Варлаама Епископа, освящена Ишимским Закащиком Священником Григорием Поповым, в которую иконостас весь поставлен новый, а местные три образа из прежней старой церкви внесены в иконостас. Эти три образа суть: Икона Спасителя нерукотвореннаго образа, Иконы: Пресвятыя Богородицы Казанския и Знамения Пресвятыя Богородицы». Ветхая церковь разобрана и из годнаго леса к новой церкви сделана ограда. Эта новая деревянная церковь, простояв до 1824 года, стала приходить в ветхость. Почему прихожане просили Преосвященнаго Епископа Амвросия о дозволении им выстроить новую каменную церковь, которая и заложена в том же 1824 году, по благословению тогоже Архиеерея, изъясненному в указе Ишимскаго Духовнаго Правления, от 13 Марта за N 1193. Постройка этой церкви продолжалась 12 лет и кончилась в 1837-м году. В сем же году, с благословения Его Высокопреосвященства Архиепископа Афанасия, новым святым антиминсом, выданным 20 Июня, освящен придел во имя Святаго Архистратига Михаила, Июля 8 дня. Обветшавшая уже деревянная церковь разобрана и из годнаго лесу сделана также ограда к настоящей каменной церкви. В 1846 году, в летней церкви, во имя Казанския Пресвятыя Богородицы, построен новый иконостас, которая и освящена 26-го Июля 1847 года, по благословению

Его Высокопреосвященства Георгия Архиепископа Тобольского и Сибирского, новым святым антиминсом, выданным Июля 12-го дня. Благословенных грамот только две хранится в церкви: первая на постройку второй деревянной церкви, за подписом Преосвященного епископа Варлаама, вторая на освящение новой каменной летней церкви, подписанная Преосвященным Архиепископом Георгием.

В Боровской церкви особенно замечательна икона Знамения Пресвятыя

Богородицы — список с Абалатской иконы. (Прим. — Заимствуется из записки, составленной Священником М.Иконниковым). Она писана, как видно, той же рукою, которою писаны иконы в первую деревянную церковь.

(Продолжение впрдь)*

Тобольские губернские ведомости. — 1858. — N 37. — 13 сентября. — Отдел II (часть неофициальная). — С. 391-394.

П.А. ДРАВЕРТ

Ишимский метеорит

Петр Людовикович Драверт (1879, Вятка - 1945, Омск) - сибирский поэт, библиофил, общественный деятель и ученый: минералог, геолог, географ, ботаник, археолог, музейный работник, краевед. Входил в комитет по метеоритам Академии наук СССР, вел плодотворную работу по исследованию метеоритов. С 1925 г. им написано до 50 работ в этой области. В последние годы жизни работал над составлением единственной в СССР библиографии метеоритов. Завершению этого труда помешала смерть ученого.

Статья «Ишимский метеорит» была опубликована в журнале «Сибирские огни» в 1934 году, номере 2-ом, с подписью «проф. П. Драверт».

I.

В известном “Каталоге землетрясений Российской империи” И. Мушкетова и А. Орлова (СПБ, 1893 г.) я выявил ряд случаев, которые никак нельзя отнести к сотрясениям земной коры, происходящим от причин внутренних, скрытых в недрах земли. Многие вошедшие в указанный “Каталог” землетрясения представляют, на мой взгляд, те колебания земной поверхности, которые вызываются в результате захлопывания воздушной волны в точке задержки метеорита, вступившего в атмосферу нашей планеты. Они весьма сходны с сотрясением почвы, производимым иногда сильными громовыми ударами.

Такого рода “сверху-рожденные” землетрясения (причиненные звуковыми волнами, возникшими над поверхностью земли) я выделяю в особую группу под именем “гипергенных сейсмов”. Посвящая им особую статью, уже подготовленную к печати, я хочу здесь для читателей “Сибирских огней” изложить один интересный пример подобного случая, имевшего место 85 лет тому назад в пределах Западно-сибирской низменности.

В каталоге Мушкетова и Орлова этот факт приводится под N 1298 в следующем виде:

“В 1849 г. 17 (29) января в 9 час. 53 мин. утра раздался в городе Ишиме, Тобольской губ., два раза глухой подземный гул, подобный сильному ветру, направившийся с северо-запада на юго-восток и окончившийся как бы отдаленным залпом из орудий; при этом земля колебалась настолько сильно, что многие городские здания, в числе их и две каменные церкви, тряслись. В соборе отправлялась в это время, при довольно значительном стечении народа, литургия; присутствовавшие увидели вдруг, что большое паникадило и лампы перед алтарем закачались, образ святителя Николая, стоявший у левого клироса на деревянном подножии, то подавался вперед, то отходил назад; свечи, теплившиеся перед ним, попадали, одна за другою на пол, а свод церковный трещал и лопался. Объятые ужасом, все молившиеся

* Продолжение данной статьи в последующих номерах ТГВ не обнаружено. Орфография, пунктуация и стилистика статьи воссоздаются полностью.

собрались к дверям, чтобы спастись бегством, но священник уговорил их остаться в храме, и богослужение было совершено без дальнейших задержек. В этой церкви образовались трещины в верхнем этаже: в середине арки, вдоль свода подле нее и над окнами северной стороны, а также в алтаре нижней церкви. В некоторых домах тоже оказались повреждения: в окнах раскололись стекла, и из шкафов падала посуда. Многие лошади, находившиеся на рынке, упали на колени, а возы тряслись. В селениях близ города было замечено незначительное сотрясение домов с едва слышным треском в стенах, но без всяких повреждений. Землетрясение продолжалось 30 секунд”.

Этот случай в свое время получил довольно широкую известность. Авторы “Каталога” приводят следующие литературные источники: “Северная пчела”, 1849 г., N 57; “Вестник имп. Русск. географич. общ.”, 1858 г., N 3; “Журн. мин. внутр. дел”, 1849 г., кн. III (здесь это землетрясение отнесено к 16 янв. ст. стиля). В “Сибирской библиографии” я нашел еще одно указание на статью Александра Худякова - “Описание землетрясения, бывшего 16 января в г. Ишиме”, напечатанную в “Московских ведомостях”, 1849 г., N 27.

II.

Ишим с его округом лежит в асейсмической (т.е. в неподверженной землетрясениям) области. Ни до 1849 г., ни после него, вплоть до наших дней, никаких землетрясений для г. Ишима и его района не отмечалось. Более того, не только в день и месяц “землетрясения” в Ишиме (29 января 1849 г.), но и во весь этот год, равно как в предшествовавший 1848 и последующий 1850 г., не зарегистрировано ни одного землетрясения ни на Урале, ни в Казахстане. Геологическое строение местности, где расположен Ишим, исключает также возможность сотрясений почвы того типа, какие бывают при провалах или подземных обвалах в карстовых областях.

Мы должны искать центр очага ишимского землетрясения в направлении, противоположном гипоцентру землетрясения тектонического, т.е. в газовой оболочке земли, попросту

выражаясь - не под ногами, а над головой наблюдателя.

К сожалению, тогдашние описания события составлены, очевидно, людьми, не знакомыми с явлениями, развивающимися при полетах болидов. К тому же, вышеприведенное сообщение, надо думать, в значительной мере обязано участию духовного лица, уделившего так много внимания происшествию в церкви. Нет сомнения, что ишимское землетрясение произошло в результате падения довольно крупного метеорита. Огненного шара (болида) не только бывшие в этот момент в церкви, но и находившиеся на открытом воздухе могли совсем не видеть. Как известно, в дневное время поблизости места падения огневых явлений обыкновенно не наблюдается по причине небольшого облака возгонов, окружающих самый метеорит. А если тогда была пасмурная погода, то и это облачко могло быть совершенно скрытым от глаз неподготовленных свидетелей.

Время падения (около 10 час. утра) ближе отвечает утренним метеоритам, т.е. обладающим относительно большей скоростью, чем дневные и вечерние. Отсюда меньше шансов на выпадение камня из болида; метеорит мог нацело сгореть в атмосфере, если масса его не была особенно значительной. Но, в случае крупных размеров камня, не исключается возможность и падения осколков, вероятнее всего, на пустырях г. Ишима или в его ближайших окрестностях. Как бы то ни было, в дошедшем до нас сообщении содержатся указания и на имевшую место точку задержки метеорита в атмосфере и на достигшую земной поверхности коническую головную воздушную волну. Последняя, как установлено многими наблюдениями, производит порой довольно мощную механическую работу, - образует вихри, валит деревья, животных, вышибает рамы в домах, обрушивает трубы, срывает крыши и т.д.

Чего-либо исключительного в ишимском падении 1849 г. мы не видим. В истории метеоритики есть еще более яркие примеры. Таков великолепный метеор, появившийся при безоблачном небе над г. Мадридом (в Испании) около половины десятого часа утра 10 февраля 1896 г. Один из очевидцев в таких

словах описывает этот случай: "...Через полторы минуты (после появления метеорита) раздался страшный грохот, точно залп из тысячи орудий; за ним последовал ряд постепенно ослабевавших взрывов. Земля сотрясалась до недр своих; многие здания дали трещины. Со звоном лопались миллионы оконных стекол... Неописуемая паника охватила население Мадрида. В первое мгновение повсюду был слышен плач и крики. Одни кричали "Terremoto! Terremoto" (землетрясение); другие - "Dinamita, dinamita!"

Как мы видим, проявившаяся здесь картина землетрясения выражена весьма отчетливо*.

III.

Возвратимся к ишимскому событию. В приведенном на страницах "Каталога" описании, как нам кажется, есть некоторые неточности. "Свод церковный трещал и лопался", - не слишком ли сильно это сказано, особенно, если принять во внимание, что в рассказе нет ни намека на падение хотя бы одного куска кирпича или штукатурки на голову кого-либо из присутствовавших.

С другой стороны, - "объятые ужасом все молившиеся собрались к дверям, чтобы спастись бегством". Попросту говоря, произошла паника, и люди в смятении бросились к выходу. В таких случаях суеверные и испуганные массы беспощадно давят друг друга, а не собираются организованно к дверям.

Что же касается до трещин, обнаруженных в церковном здании, то кто может теперь поручиться за то, что эти трещины, хотя бы в зачаточном состоянии, не были и ранее. Рачительный к "благолепию храма" служитель культа вполне мог воспользоваться этим случаем, чтобы собрать лишнюю сумму на обновление якобы сильно

пострадавшей от землетрясения церкви. И уж, конечно, само "землетрясение" было приписано "божьему гневу за грехи жителей". Но нет ничего удивительного и в том, что сильные воздушные колебания, вызванные задержкой метеорита в атмосфере, могли в конечном счете нарушить связанность частей в арке и стене каменного здания, строящегося когда-то скромным архитектором в маленьком городке Западной Сибири. Эти трещины, как можно заключить из описания, были расположены в пределах эллипсиса, длинная ось которого совпадает с направлением распространения удара, обусловленного конической воздушной волной, обгоняющей метеорит перед его падением.

Ориентируясь же по площади распространения звуковых явлений, мы можем судить до известной степени и о траектории полета метеорита. Наиболее достоверно предположение, что ишимский метеорит двигался в юго-восточном направлении под небольшим углом к поверхности земли. В силу этого, особенно принимая во внимание довольно значительную продолжительность полета, должны были хорошо развиваться оптические и акустические эффекты. Но для наблюдения первых в г. Ишиме, как мы уже заметили, был неблагоприятен час дня и, вероятно, облачное состояние неба, а звуковые явления нашли некоторое, хотя и неполное, отражение в записях современников события.

Таким образом, мы должны вычеркнуть ишимское землетрясение 29 января 1849 г. из ряда настоящих сейсмических, освободив его от мистического налета, объяснить происхождение описанного естественным результатом вторжения космического тела в воздушную оболочку нашей планеты.

* Между прочим, главная масса мадридского метеорита перешла в газообразное состояние и в тончайшую пыль, а часть рассыпалась отдельными камнями над городом и его окрестностями. Одним осколком оторвало ухо у проходящего аптекаря; другой осколок пробил газетный лист, опалив края отверстия.

Пытливый посох странника

Г.А. КРАМОР

В краю медовых лип Экспедиция в Викуловский район

1. Дорога

Тучи хмуро надвигались друг на друга, временами побрызгивая недовольным дождиком. Настроение тревожное. Татьяна Павловна в который уже раз спрашивала: «Может, не поедем?! Ведь нам оттуда не выбраться!» Надежда Леонидовна была невозмутима: «Надо! Больше у нас нет времени». Николай Васильевич, он же Коля, поддерживал: «К Успению мы должны вернуться! Это однозначно». Успение — 28 августа. Дождливое утро, с которого начинается наше очередное этнографическое путешествие — 25 августа. «Газель» с надписью «Богоявленский собор града Ишима» на лобовом стекле неспешно движется по асфальтовой дороге в сторону села Викулово. За рулём — Коля Марков, на переднем сиденье — старший научный сотрудник музея Н.А.Проскурякова, а заднее сиденье делит с продуктовыми сумками и автором этих строк Т.П.Савченкова — доцент кафедры литературы ИГПИ им. П.П.Ершова, а по совместительству пламенный вдохновитель самых отчаянных краеведческих проектов. Правда, на этот раз флаг экспедиции в последний момент выпал из её рук и был заботливо подхвачен представителем музейной братии.

Пока тучи мялись в нерешительности, мы, обогнав их, благополучно миновали районный центр Викулово и, поразмышляв над картой, смело взяли курс на село Ермаки. Впрочем,

смело — это слабо сказано. Реально это означало сразу за мостом через Ишим свернуть налево и решиться преодолеть полсотни километров под угрозой дождя на совсем не вездеходном транспорте. Но отступать было поздно. Позади осталось сто двадцать вёрст — неужели нас остановят ещё пятьдесят? Меняем репертуар магнитофона, и уже не под звуки «шофёрских песен», а с хоровым пением иноков Валаамского монастыря делаем заветный поворот. Вот уже минуло добрых два десятка километров, а навстречу — ни одной живой души. Коля нервничает: отсутствие «легковушек» — недобрый знак.

Наконец, повезло. Пассажиры встречной «десятки» сильно удивлены нашим визитом, но заверяют, что мы едем правильно и дорога пока сухая. И все же, если грянет дождь, уточняют они, не выбраться недели две. Обнадежившись таким ответом, двигаемся дальше. Изредка из-за зарослей по левую руку проблёскивает река Ишим. Небо позади всё сильнее темнеет от туч. Деревни встречаются с частотой одна на пятнадцать километров. За одной из них, со звучным названием Бобры, дорога взбирается на горку. Плавный поворот — и перед нами раскрывается фантастическая панорама. Мы словно стоим на краю грандиозной впадины, до самого горизонта заросшей девственной тайгой, край которой теряется где-то в тумане. Казалось, нас приветствовала волшебная страна.

2. Осиновка

Наше появление в Ермаках предварили переговоры по телефону. Но всё же остаётся чувство стеснительности от того, что чей-то законный выходной день оказывается нарушен. Главу ермаковской сельской администрации Надежду Ивановну Оленич мы застали в её доме на краю села. Она вышла в фартуке: как раз поставила в печь очередной противень с шаньгами. Однако тут же вызвалась показать, где живёт заведующая клубом, другая Надежда Ивановна. Быстро посоветовавшись (а на дворе был уже шестой час), решили: надо ехать в соседнюю деревню Осиновка, что в трех километрах к северу. Там, говорят, существует интересный обычай раз в год переносить из дома в дом икону Рождества. В Ермаках, Осиновке и ещё одной соседней деревне, Еловке, живут потомки белорусов, переселенцев-самоходов из Могилёвской губернии, которые и принесли с собой этот обычай в 1880-е годы.

Конечно, мы изъявили желание в первую очередь поклониться осиновской святыне. Нас радушно принимает Мария Ивановна Шевелева: двери дома, в котором «гостит» икона, должны быть всегда открыты для тех, кто идёт к ней. Проходим в горницу. В переднем углу, по диагонали от входной двери, на низеньком шкафчике — словно распахнутое окно с голубыми ставнями: так своеобразно устроен довольно внушительных размеров киот. Перед ним, чуть левее — ведёрко с погашенными восковыми свечами. Верх и низ киота убраны цветистыми рушниками, вышитыми крестом, на створках — картонные иконки, а за стеклом в пышном убранстве из блестящих конфетных обёрток и бумажных цветов виднеется скромный прямоугольник самой иконы. Благоговейно поклонившись образу, рассматриваем его поближе. Колорит иконы резко отличается от окружающего его разноцветья. В основе гаммы — глуховато-синий фон. Икона, будучи небольшой (приблизительно 30х40

Икона Воскресения Христова, «гостящая» у Марии Ивановны Шевелевой. Фото автора.

сантиметров), построена, однако, по типу житийной: вокруг центрального изображения Воскресения Христова (а вовсе не Рождества!) — 12 клейм двенадцатых праздников¹. Поле каждого из клейм разделено горизонтально на две равные части, из которых верхняя — синяя, а нижняя — охристая с обильной выбелкой. Такое решение фона, а также быстрая и грубоватая манера личного письма и передачи складок на одеждах выдаёт местное, сибирское происхождение иконы.

Мария Ивановна тем временем звонит знакомым со словами: «Приехали гости святулю смотреть». Ещё икону называют просто (хотя и неправильно) «Рождество Христово» или, ещё чаще — «Свеча». Такое название вызывает удивление, мы переспрашиваем, а в ответ слышим рассказ о том, что перед переносом из дома в дом по всей деревне бегают дети, зазывая: «Приходите (или: айдате) на свечу к Ивану-богачу» (имя меняется в зависимости от того, у кого будет гостить

Колодец-«журавль» в Осиновке. Фото автора.

святыня). Объясняют так: перед иконой горит много свеч, потому так и называется. Уже впоследствии, заинтригованные и не удовлетворённые таким объяснением, мы обнаружили, что в южнорусских и западнорусских деревнях действительно существовал праздник с таким именем. Но происхождение и суть его несколько иные. Так же, как и в Осиновке, Свеча приурочивалась к престольному празднику деревни², однако центром обряда являлась не икона, а настоящая большая свеча, которая изготавливалась из воска, пожертвованного всеми жителями общины. Впрочем, элементы ритуала поразительно схожи с осиновскими: «в течение года от праздника до праздника Свеча хранилась в доме уважаемого всем деревенским сообществом человека, а затем передавалась на хранение другой семье. В дома, запятнавшие себя каким-либо серьёзным проступком, Свеча никогда не передавалась. Принято было также считать, что год, когда семья хранит Свечу, будет для дома счастливым и благополучным»³.

В Осиновке, по рассказам старожилов, также существовало правило переносить икону только в те дома, где живут праведно. Однако было это в ту пору, когда в деревне насчитывалось около

полутора сотен дворов. Теперь же, когда их стало втрое меньше, Свеча гостит в каждом доме. Говорят, что даже пропащие пьяницы, становясь «хозяевами» иконы, преобразуются на это время, стараясь не осквернить своим поведением святыню. К ней часто приходят люди со своей нуждой — помолиться об урожае, семейном благополучии, в час несчастья или болезни. Приносят «оброки» (дары) — платочки, полотенца или деньги, которые в прежние годы передавались церковному старосте как пожертвование в храм; теперь же, когда церковь в Ермаках разрушена, они остаются у хозяина с условием покупки и возжигания свечей и угощения гостей. Переносят икону рождественским утром. Накануне, в Сочельник, хозяева уже принимают родственников и паломников — односельчан и приезжих; калитка и двери распахнуты настежь, в окна всю ночь горит свет, поются молитвословия. Собирается сюда и местная молодёжь. Поутру от одного дома к другому выстилается широкая дорожка из соломы — «чтобы не по голому икону нести». Она передаётся к соседям по той же стороне улицы⁴. Выносят её с плачем, как родную, старшие мужчины принимавшего дома; впереди идёт хозяйка с хлебом-солью. Все

Дом в Ермаках. Фото автора.

присутствующие становятся на колени на соломенной дорожке, поклоняясь Свече, которую проносят над ними. У принимающего двора икону встречают новые хозяева. После обмена хлебом-солью святыню вносят в дом, ставят в красный угол и молятся. Затем начинается угощение, на которое приглашаются все присутствующие.

...Впрочем, об этом мы узнаём уже в другом доме — у Евдокии Абрамовны Шарайкиной⁵. Здесь собралось несколько бабушек — коренных жительниц Осиновки, которые пришли по просьбе нашей доброй помощницы Надежды Ивановны, оставившей-таки шаньги на попечение мужа. Бабушек собрали, чтобы предложить приобрести у них экспонаты для музея — но сами они решили первоначально, что будут петь старинные песни. И хотя это не входило в наши планы по причине надвигающейся темноты, мы крепко пожалели в тот момент, что по рассеянности не взяли в дорогу диктофон. Поют потомки белорусов, как рассказывает Надежда Ивановна,

замечательно. Но мы рады и тому, что несколько бабушек откликнулось на зов помочь музею. Осматриваем первые экспонаты, купленные у Анны Степановны Шевелёвой: редкое тканое одеяло с рисунком из двух нитей, великолепное полотенце с дивными кружевами и явно не сибирским узором крестовой вышивки, основанным на сочетании алого и лазоревого цвета⁶. Приносят ещё полотенца, горшочки и лапти. «Неужели самоходские?» — спрашиваем мы, зная, что в Сибири лаптей не носили. Отвечают: нет, нашенские. Оказывается, мы ещё не успели разглядеть того, что в окрестностях Осиновки растёт липа, дерево, не известное в Ишимском уезде. Признаться, мы и не подозревали, что она вообще растёт в Сибири. А бабушки поясняют: этот удел земли с нечернозёмной почвой самоходы избрали как раз потому, что здесь росла дорогая их сердцу липа — совсем как в Белоруссии.

На посиделках мы услышали продолжение истории Свечи. Икону,

*Заросли хмеля в огородах Еловки.
Фото автора.*

как говорят, привёз ещё до революции из уездного города Тары, относившегося тогда к Тобольской губернии⁷, Иван Ковальков. Она стояла в Никольской церкви в Ермаках⁸ до той поры, пока не взялись в тридцатые годы разрушать храм. Тогда икона оказалась в Осиновке, ей сделали «абажур» (так своеобразно нарекли киот) и стали носить по домам; до этого же носили другие иконы. Традицию эту свято чтит все годы советской власти, за исключением шести лет, включая Великую Отечественную войну. Почему икону не носили в эти годы — никто не помнит; она хранилась в амбаре у Марины Прокопцовой, которая выставляла её в своём доме с Рождества на две недели для поклонения. Однажды к ней пришли коммунисты, хотели забрать икону из амбара и разбить. Однако Марина послала по деревне детей, собрались все женщины и отстояли святыню. Мнение народа, когда он един — это огромная сила. «У

нас же все были белорусы, богомольные», — заключила Евдокия Абрамовна.

За ней слово берёт баба Паша, рассказывая о другом обычае, существовавшем в селе Рябово⁹, что расположено в лесах северо-западнее Викулово, километрах в тридцати от него. Ходили туда по молодости, девчатами, в самом начале 1930-х годов три раза, пешком, переправляясь через реку Ишим по мосту (теперь его нет) у села Каргалы — согласно карте, это не менее 45 километров. Носили икону на «Девятую пятницу» (видимо, праздник Живоносного Источника Божией Матери, приходящийся на пятницу Светлой Пасхальной Седмицы). После литургии крестный ход отправлялся к чудодейственному источнику «на болоте». Над ним была воздвигнута избушка с колодезем-«каплицей». Батюшка освящал воду, после чего её набирали богомольцы, особенно те, у кого были гуси. «Вода была светлая и золкая-золкая». С этим источником связана следующая история: одной женщине снилась икона, которую надо было выкопать под кочкой на болоте. Сон повторился трижды, после чего женщина решилась-таки пойти — и действительно, нашла икону, а из-под неё заструилась вода. Она принесла икону священнику, рассказав обо всём произошедшем. Впоследствии, когда икону уже носили с крестным ходом, её «абажурья» показались тяжёлыми и их обрезают. Незамедлительно посыпался град с дождём — так, что повывило все окна. «А теперь этого обычая нет, мы последние, кто ходил туда», — закончила свой рассказ 82-летняя старушка.

И ещё об одном осиновском обычае, не исчезнувшем поныне, узнали мы в тот вечер. Когда наступает засушливая пора, старушки собираются у кого-нибудь на дому и ткут так называемый обудённый. Это длинное, не менее трёх метров, полотенце, которое нужно спрясть, основать, соткать, помыть и откатать за один день (отсюда название). Затем у речки Бичёвки, на том конце деревни, где начинаются хлебные посевы, ставят стол, на него — иконы из каждого

дома, а также хлеб-соль. Начинается молебен. Затем икона (другая, не Свеча), обёрнутая обудёнником, вручается мужчинам, позади идут дети, держа концы полотенца подобно шлейфу королевской мантии, далее — остальные жители со своими образами. Таким вот крестным ходом, с пением «Святой Миколы, моли Бога о нас» и «Пресвятая Богородице, спаси нас»¹⁰ обходят на раз деревню. Вернувшись к отправной точке, снова особо молятся, кропят берёзовым веником посева, а обудённый бросают в речку и топят в ней (как своего рода жертву). Теперь этот обычай вспоминается всё реже, да и речка изрядно пересохла («избегла», как говорят здесь). А когда-то на ней даже стояла мельница.

Расспрашиваем ещё про советскую эпоху в жизни деревни. Говорят: раньше она была большая и богатая. Раскулачили многих, отняли скотину, одежду, затем собрали в ермаковском сельсовете. Подержали, да и отпустили обратно в Осиновку, ссылать не стали. Но вернулись несчастные уже не в свои дома, а «на хватеры», в «чужие люди». А восстания 1921 года здесь не знали. «Ермаки с нашей деревней до сих пор — как бы отдельные во всём районе», — подчёркивают осиновицы.

Меж тем за окном уже не только темно, но и накрапывает дождь. Коля Марков увозит в Ермаки Надежду Ивановну, которая определила нас на ночлег к Петру Ивановичу и Серафиме Михайловне Шарайкиным. Но прежде мы зашли в дом напротив, к Ольге Каллистратовне Шарайкиной¹¹. Бабушка живёт одна и рада гостям. С удовольствием рассказывает о том, что всё делает с молитвой и Божьей помощью, а потом приносит старинное, слегка выгоревшее полотенце-набожник (им украшались иконы в «красном углу») с геометрическим узором: восьмиконечные звёзды-цветы, составленные из ромбов-лепестков. На предложение продать отмахивается: «Да что вы, так берите, ради Христа!» Поблагодарив и оставив всё же деньги «на конфеты внукам», мы

отправляемся к её однофамильцам.

Пётр Дмитриевич и Серафима Михайловна живут в просторном крестовом доме одни. Рядом, в Ермаках — дочь, а остальные дети разъехались по городам. Молодёжь стремится использовать всякую возможность, чтобы вырваться отсюда, не чувствовать себя оторванными от мира. В непогоду из этих краёв, как было замечено ранее, не выбраться, а самолёты, которые прежде летали хоть до того же Ишима или Тобольска, теперь стали историей. Серафима Михайловна хлопочет, приготавливая для припозднившихся гостей ужин, а мы печалимся, что не можем помочь продуктами, которые легкомысленно оставили в «Газели». Хозяйка наливает в чашечку густой прозрачный мёд. Он — собственного производства. Петр Иванович — пчеловод со стажем, у него под окнами стоит два с лишним десятка ульев. Места здесь для пчеловодства благодатные — чего стоит одна только липа в пору цветения¹². Мёд заготавливается флягами. Проблема лишь с вывозом, а затем уже в реализации помогает семья второй дочери в Ишиме. Часть членов экспедиции тут же изъявила желание приобрести несколько литров настоящего пчелиного продукта.

Меж тем волнение относительно судьбы нашего шофёра нарастало. Уже пробило десять, когда под окнами затрещал мотор. Но это была не «Газель», а «Уазик». Дорога от Осиновки до Ермаков, которая и днём была более похожа на кисель, размокла окончательно, и Коля решил оставить машину во дворе у Надежды Ивановны. А та, в свою очередь, ещё раз проявила о нас заботу, вызвав своего водителя для возвращения Коли в экспедицию. Все наши рюкзаки остались в Ермаках, но гостеприимные хозяева приготовили обильное угощение. За столом зашёл разговор о «фирменном» викуловском пиве, которое так же традиционно для этих мест, как и для Германии. Серафима Михайловна заметила, что и они не так давно варили сей напиток и предложила его отведать. Наше восхищение было не сдержать. Никакое бутылочное или

баночное пиво не сравнится с тем, что сварено в русской печке из хмеля, что растёт сразу за околицей (а некоторые выращивают его и в огородах).

За столом мы узнали ещё один эпизод из истории осиновской Свечи. В 1970 году Пётр Иванович работал бригадиром; и тут подошла очередь принимать икону в свой дом. Однако было одно маленькое, но существенное препятствие — партбилет. Когда в сельсовете узнали о грядущем предприятии, вызвали Шарайкина в ермаковскую милицию и предписали икону не встречать, а взять и принести в сельсовет, который её отправит в нужное место (Серафима Ивановна добавляет: да не отправить хотели, а изрубить). Жена решительно воспротивилась: это непочтительно по отношению к иконе. После семейного совета Пётр Иванович объявил: пусть лучше меня выгонят из партии, снимут с должности, отправят в тюрьму, чем потом будут всю жизнь указывать — вот, это тот самый, который икону не принял. Ермаковское начальство тут же позвонило в Викулово, секретарю райкома партии Вячеславу Матвеевичу Хлынову. Тот рассудил по-своему: икону не отнимать, не рубить, не вами этот обычай заведён, не вам его и отменять, пусть носят. После чего оставили Свечу и Шарайкиных в покое. Вообще же, добавляет Серафима Михайловна, Хлынов пользовался в районе уважением за то, что никогда не препятствовал старинным обычаям; однажды даже заявил: зря церкви разрушали, нигде в партийном уставе не написано, что надо храмы уничтожать. Умер он не дожив до старости, после смерти жены, заливая горе вином.

И ещё одна история про местные святыни. В селе Кайлы (15 километров по прямой к северо-западу от Осинówki, на другом берегу Ишима) долго стояла церковь, с которой никто из местных не решался снять крест. Наконец на уговоры властей согласился один, из соседней деревни Бадаговой. Крест он сбросил, но после три года лежал без движения, парализованный, а когда его отлечили, оказалось, что пропала «мужская сила».

Стали возить его по церквям, отмаливать, и сам он потихоньку начал религиозные книги читать, и на Свечу оброк делал. Он особо запомнился тем, что предсказывал приход Мишки Меченого, при котором не станет ни советской власти, ни колхозов, ни Союза. «И точно, — завершает Серафима Михайловна, — через три года пришёл Горбачёв и всё исполнил».

После ужина мы вышли на уютный двор. Под дощатыми дорожками похлопывала вода, оставленная минувшим дождём. В пышных липовых кронах прогуливался лёгкий ветерок, в траве стрекотали кузнечики, а за ручьём, к которому выходил терявшийся в темноте обширный огород, позвякивали в табуне железными колокольчиками-боталами стреноженные лошади. Высоко в небе струились белёсые облака, надёжно укрывая яркие деревенские звёзды, что могли бы дать надежду на ясный завтрашний день...

Поутру, до завтрака, когда ещё не до конца разошёлся сумеречный туман, мы с Татьяной Павловной отправились на осмотр деревянного зодчества Осинówki. Посредине деревни протекает ручей — та самая речка Бичёвка, за которой осталось совсем немного домов. Осиновские постройки оказались скупы на декор, но со своими особенностями. Как и повсюду в Приишимье, наличники с конца XIX века испытывают на себе заметное влияние барочной эстетики, которая проявляется в бело-голубой колористике, филёнчатых ставнях (совсем как на киоте Свечи) и волютах — встречных волнообразных завитках, венчающих собою надоконную доску. Однако техника резьбы здесь заметно грубее, чем в том же Армизонье, куда наша экспедиция ездила в предыдущем году, а узоры более геометризваны и абстрактны. Наиболее примечательны подобные вышитым на рушниках восьмиконечные «богородичные» звёзды-цветы из ромбиков¹³, что украшают зашитые венцы срубов некоторых домов — этот мотив мы заметили уже в Ермаках, где он ещё более распространён. Прогулка по деревне убедила в мысли, что нынешняя

Наличник на «доме Гагарыхи» в селе Чуртан. Фото автора.

экспедиция соберёт больше узоров тканых, нежели резных.

Позавтракав, поблагодарив добрых хозяев за гостеприимство и сфотографировавшись на память, мы покинули Осиновку на всё том же «Уазике» главы ермаковской администрации. Даже беглый взгляд на дорогу, где мы удерживались только благодаря виртуозному мастерству водителя, убедил в безнадежности мечтаний о поездке в старожильческие сёла вроде Скрипкино, которые славятся деревянным узорочьем и непролазным жирным чернозёмом. «А может, это и хорошо, что здесь такая дорога, — вспомнились невзначай слова Надежды Ивановны Оленич, — плохие люди сюда лишний раз не заедут». И то правда — порок любит жить комфортно.

3. Ермаки

Вызволив нашу «козочку», мы отправились в центр села, к двухэтажному каменному зданию средней школы, где

была назначена встреча с директором школьного музея Верой Николаевной Веренковой. Музей по площади небольшой, занимает две комнатки, но довольно богат экспонатами, которые активно используются в просветительской работе: например, зимой взяли в школьный танцевальный коллектив несколько пар лаптей, да так и не вернули. Один отдел посвящен природным богатствам, другой — истории села. Дата его возникновения не совсем ясна — называют то 1884, то 1896 год. Первыми здесь появились ходоки-разведчики из Могилёвской губернии Евдоким Григорьевич Мельников и Прокопий Емельянович Крупников. На том месте, где сейчас раскинулось село, они построили первые избышки. А на следующий год привезли сюда уже двадцать семей. До Петропавловска ехали поездом, а оттуда — на перекладных, уплачивая по тридцать копеек за пуд. Каждому переселенцу государство выделило по 30 рублей подъёмных. Вокруг Ермаков был лес, который приходилось

корчевать, чтобы расчистить место для пашни. Тяжёлым трудом добывалась каждая сажень земли. В музее много интересных предметов быта и сельского хозяйства. Но особенно великолепны рушники и полотенца. По всему селу вызволяли их из бабушкиных сундуков школьники; теперь же, когда к частной истории появился большой интерес, некоторые выпросили их назад как семейные реликвии.

Вера Николаевна проникнута особой любовью к Ишиму, где учится в пединституте её дочь Светлана. А когда она узнала, что Татьяна Павловна именно там преподаёт, воспрянула духом и предложила сопровождать нас в походе за будущими экспонатами. Первой мы посетили Домну Артемьевну Лошкину. Живёт она, далеко не молодая бабушка, со своей тёткой, которая сидела во дворе, в тени навеса над крыльцом. Домна Артемьевна приветливо нас встретила и порадовала несколькими экспонатами. Часть полотенец, правда, уже оказалась приспособлена под занавески и подзоры. Рассказала она и о двух старинных венских стульях из толстых прутьев, что пребывали раньше в доме; сохранился один. Спрашиваем: где же? — оказывается, как раз под тёткой, которая на нём сидит. Старенькая тётка не вполне понимает, зачем же племянница просит встать, а затем отдаёт стул незнакомым гостям, но умолкает под натиском убеждений энергичной Домны. Торжественно водрузив стул — первое крупное приобретение экспедиции — в кузов «Газели», отправляемся дальше, к знакомым старушкам Веры Николаевны. По дороге она рассказывает, как однажды увидела, что осиновокские старухи идут куда-то с иконой. Спросила: зачем? Отвечают: дождя идём молить. И что же? Ночью над деревней прошёл дождь, а над Ермаками — ни капли.

Хорошо запомнилось посещение семьи Григория Андреевича Усольцева. Сам он тоже пчеловод, и визит к Усольцевым опять же не обошёлся без чаепития вокруг чашечки с янтарным липовым мёдом. Когда же мы, расхваливая

местную кухню, упомянули о пиве, хозяйка заметила: у нас и пиво есть. Мы ещё раз продегустировали прекрасный напиток, не так давно вынутый из русской печки. И ещё раз убедились — сибирское деревенское пиво не идёт ни в какое сравнение с промышленным. Григорий Андреевич оказался не только пчеловодом, но и пимокатом. Только по причине преклонного возраста он уже отказался от этого промысла, и никто из сыновей не заинтересовался им, поэтому свой набор инструментов для катания валенок решил подарить музею. От него же ишимские краеведы получили удивительный стульчик для младенца, выдолбленный из липового полена. Внутри этой «кадушки» устроено сиденье, так, что ребёнок может и сидеть, и стоять, держась за края. В сущности, это приспособление выполняло функции современного «манежа», будучи при этом лёгким и компактным. Позади дома, на огороде стоят пчелиные ульи (какие-то недобрые люди потравили несколько семей, сетует хозяйка), а за огородом — прекрасный вид на речку Тенис. Она куда полноводнее Бичёвки, и её извивы обрамлены высокими зелёными берегами. «Здесь великолепный вид осенью, когда желтеют берёзы», — замечает Вера Николаевна. Часть берега огорожена простой изгородью, и земля за ней изрядно порята и истоптана. Оказывается, это — свиной выпас; несколько хрюшек настырно тычут своими пяточками в щель между жердинами, обнюхивая гостей.

Когда мы вернулись с очередными приобретениями в центр села, где остановился Коля, выяснилась любопытная деталь. Некоторые ермаковцы, увидев надпись на лобовом стекле и массивную фигуру водителя с окладистой бородой, вежливо поинтересовались, не батюшка ли к ним приехал? Коля, конечно, им всё разъяснил, но пикантность изначальной ситуации заключалась в некоторой слабости Николая Васильевича относительно табаку. Наше воображение быстро дорисовало к этой картине фразы вроде: «Надо же, поп курящий приехал!

Наличник заброшенного дома на окраине Чуртана. Фото автора.

Обновленцы в Ермаках!» Поэтому впредь, чтобы не смущать сибирскую глубинку, Коля решил воздержаться от своей привычки хотя бы до выезда из гостеприимного поселения.

Завершалось наше ермаковское турне в доме Феодоры Даниловны Суздалевой. Она показала нам множество вышитых скатертей и полотенец (правда, музею согласилась уступить лишь одно или два) и рассказала легенду о своём дяде, Андрее Евдокимовиче Зубареве. В годы гражданской войны он был лесником. В село пришёл отряд белогвардейцев, которые потребовали показать, как пройти в деревню Битьёво, где располагались красные. Андрей, брат которого ранее присоединился к борцам за советскую власть, вызвался быть проводником. Но по примеру Ивана Сусанина повёл неприятеля в сторону другой деревни — Аниканки, что располагалась среди болотных топей. К ней вела гать, с которой только оступишься — и пойдёшь «сопливую бабу целовать». Андрей, улучив момент, убежал, оставив отряд

на волю судьбы. По одной версии, они оттуда не выбрались, по другой — спаслись, потеряв несколько лошадей и пулемётов. Что же до судьбы лесника, то в годы коллективизации он сам был вынужден уехать в Хабаровск, спасаясь от раскулачивания.

Меж тем Вера Николаевна созвонилась со знакомыми старушками из деревни Еловка, стоявшей на обратном пути, дабы они нас встречали с экспонатами. И мы, попрощавшись предварительно с Надеждой Ивановной Оленич, тронулись в путь, озарённый слабыми лучами солнца, что едва пробивались сквозь тонкий слой облаков.

4. Еловка

Еловка — небольшая деревенька, расположенная также в трёх километрах, только к югу, от Ермаков. Однако она производит впечатление ещё большей покинутости. В центре, у симпатичного углового дома с неизменными для этих мест разноцветными георгинами в

палисаднике нас встречает небольшая делегация бабушек во главе с Еленой Михайловной Гретченко. Перед ними стоят будущие экспонаты: большой берестяной короб и мерка — подобие бочонка, выдолбленного из всё той же липовой колоды, с отметкой для измерения зерна на вес по объёму. Пока шла беседа, к нашей компании приблизился не вполне уверенный в твёрдости земной коры дедушка, который живо заинтересовался появлением новых людей. Когда ему объяснили, что это люди из музея, он неожиданно взбодрился и сказал: «А у меня есть самопряха, просто чудо! В полном сборе! Я вам так отдам! А иначе изрублю и сожгу». Содрогнувшись от такой перспективы, но не вполне уверившись в правдивости обещания, мы отправились вслед за дедушкой. По пути (а жил он на другом краю деревни) удалось узнать, что зовут его Иван Прокопьевич Панков, годов ему уже 76, а чудную самопряху смастерил из липы ещё его дед, живший в этой же деревне. Наконец мы зашли во двор довольно внушительного дома, из которого выглянула пожилая крестьянка и начала бранить нашего Ивана, укоряя его в нетвёрдости походки. Он же заметил, что выполняет важную миссию — отдаёт в музей самопряху, которая уже никому не нужна, и которую он собирается изрубить и сжечь. Крестьянка долго ещё убеждала его, что никакой самопряхи нет, но дедушка, уверенно преодолев пространство свиного загона по направлению к сараю, вскоре действительно вернулся с самопряхой отличной сохранности. Мы вместе отправились назад, к машине, где Надежда Леонидовна благодетельствовала подвижника музейного дела некоторым вознаграждением за проявленную инициативу.

Дальнейший наш путь протекал без особых приключений. Мы слушали Балаамских иноков, потом обсуждали дальнейший маршрут. Предлагался вариант: съездить в Рябово, узнать, существует ли по сию пору чудесный источник и икона, обрётённая на его

месте. Однако предусмотрительная Надежда Леонидовна скромно, но настойчиво заметила, что именно в районе Рябово охотники обнаружили на болотах таинственные контейнеры, после встречи с которыми все они вскоре скончались. А кроме того, как-то во время пожара на тамошних торфяниках произошёл взрыв и в воздух поднялось розовое облако, которое отчётливо видели все жители. Вскоре кривая онкологических заболеваний в Викуловском районе, а особенно в окрестностях Рябово, резко поползла вверх. Обрисовав столь мрачную картину, она предложила ехать в село Чуртан, один из центров восстания 1921 года, любимой темы исследования старшего научного сотрудника Н.А.Проскуряковой. Долго мы не спорили, на том и порешили.

5. Чуртан

Меж тем, чем ближе мы подбирались к новой цели путешествия, тем явственнее становилась необходимость хоть как-то подкрепиться. На часах было почти шесть, а после осинового завтрака и ермаковского печенья с пивом в наших чревах так ничего и не появилось, что вызывало размышления на тему: «Где бы нам пообедать». Надежда Леонидовна вглядывалась в окно, пытаясь найти подходящий поворот на обочину, однако Коля отвергал все предложения, мотивируя просто: «Здесь живут чалдоны, а они селились на жирную землю, мы в ней забуксуем». Наконец, голодное наваждение, видимо, овладело и нашим шофёром, и он как-то уверенно свернул на призывно сияющую в солнечных лучах дорогу, обрамлённую изумрудной травой. Отрезвление пришло быстро. Клейкая плёнка грязи тут же намоталась на колёса, и стоило огромных трудов вернуть машину на твёрдый асфальтовый путь (причём особо отличилась в этих трудах Татьяна Павловна, воистину некрасовская женщина). В поисках подходящего места для столовой мы проехали мимо Чуртана километра на два, пока не обнаружили хороший

Церковь в селе Чуртан. 1953. Фото Г.Н.Старцева.

асфальтовый съезд в сторону берёзового лесочка.

На этот раз у Надежды Леонидовны не возникало желания зайти в ближайшую деревню за поленьями, как это было в нашу прошлую экспедицию. В лесу было достаточно топлива, благо что в нём рубили дрова селяне, и с помощью их топора удалось раздобыть достаточной длины жерди. Скоро был сварен полный котелок супа из рыбных консервов, по соседству установили полную кастрюлю салата из ишимских помидоров и огурцов, и мы, приспособив под обеденный стол венский стул, принялись за трапезу.

В Чуртан наша экспедиция въехала уже в десятом часу вечера, когда августовское солнце зашло за горизонт и поиски директора школы, которая могла бы принять нас на ночлег, пришлось вести с помощью включенных фар. Директора мы не нашли по причине её временного отъезда в Тюмень, зато нам показали, где найти завуча, Марину Александровну, а заодно и

главу Чуртанской администрации Сергея Матвеевича Обыденкова, которые суть одна семья. В полной темноте подъехали мы к дому на два хозяина на одной из окраинных улиц довольно большого села. Незнакомцам открыли дверь и после некоторых разъяснений радушно приняли, предложив переночевать тут же, на дому. Мы ещё раз поразились гостеприимству простого сибирского человека, не тронутого червоточиной городской цивилизации. Более того, несмотря на все наши возражения, хозяева накрыли стол (а было уже одиннадцать вечера, и к тому же Марина Александровна ухаживала за приболевшим мальчиком-первенцем), с неременной стопочкой. Мы рассказали о своих приключениях, а Надежда Леонидовна вернула сюда и историю про розовое облако, завершив её словами: «А все, кто видел его, уже умерли». «Да, я помню это облако, было дело», — простодушно заметил Сергей Матвеевич, опровергая тем самым

блестящую теорию матриарха музейного дела. И показал подарок от друзей на пятидесятилетие — аудиоцентр с караоке, тут же предложив его опробовать: «Когда праздновали юбилей — на всё село запевали». Трудно было отказаться от такого предложения, и ещё час прошел в пении песен, не столь громком, как на юбилее, но вполне душевном. Каждый спел по две песни, от «Чёрного ворона» до «Yesterday», и в час ночи дом, наконец, успокоился (если не считать неожиданного приезда тюменского брата Сергея Михайловича).

Когда для нас начался новый день, было уже семь утра. Позавтракав и поблагодарив добрых хозяев (которые встали на два часа раньше нас — деревня подымается, как и ложится, пораньше города), мы отправились узнавать Чуртан¹⁴. Планировка села в его старой части извилистая, свободная. Четыре дороги сходятся в историческом центре — пустынной, заросшей бурьяном площадке, где когда-то стояла деревянная церковь. Мы выбираем одну из них — необыкновенно скользкую, жирно-чернозёмную старинную улицу. Вскоре по правую руку видим приземистый домик за частоколом странных очертаний. На избушке (которая, как рассказали позже, принадлежала когда-то «старухе Гагарыхе») — проморённые до густого чайного цвета наличники с волютами и накладной резьбой по фронтому, в виде густо раскинувшего свои ветви дерева. Единственное, что портит картину и смущает глаз — нестройная обшивка домика из мелких досочек и две плиты с рядами набитых на них цветных пробок от пластиковых бутылок. Причём пробки уже захватили всё пространство плит и поползли на древние ставни. Надежда Леонидовна не в силах скрыть возмущения, ей вторит Татьяна Павловна. Наконец, эта сцена становится вызывающей, и к нам навстречу выбегает хозяин дома — низенький худощавый цыган с тонкими усиками. Весь подпрыгивая на остроносых туфлях, он живо интересуется гостями, с гордостью показывая свою работу: частокол и пробочную мозаику. «Нечем гордиться, — сердито заключает Надежда

Леонидовна, — это старина, её беречь надо». «Конечно, конечно, у меня ещё много пробок», — радостно кивает в ответ цыган. Беснадёжно махнув рукой, отправляемся дальше.

А дальше — кажется, посреди улицы растёт огромный раскидистый тополь. Под тополем обнаруживается не менее крепкий, хотя и несущий на себе явные следы бесхозяйственности, бревенчатый крестовый дом. На улицу выходят шесть окон с простыми дощатыми ставнями. Узор наличников тоже небогатый, но дом скроен ладно, гармонично. И пока мы с Татьяной Павловной фотографируем сей шедевр крестьянского зодчества, наша музейная сотрудница в поисках экспонатов уже нырнула в избушку-пятистенки напротив. И тут же вынырнула с призывными восклицаниями. Оказалось, здесь живёт 82-летняя старушка, Капитолина Андреевна Старцева, которая показала свои рушники для божницы. Узор их совсем другой, нежели осиновский и ермаковский; да и вышиты гладью, а не крестом. Но самым интересным оказалось то, что как раз в том большом доме напротив родилась мать нашей бабушки, Марфа Архиповна Сысоева. Она вышла замуж за жителя деревни Ново-Щетниково (теперь этой деревни нет — «изошла»), Андрея Щетникова, и дочь Капитолина родилась уже «тамока» (там); крестили её в Викулово. В следующем 1921 году произошло восстание, но о нём в семье никогда не говорили.

У мамы же было ещё четыре сестры и брат Фёдор, наследник крестьянского дела Архипа Васильевича Сысоева, который выстроил вместе с сыном «лет сто назад» тот самый дом. Он был едва ли не единственный на всё село крытый железом. Сысоевы держали большое хозяйство, занимались хлебопашеством, разводили коней и коров. Чуртанцы вообще отличались работоспособностью, упорством и настойчивостью. Недаром они особенно яростно отстаивали свои права на выращенный хлеб весной двадцать первого года. Вторым после продразвёрстки ударом по крестьянскому трудолюбию стала коллективизация.

Мост через реку Чириш в Поддубровном. Фото автора.

Старик Архип умер семидесяти пяти лет как раз накануне её начала. А вот его сыну Фёдору пришлось хлебнуть горя сполна: как раскулаченный, он был отправлен «из Сибири в Сибирь», откуда уже не вернулся. В том самом домишке, где живёт Капитолина Андреевна, остался жить её двоюродный брат, сын Фёдора, потом сюда перебралась из разрушенной деревни наша рассказчица. Так и живёт одна напротив дома своего деда, наблюдая, как он постепенно приходит в негодность. Сначала в нём располагался детсад, а теперь там живёт старушка, но уже не из рода Сысоевых.

Спросили мы и про чуртанскую церковь. На наше счастье, Капитолина Андреевна была её постоянной прихожанкой, и она поведала грустную историю деревянного храма, которую мы излагаем, несколько забегаая вперёд, с прибавлением некоторых фактов, собранных школьным музеем¹⁵. Ещё в XIX веке Чуртан был небольшой деревенькой, уступая в торговой славе селу Малахово, что располагалось на тракте

в десяти верстах к западу (ныне оно тоже почти «изошло»). Но постепенно чуртанцы своим упорством добились того, что их деревня стала центром округа. Здесь к концу позапрошлого века появилось две купеческих лавки, кожевенный завод, хлебозапасный магазин-склад, министерская школа. Согласно переписи 1897 года, в деревне насчитывалось 88 дворов, где проживало 88 лиц мужского пола и 171 — женского (вероятно, чуртанские мужики активно занимались «отхожим промыслом», т.е. искали заработка в других городах и весях). Но для того, чтобы получить статус села, не хватало своей церкви, строительство которой было начато в том же 1897 году. Деньги собирали всем миром; подрядчиком выступил некто Шубин. Окончилось строительство в 1901 году¹⁶.

Церковь, самая молодая в округе, поражала своим внутренним убранством и великолепным иконостасом. На службы (накануне праздника — вечерня,

в сам праздник или воскресный день — утренняя и обедня, т.е. литургия) ходили все жители села. Особым был праздник «Евдокия», отмечавшийся 1 (14 по н.ст.) марта. Надо думать, это был престольный праздник (впоследствии оказалось, что это не так)¹⁷. В памяти старейших чуртанцев сохранилось обращение к священнику и его жене — батюшка и матушка; матушка помогала прихожанкам убирать церковь накануне праздников и пела в церковном хоре. Был при церкви и псаломщик. Но вот как звали первого настоятеля, уже забылось. Одного из последователей именовали Иван Урбанский. Он особенно запомнился своей добротой, его называли лучшим из всех чуртанских попов. По кончине его хотели похоронить на церковной ограде, но, вероятно, местный сельсовет воспротивился, и местом его упокоения стало сельское кладбище. Ходила легенда, что злые люди впоследствии раскапывали его могилу, надеясь поживиться золотым наперсным крестом. После него служил Константин Тимофеевич Артамонов, «из местных». А последний настоятель прославился прозвищем «Рыжий», пьянством, неверием и многочисленным потомством¹⁸.

Евдокиевская церковь сумела устоять в страшные годы гонений на православие. Лишь во время войны была временно закрыта, использовалась под зерносклад. Однако на её беду председателем местного колхоза имени Фрунзе (прежний «Красный Восток») в 1944 году стал Василий Спиридонович Гольцов. Отличный хозяйственник, Герой Социалистического труда, выведший свой колхоз в «миллионеры», Гольцов был, однако, непримиримым атеистом. Он не мог выносить даже вида церкви и любил приговаривать, что там сидят его злейшие враги. Колхозников, заходивших в храм, Гольцов штрафовал; детей крестили украдкой, ночью, боясь гнева председателя. Репрессиям не подвергались лишь те, кто приезжал из других деревень — а чуртанская церковь осталась единственной действующей на десятки километров вокруг.

Наконец, долгое противостояние

Гольцова и церковной общины закончилось его победой. На дворе был 1961 год, наступала новая эпоха активной борьбы с «религиозными пережитками». Богомольных старушек заставили подписать обращение с просьбой отдать церковь под зернохранилище, а на следующий день подогнали новенький трактор, накинули трос на колокольню, подрубили её основания и сдёрнули на землю. Вслед за колоколами полетели вниз и купола¹⁹. Обезглавленный храм, однако, ещё долго сиротливо возвышался среди берёз, тополей и акаций разорённого церковного сада. В 1963 году в нём открыли столовую и буфет Балаганского сельпо (Балаганы — соседнее село, в пяти километрах южнее Чуртана), в 1966 их сменила прачечная. И использованную воду сливали непосредственно под пол, дабы церковь поскорее сгнила сама. В 1970–71 годах в её помещении устроили картофельный склад. Наконец, в 1978 году по указанию председателя сельсовета Степана Васильевича Дубоделова церковь была окончательно разобрана, а из брёвен сложили жилой дом на той же улице, где стоит домик Старцевой. Всё, что сохранилось от дивного храма — несколько любительских фотографий в альбомах бывших прихожанок. Нашлась такая и у Капитолины Андреевны — её сделал примерно в 1953 году сын Геннадий Николаевич, который тоже оказался участником нашего разговора (приехал в гости к матери). Он пояснил, что был тогда лет пятнадцати, снимал фотоаппаратом «Смена». Снимок, действительно, немного размыт, но ценность его безмерна — ведь церковь здесь запечатлена в своём изначальном виде.

А что же Василий Спиридонович? Дальнейшая его судьба сложилась более чем печально, в чём чуртанцы видят явное наказание Божье. В том же 1961 году он поехал в Балаганы на совещание председателей колхозов и, вероятно, по причине долгого застолья, остался ночевать у своего балаганского коллеги. Где-то посреди ночи, захватив керосиновую лампу, отправился по нужде «до ветру». Дальнейший ход событий

Сени и крыльцо дома Романенко в Поддубровном. Фото автора.

остаётся загадкой, но факт в том, что после этой ночи Гольцова срочно увезли в областной центр с сильнейшими ожогами; левая рука, по воспоминаниям очевидцев, обуглилась дочерна. Официальной версией стала неосторожность в обращении с керосиновой лампой, неофициальной — то, что председатель балаганского колхоза из зависти к соседу подговорил своих людей сжечь его паяльной лампой. Так или иначе, но прославленный Герой скончался в Тюмени, так и не узнав результатов расследования.

На прощанье мы попросили Капитолину Андреевну сфотографироваться с рушником с двумя чудесными птицами, который приобрёл у неё музей, на фоне домика. Старушка присела на завалянку, положив рушник на колени и не решаясь прикоснуться к белоснежному льняному полотну сотворившими его руками в морщинках и трещинках, что не знали отдыха от крестьянских трудов. А позади приветливо сияли в распахнутых ставнях

горшочки с бархатными малиновыми «гребешками», словно сбежавшими с цветистого павловского платка своей хозяйки.

Мы продолжили шествие по старинной улице, где нас ожидало два открытия. Первое — аккуратный домик-пятистенок, окружённый яблонями, на наличниках которого обнаружились те же пышные деревья, что и на Гагаринской избушке. Домик этот оказался принадлежавшим тому самому Гольцову. Прежде он был необшитым и покрытым тёсовой крышей; ремонт сделали уже нынешние хозяева, купившие его у наследников легендарного председателя в 1971 году. Сам домик построен не позднее двадцатых годов. Другое открытие — тоже пятистенок, но уже одиноко стоящий среди бурьяна на самом краю села, покинутый и разорённый. Однако на нём сохранились удивительные наличники с явными архаическими элементами в узорах и мотивах ниспадающих занавесей под барочными волютами.

Прежде чем проститься с Чуртаном, мы заехали в школу, где нас ждала Марина Александровна с директором школьного музея. Располагается он на первом этаже, в двух небольших комнатках. Поразил, особенно Надежду Леонидовну, тот факт, что деревянные предметы крестьянского быта «для красоты» оказались покрыты лаком — яркий пример их отчуждения от жизненной необходимости. Но это, конечно, от вполне извинительного незнания. А на крыльце состоялась встреча с Марией Викторовной Смирновой, чей дед Дмитрий Фёдорович Зылев участвовал в восстании 1921 года. Он был ямщиком у главы местного повстанческого отряда Короткова. Брали его в отряд дважды; первый раз оттуда вызволила «баба» (жена), второй раз он возил командира целую неделю. Было это уже в пору жестокого подавления восстания красногвардейскими отрядами. Когда они стали подходить к селу Челноково, где размещался штаб отряда, Дмитрий бросился в сани и погнал прочь; доехал до кума, оставил у него лошадей (всех конных каратели расстреливали на месте) и добрался до дома. Таким образом уцелел, причём сумел пережить незамеченным даже самые мрачные годы репрессий. Самого же Короткова предусмотрительно убил выстрелом в спину мужик-повстанец из Чуртана; отряд рассыпался и разбежался по домам. Так эхо двадцать первого года в пересказе внуки участника событий докатилось до двадцать первого века.

6. Поддубровное

На дворе был ещё двенадцатый час, и впереди оставалось немало времени. Мы решили заехать в село Поддубровное, что в десяти километрах к северу от районного центра. В краеведческих кругах оно известно тем, что там с давних пор существует музей, организованный уже почившим Николаем Георгиевичем Зыряновым, учителем русского языка и литературы, активно изучавшим историю своего села и края. Однако наши надежды осмотреть музей, расположенный в

специально построенном доме в центре села, оказались напрасны. По расписанию значился выходной, и нынешнего директора не удалось застать дома — сказали, что она уехала в Видулово. Поэтому нам пришлось ограничиться созерцанием надписи «Кончита», сделанной детской рукой на побеленной стене музея²⁰, пообедать остатками ишимской провизии на огромном колесе, лежащем у стройки магазина напротив здания сельской администрации, и утешить себя осмотром архитектурных достопримечательностей.

Тут надо заметить, что Поддубровное, стоящее на оживлённом тракте, что ведет напрямую в Усть-Ишим, оказалось относительно богато на разнообразные для сибирского села варианты резьбы. Хотя и это было далеко от армизонского пышного узорочья, мы всё же сделали немало интересных кадров. А перейдя по очаровательному деревянному мосту на другой берег местной речушки, обнаружили два дивных дома-пятистенка, расположенных неподалёку друг от друга на улице Романенко. Один, горделиво возвышающийся на углу улицы, смотрит окнами на речку и особенно хорошо выглядит с другого берега. Как оказалось, это — дом Ивана Павловича Романенко (улица названа в честь его сына — героя войны), построенный примерно в 1920-е годы. Дом строил он сам, а вот пропильную резьбу, обильно украшающую карниз, делали уже мастера. Особенно умиляет дворик этого дома, с сенями и крылечком под навесом, поддерживаемым резными колонками.

Подобная же резьба обнаружилась на доме чуть поодаль, где живёт с племянницей Мария Павловна Анисимова, 1917 года рождения. Несмотря на 85-летний возраст, хозяйка сама вышла встретить городских гостей и тут же согласилась передать в ишимский музей липовую льномялку, хранящуюся в подполье дома. Такого подполья мы не видели никогда. Вход в него осуществлялся через небольшую дверь в сенях, и если говорить точнее, то это был подклет, а не подпол. Правда, дверь, ведущая туда из сеней, оказалась заколочена, но

*Фрагмент дома Марии Павловны Анисимовой в Поддубровном.
Фото автора.*

племянница оказала всяческое содействие для проникновения внутрь. Помещение невысокое, но сухое. Правда, поиски льномялки заняли некоторое время, поскольку было неизвестно, как выглядит сей предмет; наконец, обнаружилось, что он замаскировался под подпорку для половой лаги. По нашей просьбе Мария Павловна сфотографировалась с этим уникальным инструментом крестьянского хозяйства. А Татьяна Павловна, зайдя в дом, обнаружила там настоящую русскую печь, о чём долго с восторгом рассказывала. Кстати, выходящая на крышу труба от печи обшита, подобно водостоку, железом — случай довольно редкий. Вообще дом, если сделать поправку на работу ветра, воздуха и воды, выглядел весьма презентабельно и в своё время явно был предметом гордости своих хозяев. А вот когда его построили, неизвестно — прежде тут жила тётка Марии Павловны, которая умерла лет двадцать назад, будучи 85 лет от роду — и во всю пору её жизни дом «уже стоял».

Мария Павловна как бы извинялась, что мало чем может помочь музею.

Тот самый Николай Зырянов был её родственником, так что многие фамильные реликвии стали первыми экспонатами поддубровского музея. Кстати, по её словам, местная речка называется Чириш, и такое же название имела когда-то деревня. Сама хозяйка родом не отсюда, а из деревни Одиной, что примерно в пяти километрах к северу от Поддубровного. Она подтвердила рассказанную в Осиновке историю про Рябовский источник и добавила, что ходили они девушками не только в Рябово²¹, но и в Усть-Ишим, на Николу весеннего (9/22 мая). Туда ходу почти сто километров, а шли пешком и босиком. Чтобы совсем не смозолить ноги, подшивали к чулкам куски холста. Туда ходили на богомолье из Поддубровного, Малышевой, Каргалов и других деревень; в Каргалах была церковь, там ненадолго останавливались. А тётя, прежняя хозяйка дома Анастасия Владимировна Мещерякова, ходила пешком в Тобольск, к Абалакской иконе Божией Матери. Там ей запомнилась такая сцена — икона «не пускала» к себе одного мужчину. Он несколько раз пытался подойти к ней, но

неизменно падал на спину; этот случай сильно удивил девушку.

7. В обратный путь

Однако время уже подгоняло. Мы, тепло попрощавшись с Марией Павловной, пустились в обратный путь. По дороге заехали в Викулово — надо было поблагодарить за содействие председателя районного отдела народного образования Людмилу Петровну Решетникову, а после мы решили взглянуть на восстанавливаемую Троицкую церковь. Храм, завершённый строительством в 1820 году²², как и чуртанская церковь св. Евдокии, относительно благополучно пережил почти пятьдесят лет советской власти, пока новый глава райисполкома Ефим Васильевич Григоров не воскликнул возмущённо: «Что это — над клубом колокольня с куполом?!» «Излишние» архитектурные элементы были незамедлительно устранены, а клуб стал походить на кирпичный сарай. Только в начале 1990-х годов при непосредственном участии игумена Евтихия (Курочкина) был подготовлен проект реставрации. И вот мы смотрим на его завершение уже через десять лет.

В основном храме ещё идут отделочные работы, поэтому входим в открытые двери южного придела. Там начинается всенощная служба двенадцатому празднику Успения Пресвятой Богородицы. Горят свечи перед иконами — старинными и нового письма; на клиросе — несколько женщин-певчих. Поют хорошо, проникновенно. Народу не так много, но в небольшом притворе уже тесновато. Мы здесь недолгие гости — сердце Коли рвётся домой, в Ишим. Обращаем внимание на фасады — увы, реставрация, как это часто бывает, превратилась в реконструкцию. Чувствуется глубокая утрата строительного мастерства: кровля куполов словно гранёная, нет ни намёка на былую плавность барочных линий; фасады восьмигранной колокольни оказались вовсе лишены декора, отчётливо видимого на старинной фотографии, на

основании которой делался проект. Печально видеть такое невнимание к мирозерцанию в камне наших далёких предков-мастеровых.

На небо вновь наползают тучи. Мы уже в дороге, под колёсами — надёжный асфальт, и уже никакой дождь не помешает нам, с Божьей помощью, добраться до родного города. Прощай, чудесный край медовых лип — такой же чудесный, как всякий уголок нашей Родины, который, стоит только чуть в него взглядеться, открывает свои удивительные тайны и показывает сокровенные корни бытия каждого из тех, кто родился в стране под названием Россия.

Примечания:

¹ А именно, начиная с левого верхнего угла и по часовой стрелке: Троица, Рождество и Введение во храм Богородицы, Благовещение, Сретение, Преображение, Воздвижение Креста Господня, Успение, Вознесение, Вход Господень во Иерусалим, Боявление, Рождество Христово.

² Престольным праздником Осинówki являлось Рождество Христово (что может быть единственным объяснением неправильного именованья иконы), Еловки — Покров, Ермаков — Николая Чудотворца (зимнего). Название престольного праздника, равно как и само его существование, связано с тем, во имя какого святого или праздника освящен главный престол местной церкви. Однако таковая имелась только в Ермаках. Наличие престольного праздника в деревне, не имевшей храма — явление хотя и парадоксальное, но традиционное для Сибири. Вот, например, известие из 1799 года: в Боровской волости Ишимского округа «в престольные праздники жители празднуют следующим образом. Где есть церковь, там отправляются к вечерне, заутрени и обедни, а где нет церкви, на это время ставят обыкновенно свечи пред иконами» (Тобольские губернские ведомости. 1861. N 6. С. 54. Курсив наш — Г.К.).

³ Шангина И.И. Свеча // Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. СПб., 2001. С. 503.

⁴ Примечательно, что в прежние времена,

если наступала очередь переносить икону через ручей или через дорогу, то для этого из Ермаков приглашали священника.

⁵ Она поясняет: настоящее отчество — Амвросиевна, а то написали в документах по ошибке.

⁶ Стоит заметить, что полотенца, вышитые крестом, здесь называются «натыканными», а глады — просто «вышитыми».

⁷ В статье Натальи Самохваловой (Вечерком на хуторе близ Викулово // Тюменская правда сегодня. 2001. 7 июля. С. 4) приводится другая версия — «из города Омска». В статье Любви Чекаловой (Окно с голубыми ставнями... // Наше время. 2001. 18 января. С. 10-11) утверждается, что икону привезли «из России, а точнее — из Тары Омской области». Закрыв глаза на странность такого географически путаного уточнения, заметим, что однозначных и достоверных суждений не довелось услышать и нам. Однако традиционный «сибирский» характер письма и тогдашнее административно-территориальное деление свидетельствуют всё же в пользу «тарского» варианта.

⁸ Кроме этой иконы, ермаковская церковь была примечательна «позолоченным гробом с погребением Иисуса Христа».

⁹ Произносит: Рабово.

¹⁰ Коля Марков впоследствии заметил, что так же, «вызывая дождь», пели крестьяне-переселенцы приишимского села Шаблыкино.

¹¹ Эта фамилия, как и Шевелёвы, очень распространена в Осиновке.

¹² Тот же отец Дениса Ивановича Ковалькова, что ездил за иконой, привёз с собою из Белоруссии ульи в дубовых колодах, которые подвешивались на дерево. Такими ульями пользовались все пчеловоды.

¹³ Мотив «богородичной» звезды, которую

можно увидеть на всех канонических изображениях Девы Марии.

¹⁴ В переводе с тюркского — «щука».

¹⁵ В частности — из реферата ученицы Чуртанской школы Тани Черновой (2000 года).

¹⁶ Сомнительным представляется всё же столь долгий — пять лет — срок строительства *деревянной* церкви. Поэтому стоит оговориться, что единственный документальный источник этих дат — стенды Чуртанского школьного музея.

¹⁷ Впоследствии удалось установить, что церковь была освящена как Вознесенская (Вознесения Господня).

¹⁸ Уже в Ишиме, спустя несколько месяцев, неожиданно обнаружилось ещё одно имя: о. Парфений (Ерёменко), который служил в Чуртане в послевоенные годы, а затем, в начале 1950-х, был переведён в Ишим, где долгие годы являлся настоятелем станционной Покровской церкви. Об этом рассказала его внучка Любовь Ефимовна Юровских.

¹⁹ Примечательно, что иконостас чуртанской церкви, по воспоминаниям местных жителей, был вывезен в Ишим, вероятно, не без участия о. Парфения.

²⁰ Кончита — героиня очередного бразильского телесериала, которая ради блага детей торгует своим телом. Поразительно, с какой педантичностью и успешностью образы героев с чуждыми русскому сознанию и душе ценностями проецируются в подрастающее поколение наших городов и сёл.

²¹ «Помню, стоял как бы амбарчик над родником, лет шестнадцать мне было» — т.е. в 1932 году.

²² Датировка постройки: Епархиальный адрес-календарь на 1901 год. Тобольск: Издание Братства Св. Димитрия Солунского, 1900. С.141.

К статье Г.А.Крамора
“В краю медовых лип”.
Фотографии автора.

**Село Ермаки.
Берег реки Тенис.**

**Супруги Шарайкины:
Пётр Иванович и Серафима Михайловна.**

**Икона Воскресения Христова
из дер. Осиновка.**

**Григорий Андреевич Усольцев
и его инструмент для катания
валенков.**

Вид, открывающийся по
дороге в Ермаки.

Мария Павловна Анисимова показывает,
как работали на льномялке.

Капитолина Андреевна Старцева и её
рушник-набожник.

Деревня Осиновка. Берег
реки Бичёвки.

Страницы мелуаров

А.В. ПЛОТНИКОВ

Детские годы мои

Я родился 13 сентября 1931 года на юге Тюменщины в деревне Александровка, что в нескольких верстах от райцентра Большое Сорокино. Словно наяву видится мне лениво катящая волны речушка Ик, на мелководных перекатах которой ловили мальчишескими рубашонками шустрых голянов, разгоняя в стороны сердито гогочущих домашних гусей, и кудряшная зелень деревенской поскотины, где оставляли на ночь стреноженных колхозных лошадей.

Вскоре родители перебрались в Ишим. И здесь мой отец, недавний колхозный счетовод, неожиданно даже для самого себя, стал управляющим районным отделением Сельхозбанка. Причиной такого карьерного взлета, по моему разумению, стала графа анкеты «образование», в которой папаня с гордостью писал «неоконченное высшее». В юности он действительно осилил два курса финансового института, благополучно бросив учебу после женитьбы на маме и зачатия в двадцать лет меня, своего старшего сына. Мама, сельский механизатор широкого профиля, устроилась водителем полуторки в Маслопром — одну из тогдашних крупных городских организаций.

Нам дали комнату в одноэтажном коммунальном доме на улице Старобольничной (ныне Чайковского). Наискосок через дорогу находился городской народный суд, а за ним, в глубине тенистого сквера, притаилась действующая церковь. Первыми моими местными впечатлениями стали побег через наш двор прямо из зала заседаний обвиняемого в разбое и удивительная встреча с молодым священником храма, коего, по-видимому, не из праздного

любопытства, обжигали взглядами мои ровесники и даже женщины постарше. Пойманный и отбывший срок беглец, по иронии судьбы, стал мужем младшей из моих семи теток по материнской линии, а с поседевшим благочинным отцом я познакомился через много лет в один из визитов к родителям.

Управляющему Сельхозбанком был положен персональный транспорт, и папе дали одноконный экипаж, а в дальнем углу нашего двора смастерили малогабаритную конюшенку. По совместительству со школьными занятиями я стал нештатным конюхом. Для деревенского паренька было не в тягость опекать приземистого конягу по кличке Пегаша.

Продолжить образование мне довелось в городской школе № 1, которая занимала первый этаж бывшей до революции бурсы*. На втором этаже мрачноватого каменного исполина размещалось педучилище, впоследствии ставшее педвузом, вытеснившим из своих стен школяров. В нашем классе я, пожалуй, был единственным отпрыском «привилегированной» семьи. У меня даже был пропуск на бесплатный вход в городской кинотеатр, но это мое преимущество оказалось недолгим. Через пару лет папаня за чрезмерное пристрастие к спиртному был снят с должности и стал рядовым бухгалтером в небольшом строительно-монтажном управлении. Основная же часть ребят и девчат представляла еле-еле сводящее концы с концами городское население, а у доброй трети кормилицы не вернулись домой с фронта.

Называть поименный список класса нет возможности, тем более что из года в год он обновлялся. Персонажами моих

* Здание духовного училища — прим. ред.

заметок станут парни, с которыми я особенно дружил. Таковых, вкуче со мной, было шестеро: Веня Яковлев, Липа (Олимпий) Комаров, Юра Емелев, Миша Ветохин и Адик (Адольф) Кузьмин. В разные периоды к нашей компании присоединились старшеклассник Вадим Духневич и учившийся классом младше Леня Огнев. Кроме последнего, будущего серебряного медалиста, все остальные особенными успехами не блистали, однако учились ровно, не огорчая своих педагогов.

Притягательными маяками для всей юной поросли Ишима являлись Дом пионеров и детская спортивная школа. И в обоих этих заведениях наша дружная восьмерка была на первых ролях в буквальном и переносном смыслах. Пьеса «Снежок» про угнетаемого американскими расистами негртенка, в которой мы были заняты, попала аж на областной смотр художественной самодеятельности в Тюмени, завоевав призовое третье место. Помню, что я, игравший упертого куклуксклановца мистера Бидла, вместо смокинга был одет в белый флотский китель, не зная, не ведая, что доведется носить его большую часть всей сознательной жизни. А баскетбольная команда, костяк которой состоял из нас, почти не знала поражений. В ней отличался Адик Кузьмин, попадавший в кольцо почти из любых положений.

В это же время заструился первый ручеек моей писательской биографии. Сначала городская газета «Серп и молот» напечатала мое малюсенькое восьмистрочное стихотворение, а затем и полновесный, во всю страницу очерк об ишимце Герое Советского Союза Константине Ражеве, имя которого носит теперь одна из улиц города. Не могу забыть того давнего разговора с ним.

- Расскажите подробнее о подвиге, - робко промямлил я.

- О чем? — вопросом на вопрос ответил он.

- О Вашем, за который Героя присвоили...

- Был я в первом броске. Днепр мы форсировали на плотях. Прилетели самолеты, бомбежка началась. Плот мой разметало по бревнышку. Оказался в воде. Оглянулся: назад, дальше вплавь не дотяну. Начал лопатить вперед. Вылез

А.Плотников на заре подводной одиссеи в чине лейтенанта. Камчатка. 1954.

на берег, надо стрелять. Фрицы нас не в гости пригласили. Вот и вся моя история.

Усмешливо глянув на мою разочарованную физиономию, хлопнул ладонью по плечу: «Шутковую я, конечно, парень. Дело было кровавое. Сколь наших ребят утонуло да на голых откосах полегло — не счесть. Не мне одному золотую звездочку повесили, всех представили, кто первым на правый берег пробился».

Помню и о школьных учителях, вложивших в наши ветреные тогда головы частицы своей души. Историк Александра Михайловна Соколова была нашим классным руководителем, а для меня лично — второй мамой. «Ты очень способный мальчик, Шура, но очень уж неорганизованный, разбросанный какой-то, - говорила она мне наедине. — Тебе целеустремиться надо. Я не призываю тебя забросить математику с физикой, геометрией и химией, но по складу ума ты — чистый гуманитарий. После школы тебе прямой путь в университет,

**А.Плотников - командир
подводной лодки.
Черноморский флот. 1969.**

на отделение журналистики». Ей не довелось узнать, что поступил я в Высшее Военно-Морское училище, в котором гуманитарные предметы были на самом шкентеле (то есть на самом заднем плане). А ее совет осуществил уже в зрелом возрасте, в чине капитана третьего ранга став студентом заочного отделения Литературного института имени Горького.

Химию преподавал Михаил Андреевич Зверев, очень интеллигентный человек пытливого ума, один из первых, по моему мнению, серьезных краеведов. Благодаря его изысканиям, бывшая улица Спокойная названа улицей Одоевского, в честь ссыльнопоселенного декабриста, ответившего на поэтическое послание Александра Пушкина. Михаил Андреевич собрал большой материал и о сосланном позднее в наши края народнике Григории Мачтете, авторе известной революционной песни «Замучен тяжелой неволей». Кстати, этот краевед установил подлинный первоначальный текст, который социал-демократы, в угоду

собственной конъюнктуре, здорово подредактировали.

Как педагог Зверев был очень уравновешен, никогда не повышал голоса на нерадивого ученика, в отличие от директора школы Петра Давыдовича Воробьева, импульсивного и громогласного преподавателя литературы. Каким-то образом узнав, что в классе по рукам ходит томик запрещенного Есенина, он потребовал выдачи опальной книги и, не обнаружив хозяина оной, заявил: «С сегодняшнего дня я буду каленым железом выжигать вашу есенинщину!» Выгонял из класса нарушителя дисциплины цитатой из своего любимого Маяковского: «К любым чертям с матерями катись!» А в душе он был мягкосердечным и отзывчивым человеком, весь его пафос был напускной данью тогдашнему времени.

Мои журналистские потуги были замечены в учительской, и я получил почетное назначение редактором школьной стенгазеты «За учебу». Художником-оформителем ее стал Леня Огнев. Не стану хвалиться ее содержанием, но внешний вид газеты всегда привлекал своей яркой броскостью, благодаря несомненному дарованию Огнева, которому многие прочили вселенскую славу в будущем. Известность он и в самом деле получил, но на совершенно другом поприще — став физиком-теоретиком, одним из учеников академика Андрея Сахарова. Несколько наших ватманских листов принесли школе Почетную грамоту гороно после смотра настенного творчества. Зато меня однажды крепко поколотила компания хулиганистых ребят, обиженных сатирической рубрикой «За ушко да на солнышко».

Чтобы развеять впечатление о нас, как о пай-мальчиках, расскажу о том, как однажды темным вечером трое из нас на моем Пегаше сделали несколько ходок на ближнее колхозное поле и, как теперь говорят, приватизировали несколько копен овсяной соломы, и продали ее одному из частных скотовладельцев. Но не для того, чтобы купить закуски с выпивкой, а на подарки младшеклассникам, воспитанникам детского дома.

В качестве лирического отступления скажу, что добрая половина нашей восьмерки была равнодушна к самой

Улица Карла Маркса. Нач. 1950-х гг. Фото Н.П.Хрулева.

красивой девушке класса Наденьке Седачевой, улыбчивой певунье с голубыми омутами чуток раскосых глаз. Но, увы, ни одного из нас она не приветила, отдав предпочтение «чужаку» Саше Ничкову, тоже учившемуся в нашей школе.

Забавным персонажем остался в памяти военрук Василий Демьянович Семенов, отставной капитан, прошедший от звонка до звонка всю минувшую войну и демобилизованный по ранению, кавалер многих боевых наград, которые он носил постоянно, предпочитая орденским колодкам. «Военному делу надо учиться с молодых ногтей!» - любил повторять он. «Выбив» в горвоенкомате несколько учебных трехлинеек с просверленными казенниками, а главное, парочку исправных малокалиберных винтовок, военрук организовал стрелковый кружок. В него записалась вся наша «дружина», и, разумеется, вскоре мы стали «ворошиловскими стрелками». Я же настолько увлекся огненным боем, что уговорил родителей купить мне одноствольную «тулку» и несколько раз сходил на утиные озера, благо тогда охотничьи билеты никто не требовал. Но

хитрые водоплавающие облапошивали меня. Единственным трофеем стал длинноногий куличок, которого я презентовал коту Ваське.

Весна и начало лета сорок девятого года оказались необычайно теплыми, и на Первомайскую демонстрацию местные жители вышли в рубашках и блузках. Наш класс нес портреты руководителей партии и правительства и большой транспарант с надписью «Молодежь за мир во всем мире». Мы возглавляли колонну школы, а Петр Давыдович постарался, чтобы в ней был полновесный кворум.

На выпускных экзаменах я опростоволосился, получив за сочинение всего лишь четверку. До сей поры помню, что в слове «рационализатор» я вместо «о» поставил «а», посчитав проверочным слово «анализ», а в учительской среде в ту пору не принято было подтасовывать результаты. Традиции последнего звонка тогда не существовало, а на столах прощального бала красовались только чайники и кофейники. Спиртное же, для желающих, разливалось в укромном уголке школьного двора. Глубокой июньской ночью мы гурьбой повалили на берег Ишима для ритуального омовения.

Река была полноводной и широкой. На самой ее середине у меня лопнула резинка, сильное течение сорвало и унесло трупы. Выбрался я на берег далеко в стороне от всех, отсиживался в тальниках до тех пор, пока Веня Яковлев не принес мне мои штаны.

Увы, материальное положение семьи к тому времени резко ухудшилось, отец сильно запил, мама заболела и ушла с шоферской работы. С мечтой об университете пришлось расстаться, но учиться дальше очень хотелось. После недолгих раздумий пошел сдаваться в военкомат. Передо мной разложили рекламу всех военных училищ. По состоянию здоровья я был годен для любого из них. Но все другие, кроме Высших Военно-морских, числились средними. Плебейская гордыня подсказала решение, и спустя пару недель я трясся на боковой полке плацкартного вагона, направляясь в далекий приморский город Владивосток, чтобы стать курсантом Тихоокеанского ВВМУ имени С.О. Макарова во Владивостоке. После пятилетнего обучения я был назначен командиром минной группы на большую подводную лодку типа «Ленинец» Камчатской флотилии, но через полгода этот корабль списали на слом, а экипаж направили за новой, строящейся на судовой верфи Николаева подлодкой. С той поры моя подводная служба, от командира боевой части до командира корабля, прошла на Черноморском флоте. В 29 лет от роду, будучи уже старпомом и капитаном третьего ранга, преодолев множество препон, по личному разрешению члена Военного Совета флота я прошел творческий конкурс и поступил на заочное отделение Литературного института имени А.М. Горького, диплом которого защитил в 1967 году.

К тому времени, из-за внезапного заболевания почек, меня списали на берег. Новое образование и две вышедшие в свет книги повестей и рассказов заинтересовали старейший, основанный еще в середине девятнадцатого века журнал «Морской сборник», предложивший мне должность специального корреспондента на Черноморском флоте, с размещением корпункта в городе Севастополе. Это был настоящий подарок судьбы, благодаря которому спецкору за пять лет работы довелось побывать в тридцати странах

мира, находящихся в добрых отношениях с Советским Союзом. Так был собран и реализован материал для двух романов: «Много в море дорог» и «Визитная карточка флота», которые переведены в Польше и Болгарии. Впечатлениями от своих дальних плаваний я делился с ишимцами через городскую газету под основанной мною рубрикой «Дороги наших земляков».

Однако фортуна — дева капризная: должность сократили, и бывший спецкор оказался в городе Калининграде, в редакции флотской газеты «Страж Балтики». Компенсацией за потерянный рай стали две новые книги, вышедшие в областном издательстве, а самого автора приняли в Союз писателей страны. Новая повесть «Молчаливое море» была оценена премией Министерства обороны и стала волшебным ключом от дверей крупнейшего не только в стране, но и в мире Военного издательства, ибо попасть офицеру в Москву с далекой периферии было не легче, чем верблюду пролезть в игольное ушко.

Заключительные семь лет кадровой службы я провел в Воениздате и в пятидесятилетнем возрасте уволился в запас капитаном первого ранга, заместителем главного редактора. Двумя годами раньше за роман «Звезды над рубкой» мне присудили премию имени Александра Фадеева, произведя таким образом в дважды лауреата, а писатели выбрали заместителем председателя Комиссии по военно-художественной литературе.

В моем литературном багаже семнадцать книг, множество публикаций в толстых и тонких журналах, две поставленных театрами пьесы, множество телесценариев, переводы с украинского, собственные издания за рубежом. Кроме упомянутых ранее стран, еще в Германии и во Вьетнаме. Писательскую карьеру мою, как и сотен других, прервали события начала девяностых годов прошлого столетия, когда вместо серьезной литературы Россию заполнили низкопробные детективные книжонки и скабрзные эротические поделки. Но писатель жив, и еще не умерли его надежды...

В завершение сообщу о дальнейших судьбах друзей моей юности, давших когда-то клятву «не умереть на чердаке».

Здание, в котором находилось педагогическое училище и школа N 6 (ныне 1-й корпус ИГПИ). Первая пол. XX в. Фото из архива Н.П.Хрулева.

Склоняю голову в память о тех, кого уже нет с нами... Это Вадим Игнатьевич Духневич, потомок ссыльного польского повстанца, доктор экономических наук, бывший проректор Чебоксарского Государственного университета, и Олимпий Константинович Комаров, лауреат Государственной премии, старший научный сотрудник Московского НИИ редких металлов, кандидат наук. Здравствующие поныне: полковник медицинской службы в отставке Михаил Иванович Ветохин — кандидат наук, Юрий Михайлович Емелев — ученый-атомщик, лауреат Государственной премии, Адольф Петрович Кузьмин — доктор технических наук, Леонид Иванович Огнев — доктор физико-математических наук, лауреат Ленинской и Государственной премий, Вениамин Федорович Яковлев — доктор юридических наук, бывший министр юстиции СССР, в настоящее время председатель Высшего Арбитражного суда, кавалер двух степеней высшего ордена страны «За заслуги перед Отечеством».

Недавно я был приглашен на его юбилейное торжество. Заранее подготовил поздравительный тост. Но, оказавшись в окружении министров, президентов республик, губернаторов,

сенаторов, депутатов Госдумы, высших чиновников многих ведомств, потерял дар речи и постеснялся прочесть свой спич. Вот этот:

*Он тогда известен был немногим,
В атласах кружочком небольшим,
Город, где ты бежал босоногим,
С неславянским прозвищем — Ишим.
Там в убогих мазанках из глины,
В суеде послевоенных дней,
Подрастала юная дружина
Нищетою не сломленных парней.
Дерзкие, с плебейского гордыней,
Смело ринулись они в житейский бой,
А Ишим гордится нынче ими,
Их неординарную судьбой.
В список покорителей великих
Спорта Олимпийского вершин
Внесены король лыжни Аникин,
Гений перекладины Шахлин.
Следом, Веня, ты — творец законов
Новой юридической волны
И всемирно признанный ученый,
Возродивший арбитраж страны.
Дальше Огнев, физик-созидатель,
По заслугам дважды лауреат,
Ну, а я, подводник и писатель,
Скромно дополняю этот ряд...*

Крылья нашей юности

Майским воскресеньем 1940 года я отправился на берег реки Ишим посмотреть начало ледохода. Путь пролегал мимо парашютной вышки (на ее месте теперь интернат одиннадцатой школы). Группа ребят-старшеклассников расправляла купол парашюта и подвешивала его к стальному кольцу-обручу. От купола тянулся трос, который через блоки на верхней траверзе вышки проходил в вертикальную трубу до низа, где к нему был прикреплен тяжелый груз — уравнивать парашютиста при прыжке. А от кольца-обруча вниз тянулось множество прочных текстильных шнуров-строп, к которым была прикреплена подвесная система из брезентовых ремней, одевавшаяся на тело прыгуна.

Оказалось, что группой руководит мой друг и одноклассник Анатолий Трофимов. После восьмого класса он поступил работать в железнодорожный клуб помощником киномеханика Николая Хрулева, а в дневное время еще и помогал в райсовете Осовиахима на прыжках с парашютной вышки. Очень популярных в то время в нашем городе.

- Хочешь летать на планере? — неожиданно обратился он ко мне.

- Где, когда, как?!

- Приходи завтра в райсовет, здесь недалеко, в доме педагогов Столяровых. Там инструктор Николай Рыжакин будет проводить первое занятие.

Боже мой! Как я обрадовался! Мы, ребятня тридцатых годов, с детства грезили авиацией. Строили модели планеров и самолетов. Авиация была молода — самолет французов, братьев Вильбура и Орвиля Райт, полетел в 1903 году.

Грезы наши были рождены еще и под влиянием героических полетов советских летчиков — спасателей челюскинцев, участников перелетов через Северный полюс в Америку — экипажей Чкалова, Громова.

Профессия летчика была овеяна романтикой полета человека в воздухе, пользовалась всенародной любовью и вниманием. И если вдруг в Ишиме появлялся молодой человек в синеголубой форме авиации, то не одна пара

девичьих глаз с завистью смотрела на него и его подругу. Ведь он — летает!

Родители, выслушав мой взволнованный рассказ о планерной школе, дали свое согласие, и утром следующего дня я уже был на веранде дома Столяровых. Инструктор, Николай Рыжакин, в форме старшего лейтенанта авиации Красной Армии (братья Рыжакины жили на одной улице Красина с Трофимовым) был приветлив и строг. Расспросил нас о семьях и нашем желании летать. Предупредил, что дисциплина будет военная. Никаких там Петя-Вася...

Занятия по теории длились недолго. Мы изучили устройство планера УС-4 (учебный-стандартный), название и назначение всех его частей. Фактически это была деревянно-фанерная конструкция, собранная на винтах и клее и обтянутая крепким текстильным авиаматериалом — перкалем.

Выкрашенный в зеленый цвет, планер весил около трехсот килограммов. Как оказалось, теория не была сложной. Мы скоро поняли, как образуется подъемная сила, как планер реагирует на действия рулей. Особо инструктор рассказал о порядке поведения на летном поле и технике безопасности.

Наступил день сдачи экзаменов по теории полетов. Мы волновались. Инструктор, в жизни веселый человек, на экзамене был суров и требователен. Наша группа быстро сдружилась, сошлись характерами. Собрались ребята и девчата добрые, уравновешенные, серьезные. Экзамен сдали все успешно. Нам было так радостно приобщаться к авиации...

Так кто же были мы?

Старшеклассники ишимской железнодорожной школы № 31: Анатолий Трофимов, Виктор Ермишин, Виктор Рыжакин, Бронислав Филистович, Геннадий Федоров, Катя Лысенко, Тамара Белоусова, Рая Кириевская и, постарше, Борис Иванов, Николай Крюков, машинист паровоза Ердяков и я, автор этого рассказа.

Помнится нас было больше, но память не всех сохранила...

- Завтра всем приходиться в полевой форме! Повезем планер на летное поле! — заявил вскоре инструктор.

Мы уже знали, что он ранее окончил челябинское авиационное училище и теперь работал в Осовиахиме по подготовке допризывной молодежи. А еще мы знали, что он был мужем нашей милой и любимой географички Таисии Ивановны Третьяковой. Он очень любил и гордился ею. Но с нами был строг. Авиация не любит шуток!

Наутро мы «повезли» планер в поле. Оно располагалось на другом берегу реки Ишим, правее моста, напротив стадиона «Локомотив». «Везли» мы планер на руках. Половинки крыла, например, несли всего по два курсанта. Планер же был для полетов, поэтому все его части были максимально легкими и в то же время весьма прочными.

На поле поставили брезентовую палатку. Поодаль вбили в землю «штопор» — толстый стальной прут с проволоочной петлей. За нее мы потом прицепляли планер за хвостовой крюк, чтобы при натяжении амортизатора он не сдвигался с места.

Амортизатор — толстый резиновый шнур, сантиметра три в диаметре, состоявший из множества тонких резиновых нитей в текстильной оплетке, метров 50-60 длиной. В середине укреплено стальное кольцо — для зацепа за носовой крюк планера.

За один день, под руководством Николая Рыжакина, мы собрали планер и отрегулировали его рули, тросы управления, расчалки. Потом был небольшой привал и любопытные рассказы инструктора об авиации.

Лето сорокового года стояло теплое, солнечное, почти без дождей, и мы начали «летать». Но это не то слово. Вначале была балансировка. Поскольку планер скользил по почве, траве на одной лыже, подкованный стальной полосой, его на стоянке надо было удерживать руками за крыло, чтобы оно было горизонтальным. Так балансировка и заключалась в том, чтобы, сидя в «кабине» планера, курсант, управляя с помощью ручки элеронами, держал крыло планера горизонтально. Без нашей помощи. Элероны были весьма чувствительны к встречному потоку воздуха, и нам довольно быстро, даже при легчайшем ветерке, удалось овладеть искусством балансировки. Сначала на земле, а потом и в полете. Надо сказать,

*Параютная вышка на ст.Ишим.
1930-е гг. Фото из архива
Н.П.Хрулева.*

что учились мы по программе первой ступени — полетам по прямой. Вторая ступень — полеты с разворотами — ожидалась на следующий год.

Второе упражнение — пробежка. Курсант садился в «кабину», мы пристегивали, как и при балансировке, обтекатель, планер — к штопору, а за носовой крюк цепляли кольцо амортизатора. По команде инструктора мы начинали растягивать концы его, направленные в виде буквы У, отсчитывая шаги. Их было десять, позже побольше. Затем следовала команда инструктора «Старт!» Курсант, пользуясь маленькой рукояткой, слева от себя, с помощью троса отцеплял планер от штопора и тот начинал скользить по траве. Это была та же балансировка, но уже на скорости.

Сидел обычно курсант в своей «кабине», поставив ноги на педаль — горизонтальную перекладину на оси, с ремнями крепления, правой рукой крепко держал ручку управления элеронами

и рулем глубины, а левой рукой — «стартовал»! Все органы управления были соединены с рулями тонкими стальными тросами.

Вскоре пробежки стали длиннее и стремительнее. С увеличением растяжки амортизатора. Начались «подлёты».

Инструктор, присев перед обтекателем, наблюдал за рулями глубины (высоты) и указывал курсанту, как держать ручку — к себе, от себя, чтобы руль был в определенном положении, в зависимости от веса курсанта. От угла подъема руля зависела крутизна взлета планера при старте.

Отойдя в сторону, он давал нам команду на растяжку амортизатора. Каждый десяток шагов мы громко кричали счет. По команде останавливались. К осени, когда мы уже стали действительно летать, число шагов растяжки увеличилось до 60. К тому же к концам амортизатора привязали длинные веревки, что позволяло планеру до отцепки амортизатора при подъеме набирать большую высоту, а следовательно, получать и большую дальность полета.

Читатель уже догадывается, что вскоре подлёты перешли в полеты.

Какое же чудесное чувство мы испытали впервые в жизни, оторвавшись от земли! Летели по воздуху! Словами не сказать — надо чувствовать! Поток воздуха в лицо, за спиной гудят расчалки, ребята сзади и внизу! А ты — летишь!

Чуть двинешь ручку от себя — планер послушно и плавно опускает нос, планируя приближается к земле. Ты весь внимание — пора посадки!

Сейчас, когда я пишу эти строки, чувствую, как вновь забилося сердце, как оно взволнованно стучало каждый раз перед стартом шестьдесят с лишним лет назад!

Посадка летательного аппарата на землю и сегодня — искусство пилота. А тем более у нас. Запаса высоты нет — планер безмоторный аппарат, и на второй круг не уйдешь. Приближаясь к земле, надо было плавно тянуть ручку на себя, выравнивая планер перед землей, чтобы погасить скорость снижения и полета. Плавно подвести планер к соприкосновению с землей.

Искусством посадки мы тоже овладели. Для этого нужен и глазомер, и опыт — это мы обрели...

Но были у нас и «козлы». Это когда подводили планер к земле слишком резко, круто, не погасив, сколько нужно, скорость. И тогда планер ударялся лыжей о почву и подскакивал вверх на метр-полтора в воздух, продолжая полет, и через несколько метров все-таки приземлялся. На скорости еще скользил по траве и останавливался. Нужно было балансировать до подхода прибежавших товарищей. Так требовалось. Они отстегивали обтекатель, и «летун», отстегнув поясной ремень, мчался бегом к инструктору (в авиации тех времен на летном поле не разрешалось ходить пешком — только бегом!).

Подбежал. Стойка «смирно»! Докладываю:

- Товарищ инструктор, курсант Рыдзевский задание выполнил!

Инструктор делал замечания, редко хвалил, ну чтоб не зазнались...

- Вольно! — и ты бежишь к друзьям устанавливать планер на новый старт. А как он там оказался? Просто. Прибежавшие курсанты разворачивали планер и, дружно взявшись за подкосы, волокли по траве на старт.

Каждый вечер на берегу стадиона собирались любопытные и подолгу смотрели в нашу сторону. Интересно же, в Ишиме уже летают! То были мы...

Так летали до осени, увеличивая высоту и дальность полетов. По ночам у планера оставались один-два дежурных. Таков был порядок.

Лето сорокового года осталось в памяти заполненным незабываемыми впечатлениями от полетов, новых друзей, мечтами о будущем...

Наконец в день последних полетов инструктор решил показать нам полет с разворотом. Показал, да так «удачно», что приземлился, вернее приводнился, посередине реки Ишим, напротив стадиона. Показал.. Успел отвязаться от ремня, которым мы пристегивались к сиденью планера, и вскочил на крыло. Когда мы прибежали к берегу, он, мокрый с головы до ног, уже приветствовал нас стоя на крыле.

Мы так и не поняли — он ошибся или пошутил — мы его знали, как человека веселого и в деле серьезного. Обошлось. Планер «выловили»; и на следующую весну, 1941 года, мы продолжили наши полеты...

Все курсанты получили свидетельства об окончании планерной школы первой ступени. Теория у всех была на «отлично». А летная практика по-разному. У Анатолия Трофимова обе оценки были «пять». Уж больно он хорошо летал и сажал планер. Инструктор простил ему однажды веселую выходку.

Набрав высоту, Анатолий сделал нам «ручкой» и вскричал «Привет!» За что и был отстранен от полетов на неделю. В назидание...

У меня однажды в сильный ветер состоялся «козел». Я плохо рассчитал посадку. Тряхнуло немного... Но разве «четверка» за полеты могла огорчить?! Я летал - и мечты сбывались!

В середине июня 1941 года инструктор предупредил нас, что в субботу, 21 июня, мы выходим в поход в Осовиахимовские лагеря, что находились в Синицынском бору, рядом с пионерским лагерем железнодорожников.

Нам выдали комбинезоны, учебные винтовки. Вечером собрались у палатки. До начала марша еще было время, и мы, по разрешению инструктора, направились в сторону городского сада. На случайной лодочке переправились на левый берег Ишима, как раз к танцевальной площадке. Молодежь приняла нас, «летунов», приветливо, и отказа в танцах не было. Вскоре прозвучала команда, и мы поплыли на «наш» берег.

Выступили в поход с винтовками. Старшие несли на плечах разобранный на части станковый пулемет «максим». Была первая задача: незаметно подойти ночью к лагерю и «напасть» на его охрану, то есть «проверить» бдительность молодых людей, проходивших там допризывную подготовку.

Часа два мы продвигались к лагерю и уже на рассвете под дружные крики «Ура-а-а!» вступили в лагерь. Часовые подняли тревогу. Началась стрельба холостыми патронами. Получилось маленькое учебное «сражение».

Не знали мы тогда, что через несколько часов начнется Большое сражение за честь, свободу и независимость нашей Родины... Занималось утро 22 июня 1941 года.

В лагере состоялось построение, оценка действий обеих сторон. Нам разрешили отдохнуть. А потом мы отправились домой...

...Я прилег поспать и вдруг услышал громкий стук в окно. За ним, в палисаднике, стояли возбужденные Генка Федоров и Сашка Вяткин. Я открыл окно.

- Стаська, война!!! — выпалил Генка.

- Какая война? Где?

- Как где?! Немцы напали на нас! Только что Молотов* по радио выступал!

Мы долго сидели втроем и рассуждали о вероломном, неожиданном для мира и страны, нападении фашистской Германии на Советский Союз.

Федоров, наш председатель школьного учкома, идейный ученик, заявил, что война закончится через три-четыре месяца. Он свято верил фильму «Если завтра война». Саша Вяткин был более сдержан. — Война растянется на несколько месяцев или лет, — заявил он. А мне казалось, что война, к которой мы последние годы вовсю готовились, будет нешуточной и продлится лет пять, а нам обязательно придется в ней участвовать. Так оно потом и случилось... Но это другая история и эпоха. Смертельно кровопролитная, трагическая и героическая!

Прошел я Отечественную войну от Курска до Варшавы пулеметчиком-зенитчиком (вместо авиамечты!)

Прошел я и 24 июня 1945 года в Парадном строю Советских войск на Красной площади в Москве на грандиозном Параде Победы!

И через 50 лет снова участвовал там же в юбилейном Параде Победы 9 мая 1995 года!

Сегодня многих наших планеристов нет в живых. И сев писать этот очерк, я хочу, чтобы в истории родного города Ишима, где я родился, вырос и научился летать, осталась память о нашем поколении, о наших мечтах и делах!

Поверьте, весьма неплохих в истории России!

* Молотов Вячеслав Михайлович — в 1941 году Председатель Совета Народных Комиссаров СССР, народный комиссар Иностранных дел СССР.

Вкратце об авторах

1. **Зах Виктор Алексеевич**, заведующий лабораторией палентологии института проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Тюмень), кандидат исторических наук, автор двух монографий, соавтор научно-популярной книги “Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям”. - Тюмень, 1994. Руководитель археологических исследований Ишимского района.
2. **Копылов Виктор Ефимович**, доктор технических наук, директор НИИ истории науки и техники Зауралья при Тюменском нефтегазовом университете. Автор разнообразных краеведческих статей и книги “Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера)” в трех томах. -Тюмень, 2001-2002.
3. **Крамор Геннадий Андреевич**, аспирант Тюменского государственного института искусств и культуры, журналист газеты “Ишимская правда”. Основные краеведческие интересы - история сибирского православия, провинциальная архитектура. Член городского общества по охране памятников архитектуры “Собор”.
4. **Курышев Игорь Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, экономики, истории ИГПИ им. П.П. Ершова, автор работ по истории сибирского крестьянства, гражданской войны в Западной Сибири и Северном Казахстане, сибирской периодической печати 1918-1921 гг.
5. **Малышев Владимир Николаевич**, учитель истории средней школы ст. Маслянская Сладковского района Тюменской области, создатель школьного музея. Автор книги “Земля Сладковская”. - Тюмень, 1998, а также многочисленных статей по истории Приишимья.
6. **Петрушин Александр Антонович**, полковник органов федеральной службы безопасности, заместитель начальника регионального управления ФСБ России по Тюменской области. Печатался в журнале “Родина”, периодике Югры, Тюмени. Автор книги “Мы не знаем пощады...”. Живет в Тюмени.
7. **Плотников Александр Николаевич**, писатель-маринист, автор семнадцати книг (“С морских глубин”, “Матросская слава”, “Молчаливое море”, “Визитная карточка флота”, “Звезды над рубкой” и др.), пьес (“Море должно быть справа”, “Чаепитие на клотике”), телесценариев, множества журнальных публикаций. Живет в Москве.
8. **Проскурякова Надежда Леонидовна**, старший научный сотрудник Ишимского краеведческого музея. Тематика исследований: Ишимская Никольская ярмарка, крестьянское восстание 1921 г., культура края. Автор сценариев документальных фильмов по истории Ишима и Приишимья, постоянный участник межрегионального фестиваля телевизионных фильмов “Белые пятна истории Сибири” (Тюмень). Член городского общества по охране памятников архитектуры “Собор”.
9. **Рыдзевский Станислав Иосифович**, инженер-конструктор, журналист. Редактор книги “Непобежденные” (Екатеринбург, 2000). Автор статей на страницах газет “Вечерний Екатеринбург”, “Уральский рабочий”, “На смену!”, “Наука Урала”, “Комсомольская правда”. Родился в Ишиме в 1924 г. Живет в Екатеринбурге.
10. **Савченкова Татьяна Павловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы ИГПИ им. П.П. Ершова. Автор научных и популярных статей по литературному краеведению, истории сибирской архитектуры. Редактор ряда краеведческих сборников и альманахов “Коркина слобода”. Член городского общества по охране памятников архитектуры “Собор”.
11. **Сарафанникова Лидия Александровна**, журналист, краевед, автор многочисленных статей по краеведческой тематике на страницах “Ишимской правды” и “Ишимского купца”. Основная сфера интересов: культура и образование в Ишиме XIX века, современные конфессии города.

12. **Скареднова Надежда Николаевна**, директор Голышмановского краеведческого музея, автор популярных статей по истории края в газете “Голышмановский вестник”.

13. **Щеглова Татьяна Кирилловна**, доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, зав. кафедрой Отечественной истории Барнаульского государственного педагогического университета. Автор монографий: “Ярмарки юга Западной Сибири в XIX - нач. XX века”. - Барнаул, 2002, “Ярмарки Западной Сибири

КОРКИНА СЛОБОДА.
Краеведческий альманах.
Выпуск 5.

Художник: Р.Симанов.

Издательская лицензия ЛР N 020036 от 22.11.1996 г.

Набрано, сверстано и отпечатано в филиале «Ишимская типография» ГУП ТО
«ТИД».

ул.Чкалова,17. Заказ N 313. Формат 60x84 1/8. Тираж 999 экз.

Объем 14,88 усл.п.л. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура “Лазурская”. Подписано в печать 28.08.2003 г.

Наш вернисаж

**Художник из села Лариха
Ишимского района
Фёдор Петрович Севернюк**

